

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Селиванова Ирина Владимировна

**Реализация лингвопрагматического потенциала публичного дискурса
в речах
испанского монарха Филиппа VI**

Специальность 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран
(романские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. М.М. Раевская

Москва – 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ МНОГОВЕКТОРНОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	17
§1. Публичная речь в ракурсе дискурсивных исследований	19
§2. Публичная речь как жанр политической коммуникации	31
§3. Публичная речь в лингвопрагматическом измерении	41
3.1. Публичная речь политического лидера и основные положения теории речевых актов	44
3.2. Публичная речь политического лидера в рамках теории речевого воздействия	48
3.3. Языковые средства выразительности в публичной политической речи	58
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	71
ГЛАВА II. ПУБЛИЧНЫЕ РЕЧИ ИСПАНСКОГО МОНАРХА ФИЛИППА VI В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	74
§1. Типология публичных выступлений испанского монарха	77
§2. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичных выступлениях испанского монарха	89
§3. Стратегии и тактики речевого воздействия в публичных выступлениях испанского монарха	116
3.1. Стратегия самопрезентации	118
3.2. Стратегии удержания власти	123
3.3. Стратегии убеждения	144
3.4. Стратегия презентации страны	156
3.5. Декларативная стратегия	158
§4. Языковые средства выразительности в публичных выступлениях испанского монарха	162
4.1. Метафора в публичном дискурсе испанского монарха	163
4.2. Лексический повтор в публичном дискурсе испанского монарха	179
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	211

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время со стороны научного сообщества наблюдается повышенный интерес к исследованию особенностей построения институциональной коммуникации и ее значения в общественно-политической жизни государства. Становится чрезвычайно востребованным изучение лингвопрагматического аспекта публичных выступлений первых лиц государства с целью выявления комплекса применяемых приемов речевого воздействия на массового адресата и их значения в процессе построения отношений между властью и обществом.

Специалисты из различных областей гуманитарного знания стремятся осмыслить природу публичной речи государственных деятелей и политических лидеров как примера институционального статусно-ориентированного дискурса с теоретических и практических позиций. Особое внимание уделяется изучению средств оптимизации вербального воздействия на адресата на материале различных языков [Бокмельдер 2000; Чикилева 2005; Комисарова 2008; Шевченко 2010; Миронова 2012; Бочарова 2013; Рядовая 2013; Чантуридзе 2015; Киянова 2019; Моисеенко 2019; Чекменев 2020; Алешина 2022; Ventero Velasco 2010; García-Ramos 2016; Medina López 2016 и др.]. Подобный интерес обусловлен тем, что публичная речь способна не только формировать социальную действительность и отношения между различными политическими субъектами, но и влиять на ход развития событий на внутривнутриполитической и международной арене.

В основе диссертации лежит представление о языке как об инструменте регулирования отношений между адресатом и адресантом. Публичная речь интерпретируется как *социальное действие субъекта, формулирующего свои коммуникативные намерения с учетом сложившегося исторического и текущего социально-политического*

контекста (условий общения). Настоящее исследование, основанное на результатах научных изысканий в области *лингвопрагматики* и *политической лингвистики*, посвящено изучению реализации *лингвопрагматического потенциала* публичных речей современного испанского монарха Филиппа VI, под которым подразумевается результат выбора содержания текста и языковых средств его передачи, то есть способность оратора с помощью языковых приемов произвести коммуникативный эффект и оказать воздействие на получателя информации [Урумашвили 2009: 42].

Актуальность диссертационного исследования обусловлена повышенным вниманием со стороны научного сообщества к способам речевого воздействия, определяющим эффективность коммуникативного акта в процессе восприятия речи в зависимости от коммуникативной ситуации и адресата, а также непреходящим интересом к проблемам изучения реализации лингвопрагматического потенциала публичных выступлений первых лиц государства и политических деятелей в русле таких приоритетных в современной лингвистике направлений, как политическая риторика, лингвориторика и лингвопрагматика. При этом институциональный дискурс современной испанской монархии, представляющий собой неотъемлемую часть общественных отношений, закрепленную многовековой традицией, до сих пор не получил своего детального научного осмысления в лингвопрагматическом аспекте.

Актуальность материала объясняется социально-экономической и политической обстановкой в Испании, в которой на протяжении последних пяти лет (2017–2022 гг.) возрастает негативное отношение к институту монархии на фоне коррупционных скандалов членов Королевского дома (2017 и 2020 гг.), каталонского кризиса 2017 г. и неудачной внутренней политики правительства на начальном этапе развития пандемии коронавируса (2019–2020 гг.). В этих условиях становится чрезвычайно

востребованным изучение речевого поведения Филиппа VI, который, продолжая быть ключевой фигурой общественно-политической жизни страны, выступает символом национального единства и посредником между социумом и властными структурами.

Степень научной разработанности проблемы. В последние десятилетия понятие политического дискурса как одной из самых востребованных в общественно-политической жизни страны практик институционального типа находится в центре пристального внимания специалистов из различных областей, однако именно в лингвистике *политический дискурс* стал рассматриваться в качестве самостоятельной научной категории в рамках *политической лингвистики*, основы которой были заложены в трудах А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, О.И. Воробьевой и др. [Шейгал 2000; Чудинов 2001; Воробьева 2008; Чудинов 2013].

В последнее двадцать лет появилось значительное количество исследований, посвященных изучению дискурса власти на примере публичной политической речи [Данилина 2002; Иванова 2003; Варавкина 2011; Миронова 2012; Кучеренко 2013; Ильичева 2015; Чантуридзе 2015; Гаврилова 2017; Ласица 2017; Абрамова, Агаркова 2019; Киянова 2019; Крячкова 2019; Чекменев 2020; Алешина 2022]. Кроме того, в научной литературе рассматриваются такие вопросы, как особенности тоталитарного дискурса [Кегеян, Ворожбитова 2014], функционирование средств языковой выразительности в институциональном дискурсе [Каслова 2003; Празян 2011; Миронова 2012; Спиридовский 2013; Уланова 2015; Джиева, Стрельникова 2016], приемы речевого воздействия в политическом дискурсе [Логинова 2004; Михалева 2004; Паршина 2005; Чикилева 2005; Заикина 2011; Саунина 2012; Акопова 2013; Ильичева 2013; Кучеренко 2012; Эйфельд 2015; Иссерс 2020], невербальные средства коммуникации в политической речи [Данилина 2002; Садуов 2012; Байрамкулова 2013; Чаньшева 2017; Цибуля 2018], факторы формирования

политического имиджа [Постникова 2003; Мякотина 2008], когнитивно-прагматические и композиционные особенности публичных выступлений [Чикилева 2005; Киянова 2019].

Особый интерес у исследователей вызывает американский [Чикилева 2005; Спиридовский 2006; Миронова 2012; Генералова 2014; Чантуридзе 2015] и российский президентский дискурс [Варавкина 2011; Гребельник 2015; Седых 2016]. Особенности публичной речи рассматривались также на материале выступлений членов британской монархии [Ласица 2017; Алифанова 2020], британских парламентариев [Минаева 2015; Матвеева, Зюбина, Лесняк 2016], испанского монарха Хуана Карлоса I [Ventero Velasco 2010; Gaspar, Ibeas 2015; Medina López 2016], испанских [Курчаткина 2008; Уржумцева 2009; Кучеренко 2013], немецких [Комисарова 2008; Нехорошева 2012; Цветкова 2016; Киянова 2019; Крячкова 2019], американских [Вишнякова, Александрова 2017] и латиноамериканских [Филаткина 2015; Воронцова 2019; Моисеенко 2019] политических лидеров.

Дискурс современного испанского монарха Филиппа VI¹ находится в фокусе внимания специалистов непосредственно с момента его восшествия на престол в июне 2014 г. Смена государственного лидера, связанная с отречением Хуана Карлоса I и передачей власти своему наследнику, ассоциируется с новым этапом в развитии Испании, поэтому интерес к выступлениям короля наблюдается не только в стране, но и за ее пределами [García-Ramos 2016; Cano-Orón, Llorca-Abad 2017; Раевская, Селиванова

---

¹ Филипп VI (р. 1968) вступил на престол 19 июня 2014 года после отречения отца. Уровень его подготовки (обучался в Испании, Канаде и США, владеет испанским, каталанским, французским, английским и греческим языками) полностью отвечает предъявляемым требованиям к современному государственному лидеру [Zarzalejos 2021]. В своей коронационной речи будущий монарх заявил, что приложит все усилия, чтобы стать «символом единства нации» и «королем всех испанцев», выразил готовность к ведению диалога и содействию равновесию различных ветвей власти и заявил, что будет стремиться к восстановлению доверия населения к институту монархии.

2020a; Раевская, Селиванова 2020b; Раевская, Селиванова 2021]. В рамках настоящей диссертации изучаются способы речевого воздействия в публичных выступлениях современного испанского монарха с помощью вербальных средств (идеологемы, стратегии и тактики, языковые средства выразительности) в связи с необходимостью исследования реализации их лингвопрагматического потенциала и выявления закономерностей построения текстов современного публичного дискурса власти.

В качестве **объекта** исследования выступают способы реализации лингвопрагматического потенциала публичных речей испанского монарха Филиппа VI, произнесенных в период с 19 июня 2014 г. по 22 февраля 2022 г. и опубликованных на официальном сайте Королевского дома (www.casareal.es). **Предметом** изучения являются используемые в публичных выступлениях Филиппа VI ресурсы речевого воздействия, среди которых основная роль принадлежит идеологемам, стратегиям и тактикам и языковым средствам выразительности.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в отечественной и зарубежной романистике впервые:

- рассмотрены лингвопрагматические ресурсы современного испанского языка на примере публичного дискурса Филиппа VI с учетом новейших тенденций в современной политической лингвистике и лингвопрагматике;
- предложена типология публичных выступлений испанского монарха и используемых в них идеологем с учетом их тематического наполнения и социально-политического контекста;
- разработаны подходы к анализу использующихся в дискурсе власти ресурсов речевого воздействия на материале публичных выступлений испанского монарха Филиппа VI;
- выявлена зависимость выбора средств речевого воздействия (идеологемы, стратегии и тактики, языковые средства

выразительности) от коммуникативного намерения (цели)² оратора, характеристик адресата и социально-политического контекста, которая позволяет проследить тенденции развития дискурса института монархии в современной Испании;

- создана типология метафор и лексических повторов, используемых в публичных речах испанского монарха Филиппа VI.

Целью настоящей диссертационной работы является определение способов реализации лингвопрагматического потенциала публичных речей испанского монарха Филиппа VI, подразумевающее изучение используемых в них ресурсов речевого воздействия (идеологем, стратегий и тактик, языковых средств выразительности), с помощью которых становится возможным проследить особенности данной статусно-ориентированной разновидности дискурса власти в современной Испании.

В связи с поставленной целью предполагается решить следующие **задачи**:

1) обобщить и систематизировать сведения о природе институционального статусно-ориентированного дискурса и особенностях его изучения;

2) рассмотреть публичные речи испанского монарха как феномен политической коммуникации в контексте испаноязычного дискурса власти и обозначить их признаки с точки зрения теории речевых актов;

3) раскрыть особенности речевого воздействия в публичной политической речи;

4) составить типологию публичных выступлений и классифицировать используемые в них идеологемы с учетом их тематического наполнения;

---

² В научной литературе в качестве синонимичных понятий употребляются термины «коммуникативная цель», «коммуникативное намерение», «коммуникативная установка» или «коммуникативная интенция» [Саидгасанова 2015].

5) проследить зависимость реализации лингвопрагматического потенциала публичных речей испанского монарха от типа адресата, коммуникативного намерения оратора и социально-политического контекста в Испании, которые образуют прагматическую рамку³ публичных выступлений государственного лидера;

6) определить стратегии и тактики речевого воздействия в публичных выступлениях испанского монарха и выявить зависимость их использования от компонентов прагматической рамки;

7) систематизировать основные средства языковой выразительности испанского языка, отвечающие за усиление речевого воздействия в публичных речах испанского монарха, и проследить зависимость их использования от компонентов прагматической рамки;

8) выделить основные сферы-источники и заимствованные из них метафорические модели, использующиеся в публичном дискурсе испанского монарха;

9) создать классификацию лексических повторов и определить их функции в публичном дискурсе испанского монарха.

В основе работы лежит **гипотеза** о том, что реализация лингвопрагматического потенциала публичного дискурса современного испанского монарха обусловлена не только (а) статусом и коммуникативными намерениями оратора и (б) характеристиками целевой аудитории, но и (в) сложившимся историческим и современным социально-политическим контекстом развития страны монарха (июнь 2014 г. – февраль 2022 г.), которые в своей совокупности определяют особенности

---

³ *Компоненты прагматической рамки* публичной политической речи включают, согласно Н.Б. Руженцевой, статус и интенции оратора, а также характеристики адресата. В настоящей работе применительно к публичному дискурсу испанского монарха с учетом разработок Н.Б. Руженцевой, Н.Д. Аругюновой и А.П. Чудинова представляется целесообразным добавить к ним тематику сообщения, а также сложившийся исторический и современный социально-политический контекст [Руженцева 2016].

использования средств речевого воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI.

Теоретической базой являются труды зарубежных и отечественных ученых в области *политической лингвистики* (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, О.Д. Вишнякова, О.И. Воробьева, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.), *институционального дискурса* (В.И. Карасик, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, М. Вентеро Веласко, Х. Медина Лопес, А. Гаспар, Н. Ибеас и др.), *дискурса власти*, в том числе и испаноязычного (М.М. Раевская, В.Э. Согомоян, А.А. Тихонов, В.Е. Чернявская и др.), *теории риторики* (А.А. Волков, Е.Н. Зарецкая, А.К. Михальская, Г.Г. Хазагеров), *лингвориторики* (А.А. Ворожбитова, С.Э. Кегеян), *теории публичной политической речи* (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, О.И. Воробьева, О.С. Иссерс, Е.Г. Казакевич, К.А. Киянова, Г.А. Копнина, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.), *культуры речи и эффективности общения* (Л.А. Введенская, Л.К. Граудина, М.Н. Кожина, Л.Г. Павлова, Е.Н. Ширяев и др.), *прагматики дискурса* (Н.Д. Арутюнова, Р. Водак, Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова и др.), *теории речевых жанров* (М.М. Бахтин, В.В. Дементьев, Ф.Л. Косицкая, Н.В. Орлова, К.Ф. Седов и др.), *теории речевых актов* (П. Грайс, Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль и др.), *теории речевого воздействия* (Р. Блакар, О.И. Иссерс, В.И. Карасик, Е.В. Ключев, Г.А. Копнина, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, Г.Г. Почепцов, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, М.Ю. Федосюк и др.), *лингвопрагматики* (Г.П. Грайс, Б.Ю. Норман, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов и др.).

Настоящее диссертационное исследование носит междисциплинарный характер и интегрирует результаты научных изысканий в области *лингвопрагматики* и *политической лингвистики*, поэтому его **методологический инструментарий** представляет собой функциональный сплав этих дисциплин. В работе применяются как

общенаучные методы (анализ и синтез, индуктивный, описательно-аналитический), так и методы лингвистического исследования (сравнительный и дискурсивный анализ):

- *метод анализа и синтеза* позволяет изучить различные подходы к исследованию институционального политического дискурса и трактовке ключевых понятий, рассмотреть его признаки и свойства и обобщить полученные сведения;
- *индуктивный метод* необходим при переходе от конкретных наблюдений над языковыми фактами к их систематизации и обобщению с целью определения тенденций развития дискурса современной испанской монархии;
- *описательно-аналитический метод* применяется для описания и анализа инструментов речевого воздействия в публичных речах испанского монарха;
- *метод сравнительного анализа* позволяет определить сходства и различия при анализе лингвопрагматического потенциала различных типов публичных речей испанского монарха;
- *дискурсивный анализ* служит для изучения публичных выступлений Филиппа VI как продукта речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических и культурно-исторических условиях.

Материалом исследования послужили тексты публичных речей испанского монарха Филиппа VI, произнесенные на испанском языке и опубликованные на официальном сайте Королевского дома в период с 19 июня 2014 г. по 22 февраля 2022 гг. Общий объем выборки составляет 524 речи.

Достоверность результатов обеспечивается репрезентативностью обширного фактического материала, сочетанием общих и специальных

методов его изучения (метод анализа и синтеза, методы сравнительного и дискурсивного анализа, индуктивный и описательно-аналитический методы), а также эмпирической проверяемостью и соответствием полученных выводов положениям, разработанным в фундаментальных научных исследованиях отечественных и зарубежных специалистов в области лингвопрагматики и политической лингвистики.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в научном осмыслении ресурсов речевого воздействия в современном дискурсе власти на примере нового материала в аспекте лингвопрагматики; систематизированном представлении публичных выступлений испанского монарха и используемых в них идеологием, а также стратегий и тактик речевого воздействия; выявлении закономерностей функционирования языковых средств выразительности в публичном дискурсе с учетом адресной направленности. Предпринятое исследование вносит вклад в развитие теории политической лингвистики, лингвориторики, имиджеологии и лингвопрагматики, а также способствует дальнейшему изучению статусно-ориентированного институционального дискурса и дискурса власти в целом и публичного дискурса государственных и общественных лидеров в частности.

Кроме того, благодаря впервые проведенному комплексному изучению особенностей публичных выступлений Филиппа VI с точки зрения лингвопрагматики статусно-ориентированного институционального дискурса работа вносит вклад в развитие отечественной и зарубежной романистики.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при создании курсов и семинаров по лингвопрагматике, лингвориторике, политической риторике, дискурсивному анализу на материале испанского языка, а также на практических занятиях по испанскому языку при подготовке лингвистов,

филологов, журналистов, переводчиков и специалистов по связям с общественностью с целью формирования языковой компетенции (в первую очередь лексической и грамматической).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Типология выступлений испанского монарха непосредственно связана с компонентами прагматической рамки – тематикой сообщения и характеристиками адресата, при этом ее расширение с 2017 г. (появление *выступлений по особым случаям*) связано с готовностью оратора оперативно учитывать изменения социально-политического контекста и проявлять эмпатию в критические для страны моменты.

2. Ориентация на *целевую аудиторию* является ключевым фактором при выборе идеологем⁴: речи *внутренней адресации* характеризуются активным использованием *идеологем интегративной семантики* (*convivencia, convivencia democrática, convivencia en paz y libertad* и пр.), при этом во время пандемии коронавируса получила распространение идея жертвенности и самоотверженного труда, транслируемая при помощи *идеологем с положительным аксиологическим модусом* (*sacrificio, esfuerzo* и пр.); в речах *внешней адресации* их задача сводится к созданию благоприятного имиджа страны Испании за рубежом (*socio leal y fiable, socio leal y responsable* и пр.) и прокламации принципов демократического существования и международного сотрудничества (*convivencia entre naciones, proyecto europeo, cooperación internacional* и пр.).

---

⁴ *Идеологемы, концепты и стереотипы сознания* являются смежными, но не синонимичными понятиями. Концепты складываются стихийно (исторически закрепленный культурный феномен, элемент языковой картины мира), в то время как идеологемы представляют собой результат целенаправленной дискурсивной деятельности (целенаправленное воздействие со стороны адресанта на сознание адресата с помощью заранее заданной идеи). При этом концепт считают *уже устоявшимся в обществе стереотипом сознания*, имеющим культурную коннотацию, а под идеологемой подразумевается только *складывающийся стереотип сознания*, имеющий идеологическую коннотацию [Клушина 2008].

3. Выбор стратегий и тактик речевого воздействия варьируется в зависимости от целевой аудитории: для выступлений **внутренней адресации** ключевыми становятся *стратегия самопрезентации, стратегии убеждения*, а также *стратегия формирования эмоционального настроения*, играющая особую роль в процессе объединения граждан на основе национальной патетики и проявления эмпатии со стороны оратора; превалирование *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии* в речах **внешней адресации** преследует задачу по формированию положительного имиджа Испании за рубежом.

4. *Метафорические модели*⁵, как традиционные для политической коммуникации («РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ – это БОРЬБА», «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – это ОБЩИЙ ПУТЬ» и др.), так и с национально обусловленным компонентом («ИСПАНИЯ – это НАШ ДОМ», «ПАРЛАМЕНТ – это СЕРДЦЕ ИСПАНИИ» и др.), служат эффективным способом реализации коммуникативного намерения оратора в первую очередь в публичных речах **внутренней адресации** в рамках *агитационной* и *информационно-интерпретационной стратегий*. В речах **внешней адресации** метафоры используются для создания положительного образа Испании (метафорическая модель «ИСПАНИЯ – это СОЮЗНИК/ДРУГ») и трансляции принципов существования ЕС (метафорические модели «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА», «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это ОБЩИЙ ПУТЬ» и др.) в рамках *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии*.

5. Использование лексического повтора (идеологем, дескриптивных и оценочных прилагательных, местоимений интегративной семантики, эмотивных лексем) как инструмента речевого воздействия характерно в первую очередь для речей **внутренней адресации** с целью *расширения*

---

⁵ Терминология А.П. Чудинова [Чудинов 2013].

функционального образа реалии-референта (монарха, Генеральных кортесов и Конституции), презентации различных граней образа реалии-референта (страны и общества) в рамках стратегии презентации страны и интенсификации эмоционального участия говорящего в состоянии собеседника в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались на следующих конференциях: XX международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ, 2018 г.); 3-я международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе» (МГТУ им. Н. Баумана, 2018 г.); IV международная научно-практическая конференция «Стратегии межкультурной коммуникации в современном мире: язык, образование, культура» (НИУ ВШЭ, 2018 г.); международная научно-практическая конференция «Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов» (МГЛУ, 2018 г.); международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2018, 2019, 2020, 2022 гг.); «IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках» (РУДН, 2019 г.). По теме диссертации опубликовано 15 статей (из них 9 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности).

Структура диссертации отражает основные этапы предпринятого исследования, определяется поставленными целями и задачами и состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы (278 наименований).

Во Введении обосновывается выбор темы, актуальность и новизна проводимого исследования; рассматривается степень научной разработанности проблемы; обозначаются объект и предмет исследования, его цель и задачи; описывается изучаемый материал и методы его анализа; отмечается теоретическая и практическая значимость работы;

формулируются выносимые на защиту положения; приводятся сведения о степени достоверности и апробации результатов диссертации; указывается структура работы.

В первой главе системно излагается теоретико-методологическая основа исследования политического и институционального статусно-ориентированного дискурса; описываются признаки и функции публичной политической речи как жанра политической коммуникации и примера дискурса власти; раскрываются ее особенности в лингвопрагматическом измерении (с учетом теории речевых актов и теории речевого воздействия), определяется прагматическая рамка публичного дискурса монарха.

Во второй главе приводится типология публичных речей Филиппа VI, систематизированных согласно их тематике и ориентации на адресата (национальная и международная аудитория), и выделяются их ключевые характеристики; анализируются способы реализации лингвопрагматического потенциала выступлений внутренней и внешней адресации с точки зрения особенностей использования ресурсов речевого воздействия (идеологем, стратегий и тактик, языковых средств выразительности) в зависимости от коммуникативного намерения оратора, адресной направленности и социально-политического контекста современной Испании.

В Заключении обобщаются основные результаты и подводятся итоги проведенного исследования.

ГЛАВА I. ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ МНОГОВЕКТОРНОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном обществе монархия представляет собой особый институт с собственной природой и миссией, отличающийся от других органов государственной власти. В европейских странах монарх является представителем верховной магистратуры и играет одну из главных ролей в жизни общества, несмотря на символический характер его выступлений, не обладающих юридической силой.

Изучение публичных речей главы государства позволяет не только определить особенности его дискурса и продвигаемые политические ценности и идеалы, но и оценить лингвопрагматический потенциал его выступлений. В настоящее время *публичная речь* стала объектом изучения лингвистических исследований в рамках *риторического* (В.И. Аннушкин, М.Б. Будильцева, М.Н. Крылова, Т.Д. Плюснина, Т.Е. Тимошенко и др.), *психологического* (М.А. Поваляева, М.Л. Соснова, Г.Р. Чернова и др.) и *лингвистического* (И.В. Арнольд, М.Я. Блох, И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский, О.И. Москальская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.) направлений. Обзор литературы по выбранной тематике свидетельствует о традиционно стабильном в последнее десятилетие интересе к изучению публичной речи в контексте политической коммуникации [Иванова 2003; Рублева 2006; Константинова 2013; Кучеренко 2013; Сересова 2017; Крячкова 2019] и статусно-ориентированного дискурса [Маркова, Харламова 2005; Чикилева 2005; Кондратенко 2007; Комисарова 2008; Варавкина 2011; Гребельник 2015; Ильичева 2015; Чантуридзе 2015; Сладкевич 2016; Ласица 2017; Киянова 2019; Моисеенко 2019; Раевская, Селиванова 2020; Ventero Velasco 2010; García-Ramos 2016; Medina López 2016] в рамках лексикологии, прагматики, лингвокультурологии, риторики, когнитивистики и имиджеологии. Возрастающий интерес со стороны

научного сообщества к рассматриваемой проблематике обусловлен необходимостью изучения и раскрытия механизмов эффективного воздействия на общественное сознание в современной политической коммуникации, которая стала рассматриваться не столько как инструмент описания действительности, сколько как механизм и форма ее конструирования [Золян 2016].

В научной литературе публичная речь рассматривается как (а) жанр политического дискурса, как (б) вид социального взаимодействия, а также как (в) процесс коммуникации, обладающий своими композиционными и стилистическими особенностями, в ходе которого оказывается воздействие на целевую аудиторию, зависящее в первую очередь от ее характеристик. Ее особенностью является направленность на изменение представлений адресата о политической реальности и реконструирование существующей в его сознании картины мира. При этом при ее исследовании необходимо учитывать (а) социально-политический контекст, детерминирующий ее «содержание и способы вербализации смыслов в речи», (б) ситуацию общения, включающую хронотоп (время и место)⁶ и формат политического публичного выступления, а также (в) личность политика, его имидж и статус, социальный и политический опыт, языковую компетентность [Катынская, Замятина 2017].

В настоящей диссертации под *публичной речью* понимается развернутое монологическое высказывание, характеризующееся наличием «замысла, структурно-композиционной и содержательной завершенностью,

---

⁶ Термин «хронотоп» был введен М.М. Бахтиным, который трактовал его как «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975]. В теории дискурса данное понятие обозначает время и место его функционирования и определяет его типологию [Карасик 2002]. В публичной речи хронотоп включает время (дата, продолжительность, периодичность, временная структура) и место выступления (митинг, телестудия, парламент, рабочий кабинет, зал заседаний). Данный параметр определяет ее формат (полилогические и монологические формы) [Катынская, Замятина 2017: 161].

целенаправленностью и установкой на воздействие» [Блох, Фрейдина 2011: 3]. Выступления испанского монарха Филиппа VI рассматриваются в рамках лингвопрагматического и дискурсивного направлений языкознания как пример *статусно-ориентированного общения*⁷ с учетом широкого социально-политического контекста, задающего условия и направленность коммуникации, характеристик адресата и целевой аудитории, а также средств достижения прагматического эффекта.

§1. Публичная речь в ракурсе дискурсивных исследований

Публичная речь государственного лидера, реализующаяся как акт институциональной политической коммуникации, является традиционным объектом дискурсивных исследований на современном этапе развития языкознания (К.А. Киянова, О.А. Маркова, Л.В. Моисеенко, А.М. Нехорошева, М.М. Раевская, И.В. Селиванова, А.О. Уржумцева, Т.В. Харламова, Ю.М. Чантуридзе, Л.С. Чикилева и др.). Интерес к ее изучению связан с необходимостью раскрытия механизмов речевого воздействия на общественное сознание и выявления закономерностей взаимного влияния языка и политики.

Понятие «дискурс» было введено в научный обиход бельгийским лингвистом Э. Бюиссансом в 1943 г. Авторитетным автором в изучении этого феномена является Т.А. ван Дейк, который одним из первых указал на необходимость рассмотрения экстралингвистических факторов (мнения и установки говорящих, их социальный и этнический статус, ситуация общения и пр.) [Дейк 2013]. К середине XX в. сложилось понимание *дискурса* как категории, связывающей абстрактную знаковую систему и

---

⁷ Под *статусно-ориентированным общением* понимается диалог людей, воспринимающих друг друга как представителей определенной группы; этот тип дискурса носит сугубо функциональный характер и обусловлен практическими потребностями общества [Карасик 2016: 62].

живую речь и раскрывающей механизм актуализации языка в естественной коммуникативной ситуации.

В современных исследованиях при изучении любого типа дискурса особо подчеркивается значимость экстралингвистических факторов: *дискурс* воспринимается как речемыслительная деятельность, обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планом [Красных 2001]; как вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни [Чикилева 2005]; как «сложное коммуникативное явление», подразумевающее акт создания текста и отражающее зависимость речевого произведения от ряда экстралингвистических обстоятельств [Генералова 2010: 96]; как «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик 2016: 21].

В качестве базового определения в работе принята формулировка В.В. Виноградова, согласно которому *дискурс* представляет собой «коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения» [Виноградов 1963: 238]. Подобное видение дискурса отражается в работах Н.Д. Арутюновой, представляющей *дискурс* как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136-137].

К числу наиболее значимых характеристик дискурса в его современном понимании относятся: а) дискурс рассматривается как коммуникативное явление, включающее социальный контекст, позволяющий составить представление об участниках коммуникации и о

процессах производства и восприятия сообщений; в широком смысле дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта, то есть формой межличностного вербального взаимодействия [Дейк 1989: 112]; б) дискурс интерпретируется как «текст, взятый в событийном аспекте», как «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» в рамках определенных, релевантных для данного общества и культуры коммуникативных ситуаций [Арутюнова, Падучева 1985; Арутюнова 1990; Цурикова 2001].

Кроме того, в научной литературе особое внимание уделяется проблеме разграничения понятий «дискурс», «речь» и «текст», о которой впервые заговорил Т.А. ван Дейк. Считается, что дискурс воплощается в тексте и связан с речевым производством. Термин «дискурс» выступает родовым понятием по отношению к видовым понятиям «речь» и «текст», объединяет все параметры, свойственные как речи, так и тексту [Шейгал 2000]. Явление дискурса предполагает происходящие в сознании процессы, возникающие до и после произнесения текста [Архипов 2001: 81]. Таким образом, это понятие представляет собой более масштабную категорию, включающую в себя не только само высказывание, но и моделирующие ситуацию стратегии и тактики коммуникантов [Родина 2018: 103].

По словам В.В. Родиной, в настоящее время понятие «дискурс» «перешагнуло лингвистику» и отличается междисциплинарным подходом к изучению: «на смену исключительно лингвистическому пониманию пришло осознание дискурса в качестве трансцендентального метафизического феномена» [Там же: 109]. Иными словами, при анализе любого вида дискурса учитываются его знаковое выражение, прагматичность и социолингвистические характеристики. В основе дискурса лежит человеческий опыт, в котором отражаются фрагменты

действительности (внешняя ситуация, определяющая тему общения, коммуникативная среда, представляющая собой предметное окружение собеседников во времени и пространстве в процессе их языкового взаимодействия) [Чикилева 2018]. Таким образом, при изучении любого вида дискурса происходит обязательное «эксплицитное обращение к контексту коммуникации и взаимодействия» [Герасимов, Ильин 2002: 70].

Анализ дискурса представляет собой «перспективный инструмент изучения социальных проблем, которые выражены в процессах коммуникации и социального взаимодействия» [Там же]. Дискурсивные признаки могут быть лишь симптомами или фрагментами реализации крупных социальных проблем – неравенства, классовых различий, расизма, политической власти и пр. Вслед за Т.А. ван Дейком В.И. Герасимов и М.В. Ильин считают, что дискурс имеет огромное значение в идеологическом оформлении этих проблем, то есть в их представлении, в коммуникативном воспроизведении и в выработке соответствующих социальных и политических процедур принятия решений [Там же].

В настоящее время выделяют два ведущих направления в области изучения политического дискурса: *критический дискурс анализ* (КДА) и *постмодернистский дискурс-анализ*. При этом оба подхода обнаруживают общие черты, поскольку опираются на работы философов и ученых, которые внесли значительный вклад в исследование взаимосвязи дискурса и политики (Л. Альтюссер, Р. Барт, М.М. Бахтин, П. Бурдье, А. Грамши, М. Пешё, М. Фуко, Ю. Хабермас). Их объединяет интерпретация дискурса как властного ресурса, выполняющего следующие функции: а) конструирование и деконструирование социально-политического образа мира; б) регулирование, распределение и воспроизводство властных отношений; в) формирование социальных, политических и идеологических идентичностей как способа позиционирования по принципу «свой-чужой»; г) артикуляция социальных притязаний, интересов, ценностных ориентаций

в политической борьбе [Русакова 2008: 118]. Тем не менее, в рамках *критического дискурс-анализа* (Р. Водак, Т.А. ван Дейк, П. Чилтон и др.) политический дискурс трактуется как вербальная (письменная или устная) репрезентация отношений идеологического доминирования и идентификации социальных субъектов в процессе коммуникации. В русле *постмодернизма* (С. Жижек, Э. Лакло, Ш. Муфф, Я. Торфинг и др.) дискурс рассматривается как открытое и изменчивое образование, как синоним практики социального конструирования.

О способности дискурса конструировать действительность и влиять на ее восприятие упоминали многие исследователи (Ж. Дериде, М.В. Йоргенсен, Э. Лакло, Ш. Муфф, М. Пешё, П. Серио, Я. Торфинг, Л. Филлипс, М. Фуко и др.). Для настоящего исследования представляется релевантной позиция М. Фуко, согласно которому роль дискурса заключается в упорядочивании социальной реальности. В его понимании дискурс представляет собой властную силу, создающую отношения равенства или неравенства между социальными субъектами. При этом право регулировать их или влиять на них принадлежит властным инстанциям. Дискурс в понимании М. Фуко, с одной стороны, является символической формой репрезентации власти, а с другой стороны – средством ее достижения [Foucault 1984]. По словам О.Ф. Русаковой, дискурсы могут являться одновременно «креаторами» и «ретрансляторами смысловых структур», под которыми понимаются ценности, идеи, образы, мнения и прочее. Кроме того, они представляют собой «мощный властный ресурс», с помощью которого государственные и общественные институты осуществляют свою презентацию, легитимацию власти, конструирование и продвижение необходимых смыслов или образов реальности, позиционирование субъектов в социальном, экономическом и политическом пространстве [Русакова 2008: 114]. Этот вопрос становится особенно актуальным при исследовании дискурса испанского монарха,

являющегося средством укрепления позиций института Короны в общественном сознании.

В качестве базового в диссертации принято положение Т.А. ван Дейка, согласно которому *публичный дискурс* государственного лидера необходимо рассматривать как комплекс коммуникативных событий, происходящих между властью и социумом в процессе коммуникативной деятельности, и как фундаментальный властный ресурс, направленный на контролирование общественного сознания [Дейк 2013: 14-15]. В соответствии с этим дискурс монарха понимается как одна из разновидностей *дискурса власти*⁸, представляющего собой «процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий» [Согомонян 2012: 47], с помощью которого организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений внутри общества [Чернявская 2006: 79].

Дискурс может «непосредственно и принудительно реализовывать власть, например, посредством прямых речевых актов и таких текстов, как законы, распоряжения, инструкции» [Дейк 2013: 86]. При этом, как считает Т.А. ван Дейк, власть может репрезентироваться в дискурсе менее явным образом в виде речевых оборотов, описания, легитимации властных акторов или их действий и идеологий. Дискурсивная власть зачастую имеет прямой или косвенный убеждающий характер и предполагает использование доводов, аргументов, примеров и прочих риторических средств, увеличивающих возможность влияния на сознание реципиентов. Т.А. ван Дейк указывает на прямую связь между охватом дискурса и широтой действия власти: обладающие властью субъекты управляют дискурсом с

---

⁸ Изучением особенностей дискурса власти занимались Т. Адорно, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Р. Водак, Т.А. ван Дейк, В. Клемперер, А. Клюковски, Х. де Ландтшер, Г. Лассуэлл, Н. Луман, Г. Маркузе, П. Серио, В. Уэллс, К. Хаккер, А. Харткок, Н. Хомский, Э.В. Будаев, В.Э. Согомонян, В.Е. Чернявская, А.П. Чудинов и др.

помощью контроля над «его материальным производством, его формулированием и распространением» [Там же].

Дискурс власти структурно выражает и транслирует убеждения и установки говорящего за счет их вербальной репрезентации и должен рассматриваться как особая семиотическая система, непосредственно связанная с «демонстрацией реалий и символов, выражающих социальный статус и полномочия субъекта или агента власти». Любой дискурс обладает возможностью властного воздействия на людей, а любая власть проявляется в дискурсе с помощью демонстрации своей значимости [Тихонов 2013: 55]. Подобной точки зрения придерживается В.Е. Чернявская, согласно которой «дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе через систему взаимосвязанных речевых или текстовых средств, форм и приемов воздействия» [Чернявская 2006: 81].

Поскольку монарх является верховным представителем государственной власти и ключевой фигурой политической жизни страны, его дискурс можно рассматривать в аспекте политического дискурса. При этом закрепленный за ним статус обязывает его соблюдать принцип политической нейтральности, что непосредственно отражается на содержании и форме речевого воздействия в его публичных выступлениях.

В настоящее время в научной литературе нет общепринятого определения понятия *политического дискурса*⁹, что свидетельствует об активной разработке этого направления в языкознании [Генералова 2010: 95]. В парадигме современных лингвистических исследований данное понятие рассматривается в *двух изменениях*.

В узком смысле под этим термином понимают класс жанров, ограниченный политической сферой (Р. Водак, Т.А. ван Дейк и др.). В

---

⁹ В лингвистической литературе также употребляются понятия «общественно-политическая речь» (Т.В. Юдина), «агитационно-политическая речь» (А.П. Чудинов), «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), «политический язык» (О.И. Воробьева).

частности, по мнению Т.А. ван Дейка, дискурс является политическим, когда «его функции реализуются непосредственно в ходе политического процесса» [Дейк 2013: 215]. При данном подходе рассматриваются формы общения, которые функционируют в определенном социальном институте (правительственное заявление, инаугурационная речь, партийная программа и пр.). К политическим жанрам относят дебаты, парламентские сессии, публичные речи, программы партий, избирательные кампании, митинги, протестные демонстрации, бюллетени и пр. Как отмечает Р. Водак, политический язык существует между двумя полюсами – «функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией», в связи с этим он должен выполнять противоречивые функции: с одной стороны, быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды), а с другой стороны – ориентированным на адресата (по историческим и социально-психологическим причинам) [Водак 1998: 24].

В широком понимании политический дискурс охватывает как институциональные, так и неинституциональные формы общения. Сторонники этой точки зрения (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, В.В. Зеленский, М.В. Ильин, О.Л. Михалева, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал) считают, что политический дискурс содержит любые речевые образования, субъект, адресат и содержание которых принадлежат сфере политики [Шейгал 2000: 23].

В настоящей работе под *политическим дискурсом* вслед за Ж.В. Зигманн понимается «вербальная коммуникация, в которой отправитель и получатель наделяются социальными ролями по их участию в политической жизни и предметом общения является политическая жизнь социума» и рассматривается как отражение взаимоотношений между властью и обществом, способных формировать у адресата представления об окружающей действительности, моделировать культурные ценности и

пропагандировать государственную или иную идеологию [Зигманн 2003: 6]. При этом при анализе текстов следует учитывать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов 2009: 34].

В зависимости от адресанта политический дискурс подразделяют на *дискурс политиков*, включающий в себя речи, произнесенные непосредственно политическими лидерами, и *дискурс реагирования*, под которым понимается «любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика» [Плотникова 2005: 22-26]. В соответствии с данным подходом можно рассматривать следующие виды политического дискурса: а) *институциональный политический дискурс* (тексты, созданные непосредственно политиками и используемые в политической коммуникации: парламентские речи, публичные выступления государственных деятелей, интервью политических лидеров и пр.); б) *медийный политический дискурс* (тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые с помощью СМИ); в) *тексты рядовых граждан*, не занимающихся профессионально политикой и эпизодически участвующих в политической коммуникации (обращения к политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ и пр.); г) *художественные тексты политической тематики* (политические детективы, политическая поэзия, политические мемуары); д) *тексты научной коммуникации* (обзоры и статьи, посвященные политическим вопросам) [Перельгут, Сухоцкая 2013].

В рамках настоящей диссертации рассматривается *институциональный политический дискурс*, содержание и особенности которого определяются ролью и статусом испанского монарха Филиппа VI. Под этим понятием в самом обобщенном виде подразумевают общение в

заданных рамках статусно-ролевых отношений¹⁰. В работе вслед за Т.П. Поповой *институциональный политический дискурс* трактуется как «конвенциональное, культурно-обусловленное, нормативное речевое взаимодействие людей», исполняющих определенные социально-значимые роли в пределах некоего социального образования, специально созданного для удовлетворения потребностей общества [Попова 2015: 296-297]. Социальная функция данного вида дискурса заключается во внушении гражданам политически «правильных» действий или оценок, формировании у адресата желаемых установок и провоцировании определенных реакций на явления общественно-политической жизни (конструирование и реконструирование социокультурной реальности) [Демьянков 2002: 34].

К основным признакам институционального общения следует отнести: а) статусно-ролевые характеристики участников общения (кандидат на пост – избиратель, представитель правящей партии – представитель оппозиции и пр.); б) цель общения – сохранение или перераспределение власти; в) прототипное место общения (переговорные помещения, залы пресс-конференций, парламент и пр.); г) набор типичных для данной сферы ситуаций общения (речевых событий); д) представление о типичных моделях речевого поведения при исполнении конкретных социальных ролей; е) ограниченная тематика общения; ж) речевые

---

¹⁰ С позиций социолингвистики В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса *лично-ориентированный* (персональный) и *институциональный* [Карасик 2002а]. В первом случае говорящий или пишущий предстает в качестве личности во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: (а) целей и (б) участников общения. Цель у каждой разновидности данного типа дискурса своя, однако основными участниками являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты) [Попова 2015; Грушевская 2017].

стратегии и тактики, обусловленные интенциональной направленностью коммуникации [Карасик 2002b; Шейгал 2000].

В институциональном общении четко фиксируется статус коммуникантов (избиратель, депутат, лидер партии, монарх и др.) и их политическая роль (представитель правящей партии, представитель оппозиции, госслужащий и др.). Социальный институт (в частности, институт испанской монархии) предопределяет «строгую систему целесообразно ориентированных стандартов поведения» в различных ситуациях [Чудинов 2012: 57].

В соответствии с моделью коммуникативного акта Р. Якобсона [Якобсон 2001] основными параметрами речевой ситуации являются *адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт* и *код*. В настоящее время в лингвистические исследования введено понятие *коммуникативной ситуации*, под которой понимают обстоятельства взаимодействия между субъектом и реципиентом речи. В русле коммуникативной стилистики публичная речь рассматривается как речевое произведение, направленное от адресанта к адресату для реализации заданной интенции. Н.И. Клушина представляет следующую схему дискурсивного анализа публицистического текста, которая, однако, применима также к публичным политическим речам: *адресант — интенция — текст + коммуникативная ситуация — адресат — декодирование — воздействие (перлокутивный эффект)*.

В соответствии с представленной схемой порождение текста диктуется *авторской интенцией* (коммуникативным намерением). Поэтому именно интенциональные категории текста могут считаться текстообразующими (структурирующими) и подчиняющими себе все остальные лексико-семантические и стилистические средства выразительности. В парадигме *интенциональных категорий*, характерных для публичной речи и организующих ее для реализации глобального авторского замысла – *убеждения*, находятся: (а) идеологема как способ

утверждения заданных номинаций; (б) оценка; (в) именование как стилистико-идеологическая категория; (г) стилистическая тональность текста (агрессивная, мелиоративная, нейтральная); (д) интерпретация (языковое варьирование) как лингвистический механизм имплицитного убеждения [Клушина 2008]. В рамках диссертационного исследования на материале публичных речей Филиппа VI подробно рассматриваются такие параметры, как *идеологемы* и *оценочность*, обеспечивающие идеологичность институционального дискурса. При этом прагматическая направленность на *адресата* является еще одной важнейшей характеристикой дискурса монарха, определяющей языковые способы воздействия, призванные трансформировать картину мира реципиента в соответствии с представлениями адресанта.

В настоящей работе публичные речи первых лиц государства, получившие детальную разработку в последние десятилетия (К.А. Киянова, О.А. Маркова, Л.В. Моисеенко Т.В. Харламова, Ю.М. Чантуридзе, Л.С. Чикилева и др.), рассматриваются как пример *институционального статусно-ориентированного политического дискурса*, в рамках которого государственные лидеры реализуют коммуникативное задание (фокусируют свое внимание на достижениях прошлого, вселяют надежду на светлое будущее и отмечают достоинства существующего режима правления) с помощью разнообразных речевых стратегий и тактик и языковых средств.

Одновременно следует отметить, что тезис М. Фуко об исторической изменчивости дискурса применим к данной разновидности социальной практики, несмотря на ее внешнюю устойчивость: на каждом этапе общественного развития взятый во всей полноте своих измерений контекст, (политический, экономический, социальный, культурологический и психологический) обуславливает появление новых дискурсивных жанров, стратегий и форм изложения, соответствующих требованиям эпохи.

Динамика общественного развития неизбежно влияет на механизмы речевого поведения первых лиц государства, призванных служить посредниками между властными структурами и обществом.

Таким образом, публичные речи современного испанского монарха, содержание которых определяется объективными историческими, социокультурными и общественно-политическими факторами, относятся к *статусно-ориентированному институциональному политическому дискурсу* и представляют собой социальное действие адресанта, направленное на убеждение адресата в правильности высказываемых идей и закрепление в общественном сознании приемлемых с его точки зрения моделей поведения. При этом статус оратора, его интенции, тематика сообщения, коммуникативная ситуация¹¹ (в первую очередь характеристики адресата) и социально-политический контекст накладывают ограничения на манеру подачи информации, стратегии и тактики речевого воздействия и языковые средства выразительности.

§2. Публичная речь как жанр политической коммуникации

Изучение публичной речи как одной из форм политической коммуникации¹² подразумевает описание ее жанровых характеристик и особенностей функционирования. Понятие *речевого жанра* (РЖ) трактуется по-разному в зависимости от направления исследования. Отечественные авторы берут за основу предложенное М.М. Бахтиным определение понятия «жанр», под которым понимаются «относительно

---

¹¹ Р. Якобсон выделил следующие компоненты коммуникативной (речевой) ситуации: «адресант – сообщение – адресат – контекст – контакт – код» [Якобсон 1985]. В настоящей работе при описании лингвопрагматического потенциала публичных выступлений испанского монарха особую роль играют *характеристики адресата* (национальная и международная аудитория) и *социально-политический контекст*.

¹² Е.И. Шейгал допускает использование словосочетаний «политическая коммуникация» и «политический дискурс» в качестве нестрогих синонимов; однако язык политики является более обширным понятием и включает совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса [Шейгал 2000].

устойчивые типы высказываний», выработанные в определенной сфере использования языка в виде устных или письменных высказываний, отражающих на содержательном, стилевом и композиционном уровне специфику условий и цель общения [Бахтин 1979: 250]. При этом человеческая речь в типичных ситуациях отливается в готовые формы РЖ, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [Бахтин 1996: 181]. Разнообразие РЖ так же необозримо, как неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности [Там же: 159]. В настоящей работе под *жанром* вслед за Ф.Л. Косицкой понимается единица речи, представляющая собой «типовую модель, объединенную единством цели, темы и композиции, воплощенную в одном или множестве текстов, реализованную с помощью вербальных и невербальных средств и состоящую из одного или нескольких речевых актов» [Косицкая 2006: 102].

В теории речевых жанров (ТРЖ) объектом изучения становятся жанры как стереотипные дискурсивные формы, обслуживающие «типические ситуации социального взаимодействия индивидов» [Седов 1999: 88]. При этом смежные с жанроведением дисциплины (в частности, коммуникативная лингвистика, теория дискурса, когнитивная лингвистика и концептология) не могут успешно справляться со своими задачами без учета положений ТРЖ [Дементьев 2010: 9]. Интерес к данной теме обусловлен несколькими причинами: во-первых, возникает необходимость установить связь между «строением речевых произведений и компонентами ситуации общения», под которыми подразумеваются субъекты коммуникативной ситуации, отношения между ними, их знания и намерения; во-вторых, требуется описание полного перечня жанров речи, что стимулирует появление новых исследований; в-третьих, жанровое оформление получают только актуальные для культуры типовые ситуации, которые позволят воссоздать картину социокультурной реальности [Ослопова 2009: 19].

Изучение типологии РЖ относится к «наиболее важным и актуальным проблемам теории речевых жанров» [Дементьев 2010: 155]. Несмотря на различные подходы к их классификации (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А. Вежбицка, М.В. Панов, Т.В. Шмелева и др.), исследователи сходятся во мнении, что принадлежность текста к определенному жанру определяет его композиционно-стилистические особенности, а также позволяет заранее спланировать ход коммуникации и адекватно реагировать на поведение коммуникантов [Седов 1999]. По замечанию Н.В. Орловой, РЖ является категорией, способной «систематизировать хаос мира высказываний, типологизировать речевую транзакцию» [Орлова 1999].

Любой коммуникативный акт осуществляется в рамках определенного РЖ, который является необходимым условием создания и интерпретации текстов. Каждая сфера использования языка вырабатывает собственный репертуар жанров, постоянно развивающихся и трансформирующихся, поэтому их описание позволяет определить особенности речевого общения конкретного общества. Жанр обуславливает тематическое содержание, композиционное построение, отбор вербальных и невербальных средств воздействия. Проблема *жанрового разнообразия* политической коммуникации остается в центре внимания отечественных и зарубежных ученых, что определяется многомерностью феномена политического дискурса и отсутствием единых критериев и параметров выделения жанров. Интерес к изучению жанровой градации (инаугурационные речи, политические карикатуры, листовки, парламентские дебаты, теледискуссии, рождественские и новогодние обращения и пр.) связан с желанием выявить закономерности функционирования современного политического дискурса и обозначить механизмы его воздействия на общественное сознание [Шейгал 2000; Зигманн 2003; Рублева 2006; Варавкина 2009; Чудинов 2009; Алешина 2016; Сладкевич 2016; Фадеева 2016; Gaspar, Ibeas 2015; Medina López 2016].

Основываясь на теории М.М. Бахтина, Е.И. Шейгал описывает *первичные жанры* институциональной коммуникации, составляющие основу политической деятельности (публичные речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и пр.) и *вторичные жанры* (интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и пр.) [Шейгал 2000]. А.П. Чудинов создал более подробную классификацию жанрового пространства политической коммуникации и выделил в зависимости от формы выражения *жанры устной* (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью) и *письменной речи* (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру); в зависимости от количества участников – *монологические* (радиообращение, газетная статья) и *диалогические* (дискуссия, переговоры); в зависимости от выполняемой функции – *ритуальные* (инаугурационная речь, рождественское или новогоднее обращение), *ориентационные* (доклады, указы, договоры, соглашения), *агональные* (лозунг, листовка, выступление на митинге) и *информативные* (газетная статья, обращения граждан к политикам или в СМИ); в зависимости от объема информации – *малые* (лозунг, слоган, речевка), *средние* (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.) и *крупные* (партийная программа, политический доклад, книга по политической публицистике и др.); в зависимости от цели высказывания – *информативные* (автобиографическая книга политического лидера), *оценочные* (аналитическая статья) и *императивные* (лозунг) [Чудинов 2009].

Е.Ю. Алешина предлагает разграничивать следующие группы жанров политического дискурса с учетом принципов целеполагания и особенностей содержания текстов, которые находятся в прямой взаимосвязи от типа политической деятельности, находящей выражение в коммуникации (в коммуникативных действиях): а) *информационные жанры*

(инаугурационные речи, послания конгрессу, выступления в парламенте, пресс-релизы, пресс-конференции, круглый стол, ток-шоу, статьи в СМИ и пр.); б) *убеждающие жанры* (публичные выступления на съездах или собраниях, предвыборные выступления, дебаты, публикации в СМИ и пр.); в) *призывные жанры* (публичные выступления, публикации в СМИ, лозунги и пр.); г) *жанр-оправдание/покаяние* (публичные выступления) [Алешина 2016].

Публичная речь, представляющая собой особую форму устной речи в виде завершеного в смысловом отношении, развернутого высказывания одного лица, языковые и коммуникативные элементы которого подчинены главной мысли и основной цели оратора, обладает рядом характерных черт [Чикилева 2005]. Несмотря на активное изучение ее лексико-семантических, структурно-синтаксических, психологических и прагматических особенностей, до сих пор отсутствует единый подход к пониманию ораторского монолога. В настоящей работе описываются его основные характеристики с учетом работ современных авторов [Чикилева 2005; Чудинов 2009; Киянова 2019; Раевская 2021].

Публичная политическая речь обладает противоречащими друг другу качествами: оратор должен говорить в соответствии со своим статусом и коммуникативной ситуацией и одновременно отстаивать (прямо или косвенно) собственную позицию; речь политика или государственного деятеля должна быть концентрированным выражением мнения большинства, при этом он должен уметь оказывать влияние на политические настроения в обществе с учетом интересов меньшинства [Чудинов 2009].

Кроме того, публичная речь характеризуется *однонаправленностью*: адресант без посредников напрямую обращается к аудитории с развернутым монологом, текст которого заранее подготовлен и построен в соответствии с требованиями логики и с учетом норм литературного языка. Публичное

выступление представляет собой *заранее продуманное и целесообразное речевое произведение*, разворачивающееся в реальном времени. Одной из главных задач политического лидера на этапе произнесения речи является донесение информации до аудитории в доступной форме. *Четкая композиция, логическое развитие и точность изложения* являются необходимыми условиями, поскольку публичная речь представляет собой сложное для восприятия произведение. В случае бессвязности и бессистемности эффективность речи снижается, в результате чего невозможно оказать сильное воздействие на сознание адресата и достичь преследуемых целей [Киянова 2019: 69].

Помимо вышеперечисленных признаков, для ораторского монолога характерны *развернутость* (полное, точное и логическое изложение мысли), *непрерывность* (выступление представляет собой цельное и самостоятельное произведение), *оценочность* (в речи эксплицитно или имплицитно выражается отношение говорящего к обсуждаемым вопросам), *прагматизм* (публичная речь всегда преследует прагматические цели, поскольку способна повлиять на мысли и поведение адресата в соответствии с интенциями и установками оратора), *индивидуальность* (в любой речи проявляется личность оратора, который различными вербальными и невербальными способами стремится оказать воздействие на адресата), *отсутствие спонтанности* (планомерное и аргументированное выстраивание содержания речи).

Анализ речевого сообщения также невозможен без учета непосредственных участников коммуникативной ситуации – адресанта (оратора) и адресата (реципиента). Важной характеристикой публичной речи выступает ее *ориентированность на адресата*, особенности которого играют ключевую роль в процессе текстопорождения. В научной литературе этот вопрос получил широкое освещение (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Т.Г. Винокур, П. Грайс, К.А. Киянова, Е.И. Стернин и др.).

Согласно М.М. Бахтину, активность адресата является одним из необходимых условий успешности взаимодействия между участниками коммуникации. В частности, аудитория, воспринимая и понимая языковое значение речи, «одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет ее, готовится к исполнению и т.п.» [Бахтин 1979: 260]. Т.Г. Винокур, придерживаясь подобной точки зрения, считает, что адресат выступает в качестве воздействующей на коммуникативную роль говорящего инстанции [Винокур 1993: 90-91]. Конечный результат зависит от готовности реципиента участвовать в дальнейшем взаимодействии с оратором – речевое поведение основано на феномене сотрудничества, то есть любое общение имеет своей целью достижение взаимопонимания. Это особенно актуально в современной коммуникации, в которой «доминирует установка на диалог и сотрудничество», наблюдается стремление к согласию и гармонизации отношений между участниками общения, что объясняется общими тенденциями развития гуманитарной мысли XX века, признавшей коммуникацию и диалог «магистральными философскими понятиями» [Киянова 2019: 58].

Вопрос о роли адресата и адресанта получил широкое освещение в рамках теории речевых актов (ТРА) и лингвопрагматических исследований. В этой связи необходимо упомянуть основоположника ТРА П. Грайса, который описал принцип кооперации (сотрудничества) между говорящим и слушающим и выделил четыре основные группы коммуникативных постулатов: а) *постулаты информативности* (высказывание должно быть информативно и не содержать лишней информации); б) *постулаты истинности* (высказывание должно быть истинно, следует избегать безосновательных и ложных суждений); в) *постулаты релевантности* (высказывание должно иметь отношение к делу); г) *постулаты ясности выражения* (высказывание должно быть кратким, однозначным и

упорядоченным) [Грайс 1985]. Следует отметить, что в реальной политической коммуникации могут нарушаться в первую очередь постулаты информативности и истинности, поскольку зачастую политические и общественные лидеры выстраивают свою коммуникацию исходя из принципов собственной выгоды и действуют лишь в своих интересах, а не в интересах адресата [Шейгал 2000]. Однако статус испанского монарха, предполагающий политическую нейтральность его фигуры, обязывает его четко придерживаться указанных постулатов.

При описании факторов, влияющих на текстопорождение и текстовосприятие публичной речи, следует учитывать *характеристики целевой аудитории*: количественный состав, пол, возраст, социальный статус, род занятий, уровень образования, ценностные ориентации, мировоззрение, заинтересованность в обсуждаемой теме и пр. От них зависит содержание выступления и речевое поведение оратора. В частности, рождественское обращение испанского монарха по степени воздействия и манере использования языковых средств выразительности значительно отличается от его публичных выступлений, предназначенных для произнесения перед международным сообществом (например, в Европарламенте или перед дипломатическим корпусом).

Публичная речь, с одной стороны, представляет собой *монологическое выступление*, адресованное нескольким лицам или группе (массовый или групповой адресат), а с другой стороны, современные политические и государственные лидеры зачастую стремятся сделать свое выступление более естественным и близким по внешним признакам к *бытовому диалогу*. В современной политической коммуникации публичная речь воспринимается как «диалог с другими людьми, текстами и культурами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов» [Чудинов 2009: 49].

Воздействующая речь подразумевает обращенность к адресату, являющегося не пассивным, а активным участником коммуникации [Бахтин 1979]. В связи с этим *диалогичность* следует рассматривать как один из конститутивных признаков публичной политической речи, поскольку, во-первых, государственный лидер всегда адресует свое выступление аудитории и выстраивает его в соответствии с ее ожиданиями и ответной реакцией, а во-вторых, в его речи отражаются приемы диалогизации, выраженные системой маркеров разных языковых уровней.

Как отмечалось ранее, публичная речь в основном направлена на массового или группового адресата, поэтому *доступность* для разных категорий социума является еще одним ее признаком. Для достижения максимального воздействия на аудиторию говорящий часто прибегает и к использованию *средств невербальной коммуникации* (звуковых и визуальных). Под визуальным каналом воздействия на аудиторию понимается кинесический канал (поза, жесты, мимика, взгляд); звуковой канал воздействия подразделяется на лингвистический (язык) и паралингвистический (голос, интонация, темп речи, паузы) уровни. При этом задача оратора состоит в том, чтобы выбрать оптимальные для коммуникативной ситуации средства воздействия (как звуковые, так и визуальные) [Чикилева 2005].

Правила построения публичной речи определяются не только регламентированностью политических отношений, но и предписываются риторической традицией. Умение выступать перед аудиторией, наличие ораторских навыков, владение всеми тонкостями искусства красноречия являются определяющими характеристиками в судьбе современного государственного лидера и политического деятеля. Публичная речь представляет собой наиболее традиционный и максимально персонифицированный вид массового воздействия [Ковалева 2000]. Средства языковой выразительности (тропы и фигуры речи) призваны

придать образность высказываниям и вызвать интерес у публики к излагаемым идеям. Поэтому следует признать «диалектическое единство нормативной и креативной деятельности» в рамках публичной речи [Киянова 2019: 63].

Эффективность публичного выступления во многом зависит от языка адресанта, который преследует баланс между книжной речью, характеризующейся незначительной силой эмоционального воздействия, и разговорной речью, обладающей высоким прагматическим потенциалом. Своеобразие рассматриваемого жанра заключается в том, что в нем совмещаются *признаки устной и письменной речи*, что находит непосредственное отражение при отборе приемов речевого воздействия. Письменная речь отличается высокой нормативностью, логичностью изложения, аргументированностью высказываний, связностью языковых элементов, определенным набором языковых единиц, преобладанием подчинительной союзной связи, строгим композиционным построением, наличием пассивных конструкций и др.; в то время как для устного текста характерны спонтанность, неподготовленность, персональная адресованность, повторы, использование средств языковой выразительности и эмоционально-экспрессивной лексики, вопросительных конструкций, обращений, а также более простых синтаксических конструкций (сокращение средней длины предложения, увеличение количества простых предложений, употребление сегментированных и выделительных конструкций). Оратор в своем выступлении, опираясь на письменный текст, стремится произвести впечатление «оживленной речи» [Там же: 54-55]. Письменная основа публичной политической речи государственного лидера исключает спонтанность звучащего текста и наличие широкого спектра разговорных средств, поскольку адресант планомерно и аргументированно выстраивает доказательства своей точки зрения. При этом отклонение от письменного текста зависит от

индивидуальных характеристик оратора, тематики выступления, адресата и коммуникативной ситуации.

Таким образом, публичные выступления испанского монарха как *первичный жанр политической коммуникации* характеризуются однонаправленностью, продуманностью, целостностью, логическим развитием, точностью и доступностью изложения, развернутостью, непрерывностью, оценочностью, прагматизмом, индивидуальностью, адресностью, диалогичностью, использованием средств невербальной коммуникации, диалектическим единством нормативной и креативной деятельности, сочетанием признаков устной и письменной речи. Среди указанных черт главной является *ориентация оратора на ключевые характеристики адресата*, обуславливающие содержание сообщения и языковые особенности текста.

§3. Публичная речь в лингвопрагматическом измерении

В настоящей диссертации публичная политическая речь Филиппа VI рассматривается на *прагматическом* (идеологемы, речевые стратегии и тактики) и *лингвистическом* (средства языковой выразительности) уровнях. Подобный подход позволяет провести комплексное исследование текстов и определить инструменты реализации интенций оратора в строгом соответствии с характеристиками адресата.

В самом общем виде под *прагматикой*¹³ понимается область знания, изучающая вопросы выбора языковых средств для наилучшего выражения мыслей и чувств и воздействия на слушающего или читающего [Степанов 1981: 325]. В рамках рассматриваемой дисциплины уделяется внимание

---

¹³ Основы прагматики заложил американский философ Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) в XIX в. В 30-е гг. XX в. его исследования продолжил Чарльз Моррис, впервые предложивший разделить семиотику на три взаимосвязанные дисциплины: (а) синтаксис, (б) семантику и (в) прагматику [Норман 2009: 5].

процессу производства речевого акта, особенностям участников речевого взаимодействия и их намерениям, а также невербальной коммуникации [Правикова 2016]. В отечественной традиции под *прагматикой* в широком смысле понимают «комплекс явлений и обуславливающих их факторов, связанных со взаимодействием субъекта и адресата в разных ситуациях общения», а в более узком смысле под этим термином подразумевают «выражение оценки (действительности, содержания, сообщения, адресата)» [Платонова, Виноградов 1998: 253]. Прагматика интерпретируется как изучение функционирования языка в особых коммуникативных контекстах и необходимых ситуациях (передаваемое сообщение или выполняемый речевой акт; участники речевого взаимодействия; их намерения, знания о мире и ресурсы их влияния на речь; пресуппозиции и выводы коммуникантов; влияние невербальных аспектов взаимодействия) [Правикова 2016: 153].

Прагматика занимается теми же проблемами, что стилистика или риторика, однако не имеет четких границ, поскольку включает комплекс вопросов, связанных с адресантом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, а также с ситуацией общения [Степанов 1985: 15]. По словам И.П. Сусова, прагматика изучает «совокупность корреляций между единицами языковой системы и составляющими коммуникативно-прагматического контекста», под которым понимают коммуникантов, время, место и обстановку общения [Сусов 1990: 125].

Большинство исследователей считает, что *лингвистическая прагматика* является одной из языковедческих дисциплин и должна рассматриваться как раздел лингвистики, поскольку предметом ее изучения является функционирование языка в речи [Которова 2019]. Становление лингвистической прагматики (прагмалингвистики или лингвопрагматики) связывается с изменением направления исследований в зарубежном языкознании, произошедшим в 1960-70-х гг. в связи с появлением теории

речевых актов (ТРА). В этот период наблюдается переход от рассмотрения языка как «формальной системы, изучаемой вне условий его использования», к восприятию языка как «средства коммуникативного взаимодействия», осуществляемого в социальной среде [Норман 2009: 7]. В настоящей работе вслед за И.М. Кобозевой под *лингвопрагматикой* понимается дисциплина, изучающая язык как «средство, используемое человеком в его деятельности» для решения конкретных задач [Кобозева 2008: 221].

Основателями лингвистической прагматики считаются Ч. Моррис, Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль и ряд других авторов, придерживающихся широкого понимания прагматики, которая имеет отношение ко всем психологическим, биологическим и социологическим явлениям, проявляющимся при функционировании знаков [Моррис 1983: 62]. В настоящее время с учетом ее достижений политические тексты изучаются по *трем основным направлениям*: а) исследование стратегий и тактик речевого воздействия; б) исследование средств речевого воздействия, в том числе оценочных; в) исследование компонентов прагматической рамки политического текста (в частности, фактора адресанта и адресата, субъектно-адресатных отношений, интенции коммуникантов) [Руженцева 2016: 65]. Подобной точки зрения придерживается В.И. Космодемьянская, по мнению которой успешность политического диалога непосредственно зависит от стратегий и тактик речевого воздействия, языковых средств и поведения участников коммуникации [Космодемьянская 2016: 102].

В рамках настоящей диссертации с целью раскрытия лингвопрагматического потенциала публичных речей испанского монарха Филиппа VI и их комплексного анализа рассматриваются все указанные ранее аспекты: изучаются стратегии и тактики речевого воздействия, выявляются языковые средства выразительности, а также описываются компоненты прагматической рамки (статус и интенции оратора,

характеристики целевой аудитории, тематика сообщения, сложившийся исторический и социально-политический контекст). Кроме того, уделяется особое внимание идеологическому компоненту публичных речей современного испанского монарха с точки зрения его доминант.

Возрастающее количество публикаций по данной тематике свидетельствует о значительном интересе со стороны научного сообщества к проблемам речевого воздействия в политической коммуникации [Graber 1976; Casado Velarde 2010; Бокмельдер 2000; Стернин 2001; Стернин 2012; Олешков 2011; Саунина 2012; Скулимовская 2017; Помырляну 2013; Иссерс 2020 и др.]. Именно поэтому анализ инструментов речевого воздействия представляется важным в контексте изучения влияния публичной речи на индивидуальное и коллективное сознание.

3.1. Публичная речь политического лидера и основные положения теории речевых актов

Публичную политическую речь следует рассматривать как речевой акт, целью которого является эмоциональное воздействие на адресата с помощью лингвистических и экстралингвистических средств. Под *речевым актом* в настоящей работе понимается комплекс сложных многоступенчатых действий, целенаправленно совершающихся говорящим по отношению к слушающему с целью воздействия на его сознание и поведение [Серль 1986]. Основные составляющие внешней стороны речевого акта были названы еще Аристотелем, который заложил основы риторики и выделил в речи три обязательных компонента: оратора, предмет дискуссии и адресата [Матвеева, Самарина, Селиверстова 2009]. Среди современных лингвистов нет единого мнения относительно количества компонентов внешней структуры речевого акта, однако все исследователи без исключения включают названные три элемента в свои концепции (Дж.Л. Остин, К. Бюлер, Р. Якобсон и др.).

Дж.Л. Остин предлагает рассматривать любой речевой акт как гетерогенное трехуровневое образование и выделяет *локутивный, иллокутивный* и *перлокутивный акты*. Под *локутивным актом* подразумевается факт произнесения фразы (акт фонации), снабжение высказывания смыслом и референцией (акт референции) и приписывание объектам тех или иных свойств и отношений (акт предикации). Под *иллокутивным актом* понимают речевое целенаправленное действие фразы, ориентированное на адресата и подразумевающее возможные последствия произнесенного текста (реакция на речевое действие). При осуществлении речевого акта собеседниками реализуется коммуникативное намерение, связанное непосредственно с *иллокутивной силой*¹⁴ высказывания (иллокуция), под которой понимается «смысл, вкладываемый говорящим в произнесение им высказывания, воспринимаемый и осознаваемый слушающим». *Перлокутивный акт* трактуется как результат оказанного воздействия на адресата (изменение его состояния или поведения) [Остин 1986]. Отношение иллокуции и перлокуции представляет собой основополагающее свойство любого речевого акта, поскольку определяет характер речевого взаимодействия коммуникантов. Реализация или нереализация адресатом намерений адресанта влияют на особенности их дальнейшего речевого поведения [Крячкова 2019: 16].

В теории речевых актов различают *прямые* и *косвенные акты*. В прямых актах иллокутивный эффект предопределяется прямым значением высказывания, в то время как в косвенных актах данный эффект не соответствует прямому значению высказывания и обусловлен фоновыми знаниями (пресуппозицией) коммуникантов и условиями общения.

---

¹⁴ В концепции Дж. Серля и Д. Вандервекена иллокутивная сила включает семь компонентов: а) иллокутивную цель; б) способ достижения иллокутивной цели; в) интенсивность иллокутивной цели; г) условия пропозиционального содержания речевого акта; д) предварительные условия речевого акта; е) условия искренности и ж) интенсивность условий искренности речевого акта [Серль, Вандервекен 1986: 251].

Дифференциация прямых и косвенных речевых актов и соответствующих им прямых и косвенных высказываний приводит к необходимости различать *собственное* (вытекает из общеязыкового значения компонентов высказывания) и *прагматическое* (отражается в «функциональной направленности высказывания») значение языковых единиц [Матвеева, Самарина, Селиверстова 2009: 52].

К. Бюлер выделяет три составляющих речевого акта («отправитель», «получатель», «предметы и ситуации»¹⁵), которые соотносит с определенными функциями языка (в скобках указываются названия функций в теории Р.О. Якобсона): экспрессии («сосредоточенная на адресате»), апелляции («ориентирующаяся на адресата») и репрезентации («сообщение о действительности») [Бюлер 2000]. В рамках настоящей работы вслед за Л.С. Чикилевой внешняя структура речевого акта понимается как сложное образование, состоящее из следующих компонентов: а) отправитель (адресант, говорящий, оратор); б) получатель (адресат, реципиент, получатель, слушающий); в) исходный материал высказывания (пресуппозиция говорящих); г) цель сообщения; д) контекст и ситуация общения [Чикилева 2005].

Любой акт политической коммуникации нацелен на передачу информации и влияние на мысли и действия аудитории. В риторическом смысле воздействие заключается не только в понимании адресатом смысла высказывания, но и в изменении его эмоционального состояния и поведения в результате этого понимания. Речь идет о воздействии на систему взглядов, изменении отношения адресата к явлениям или событиям общественно-политической жизни. Иными словами, задача публичной политической речи состоит не столько в том, чтобы проинформировать слушателей, сколько в том, чтобы побудить их мыслительную активность, «вернуть ее

---

¹⁵ «Отправитель», «получатель», «предметы и ситуации» в работах Р.О. Якобсона называются «адресант», «адресат» и «контекст» соответственно.

в нужном для оратора направлении, призвать к целенаправленному социальному действию» [Чикилева 2005: 71]. Феномен речевого воздействия связан в первую очередь с целевой установкой оратора (субъекта речевого воздействия), который регулирует деятельность адресата, влияет на его мировоззрение или поведение, что определяет отсутствие отношений равноправия.

Следует отметить, что М.М. Бахтин еще в начале 50-х г. XX в. в статье «Проблема речевых жанров» начал разрабатывать концепцию, близкую по духу идее речевого акта, согласно которой высказывание представляет собой предложение, погруженное в ситуацию общения и наполненное коммуникативными смыслами. Таким образом, связь учения о речевых жанрах с теорией речевых актов сегодня является общепризнанной: М.М. Бахтин «фактически охарактеризовал все основные признаки речевого акта» [Дементьев 2010: 34]. Более того, многие специалисты (А. Вежбицка, М.Н. Кожина, В.П. Москвин, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева) считают теорию речевых актов западным аналогом теории речевых жанров, а понятие речевых жанров, сформулированное и развитое в многочисленных работах М.М. Бахтина, считается плодотворным «как для литературоведческих, так и для лингвистических исследований (а также для исследований культуры вообще)» [Вежбицка 1997: 101].

Отличие речевого акта от речевого жанра наиболее четко сформулировано М.Н. Кожиной в статьях «Речеведческий аспект теории языка» и «Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы)», по мнению которой с точки зрения объема (размера) единиц РА и РЖ удобнее рассматривать как различные явления [Кожина 1998; Кожина 1999]. Под *речевым актом* следует понимать отдельную реплику в диалоге, наделенную определенной иллокутивной силой и предполагающую определенный перлокутивный эффект; а под *речевым жанром* – более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких

речевых актов. Более того, вторичные РЖ «могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями» [Кожина 1999: 58-59].

Таким образом, публичная речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, в связи с этим интенциональные категории становятся текстообразующими. Совершая речевой акт, оратор воздействует на собеседника, реализуя свое коммуникативное намерение. При этом публичная речь считается эффективной, только если поставленная говорящим цель была достигнута. В соответствии с вышеуказанными положениями, публичные выступления испанского монарха можно рассматривать как речевые образования, обладающие определенной иллокутивной силой и реализующие конкретные намерения оратора в целях оказания максимального перлокутивного эффекта на национальную и международную аудиторию.

3.2. Публичная речь политического лидера в рамках теории речевого воздействия

В процессе коммуникации язык используется не только для передачи информации, но и регламентирует межличностные и социальные отношения. В общих чертах подобная регуляция деятельности называется речевым воздействием, которое представляет собой одну из важнейших функций языка [Виноградов 1978].

Политическая лингвистика выбирает на данный момент в качестве базового принципа *функционализм* (деятельностный подход), при котором язык понимается как средство целенаправленного воздействия и достижения целей политических или общественных деятелей. Для выполнения поставленных задач оратор планирует (по меньшей мере предусматривает) речевое воздействие на аудиторию, заключающееся не

только в понимании адресатом смысла сообщения, но и в изменении его эмоционального состояния, отношения к происходящим событиям и поведения слушателей. Успех коммуникации определяется способностью говорящего перестроить индивидуальное сознание адресата и его имплицитную картину мира.

По мнению И.А. Стернина, *речевое воздействие* как коммуникативный акт подразумевает наличие *субъекта, объекта* и *целей*. *Субъектом* воздействия выступает тот, кто стремится повлиять на собеседника при помощи разнообразных средств языка (адресант); *объект* воздействия испытывает на себе это влияние (адресат); среди *целей общения* автор выделяет *информационную* (донесение сообщения до адресата), *предметную* (получение информации у собеседника или изменение его поведения) и *коммуникативную* (установление и поддержание контакта с собеседником). При эффективном речевом воздействии должны достигаться все указанные цели [Стернин 2001; Стернин 2012].

Приемы речевого воздействия, практикуемые прежде всего в политической коммуникации (открытая или завуалированная борьба за удержание власти и сохранение существующего порядка), получили детальное описание в научных исследованиях, посвященных изучению типологизации используемых стратегий и тактик в политическом дискурсе [Федорова 1991; Иванова 2003; Михалева 2004; Паршина 2005; Эйсфельд 2015; Скулимовская 2017; Иссерс 2020 и др.]. В настоящей диссертации вслед за И.А. Стерниным под *речевым воздействием* понимается воздействие с целью убедить адресата сознательно принять определенную точку зрения или решение о каком-либо действии [Стернин 2001: 67]. При этом представляется неприемлемым использовать термин «речевая манипуляция», подразумевающий скрытое психическое воздействие на адресата, поскольку для дискурса испанского монарха (в отличие от политических лидеров и общественных деятелей) данное явление не

характерно. В самых общих чертах убеждение трактуется как речевое воздействие, оставляющее адресату возможность выбора, в то время как манипулирование подразумевает навязывание оратором с помощью языковых приемов своего мнения как достоверного и единственно возможного. Убеждение эксплицируется в речи с помощью логических доводов, а манипулирование носит имплицитный характер и базируется не столько на логическом, сколько на эмоциональном воздействии, прибегает не столько к аргументам, сколько к различным «уловкам» [Клушина 2008]¹⁶.

В научной литературе разработаны различные классификации *разновидностей речевого воздействия*. По характеру средств общения различают *вербальное* и *невербальное* речевое воздействие; по речевой форме воздействие может быть *монологичным* и *диалогичным*; по характеру взаимодействия субъекта с объектом различают *прямое* и *косвенное* речевое воздействие; в зависимости от целей и отношения к адресату разграничивают *манипулятивное* и *неманипулятивное* речевое воздействие; по степени осознанности речевых действий различают *намеренное (интенциональное)* и *ненамеренное (неинтенциональное)* речевое воздействие; в зависимости от интенций говорящего выделяют следующие

---

¹⁶ Понятие манипуляции в процессе коммуникации («манипулирование», «манипулятивное воздействие», или «языковая манипуляция») широко освещается в научной литературе и зачастую ошибочно используется в качестве синонима понятия «речевое воздействие» [Доценко 1997; Цуладзе 1999; Шейнов 2001; Карасик 2002b; Чернявская 2006; Помырляну 2013; Володенков 2017; Копнина 2018]. Впервые этот феномен описывается Г. Франке, согласно которому под данным термином следует понимать скрытое от адресата психическое воздействие [Франке 1964: 12]. В политологии под манипулированием понимают информационное воздействие, направленное на сокрытие адресантом собственных целей, однако при этом возбуждающее у объекта манипулятивного воздействия намерения, совпадающие не с его собственными желаниями, а с интересами говорящего [Володенков 2017: 90]. В этом случае игнорируется воля и потребности адресата, к которому адресант относится как средству, орудию исполнения своих интересов. В современном мире манипуляция представляет собой эффективный инструмент обеспечения «политической стабильности в масштабах государств» [Там же: 59]. Подробное описание различий между понятиями «речевое воздействие» и «речевая манипуляция» можно найти, например, в работах Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1990] и Н.А. Помырляну [Помырляну 2013].

виды речевого воздействия, соотносящиеся с типами речевых актов и жанров: (а) *социальное воздействие* (приветствие, прощание, благодарность и т.д.); (б) *волеизъявление* (приказ, просьба, предложение, совет и т.д.); (в) *разъяснение и информирование*; (г) *оценочное* (осуждение, одобрение, обвинение, оправдание) и (д) *эмоциональное* (оскорбление, угроза, насмешка, ласка, утешение) речевое воздействие [Навасартян 2017: 11-13].

К основным *способам речевого воздействия* относятся *убеждение, побуждение и внушение* [Стернин 2001]. *Убеждение* представляет собой воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному мышлению, когда адресату прямо или косвенно предлагается осмыслить полученную информацию, систематизировать ее и сформировать необходимое адресанту отношение к проблеме или явлению. *Убеждение* направлено на изменение точки зрения собеседника с помощью приведения логических или психологических аргументов. *Побуждение* (волеизъявление) заключается в воздействии на волю слушающего, который при верном подходе говорящего готов действовать в соответствии с желаниями последнего. Под *внушением* (суггестией), существовавшим, по словам К.Ф. Седова, еще в первобытном обществе, где проявлялось в форме магии и помогало сохранять целостность коллектива, подразумевается влияние в первую очередь на эмоции и чувства человека, а затем – на его ум, волю и поведение, в результате которого снижается сознательность и критичность при восприятии информации, что может привести к возникновению противоречащих действительности представлений [Седов 2011]. В силу своего статуса государственные лидеры прибегают к использованию всех перечисленных способов воздействия в публичных речах: убеждают в важности соблюдения законов и других правовых норм, побуждают к сохранению мира и порядка в обществе и внушают необходимость единения перед лицом серьезных социально-экономических проблем.

Феномен речевого воздействия воспринимается как однонаправленное действие, связанное с целевой установкой говорящего и психологическим воздействием на слушающего [Федорова 1991]. При этом адресант может преследовать несколько целей: а) изменение отношения адресата к какому-либо объекту или явлению; б) формирование общего эмоционального настроения; в) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания [Почепцов 1987]. Несмотря на то что все выделенные виды воздействия имеют прототипические образцы, представляющие определенный способ «обработки» реципиента в наиболее яркой форме, в реальности большинство речевых действий рассчитано на «комплексную реакцию», включающую эмоциональный настрой, изменение коннотативных значений и коррекцию существующей в сознании адресата модели мира [Иссерс 2020: 21]. Примером этого могут служить ориентированные на внутреннего адресата публичные выступления Филиппа VI, в которых монарх стремится вызвать у аудитории вполне определенное (лояльное) отношение к институту монархии, закрепить традиционную ценностную парадигму, определить вектор дальнейшего поступательного движения и убедить в необходимости коллективных усилий для достижения единых целей в рамках уже сложившихся стереотипных установок (сохранения единства и территориальной целостности государства).

Кроме того, феномен речевого воздействия соотносится с предложенным В.З. Демьянковым понятием «действенности» политического дискурса, предназначение которого состоит в том, чтобы внушить реципиенту необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не останавливаться на описании положения дел, а «дать массам основу для изменения убеждений и побудить их к действию» [Демьянков 2012: 104].

Речевое воздействие подразумевает обязательное исследование речевых (коммуникативных) стратегий и тактик¹⁷. Вопрос о необходимости их изучения как способа построения речи и подчинения партнера по коммуникации впервые возник в американской лингвистике [Клушина 2008]. В отечественной литературе под *стратегией* понимают «обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов» [Стернин 2001: 14]; «план оптимальной реализации коммуникативных намерений», учитывающий объективные и субъективные факторы и условия коммуникации, определяющие не только «внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств» [Михалева 2004: 45]. В рамках настоящей работы это понятие трактуется как комплекс направленных на достижение коммуникативных целей речевых действий, который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 1999: 54].

При трактовке термина «стратегия» с точки зрения лингвопрагматики исследователи (И.Н. Борисова, Ю.В. Вознесенская, О.С. Иссерс, Н.Б. Руженцева и др.) отмечают его близость к понятию замысла, плана построения речи, а также его направленность на реализацию прогнозируемого эффекта с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата [Борисова 1999; Руженцева 2016]. Если *коммуникативная стратегия* трактуется как «сверхзадача

---

¹⁷ По словам Н.Н. Кирилловой, речевая стратегия представляет собой более узкое понятие и должна рассматриваться в конкретной ситуации устного общения [Кириллова 2012]. В рамках настоящей диссертации вслед за Н.И. Клушиной и А.А. Артюховой «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия» воспринимаются как синонимичные понятия [Клушина 2008; Артюхова 2014].

речи», определяющая отбор оптимальных для достижения целей оратора речевых действий [Вознесенская 2010: 37], то *коммуникативная тактика* рассматривается как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 1999], как «способы осуществления стратегии речи» [Платонова, Виноградов 1998], как «ближайшая задача, решаемая в рамках избранной стратегии» [Борисова 1999], как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев 1998: 11]. Из приведенных определений следует, что коммуникативная стратегия и конкретная тактическая схема ее реализации находятся в отношениях «общее–частное». В настоящей работе под *тактикой* подразумеваются речевые действия, сходные по своему коммуникативному замыслу и смысловому наполнению, «подчиненные цели речевого общения» [Матвеева, Самарина, Селиверстова 2009: 54].

В современных исследованиях политического дискурса анализ стратегий и тактик речевого воздействия получил широкое распространение в связи с «прагматическими задачами политики» [Руженцева 2016: 66]. В настоящее время ведется активное изучение их функционирования в политическом дискурсе на материале российских и зарубежных политических деятелей [Иссерс 1999; Бокмельдер 2000; Зигманн 2003; Иванова 2003; Миронова 2003; Михалева 2004; Паршина 2005; Калинин 2009; Аكوпова 2013; Кучеренко 2013; Плахотная 2015; Туманова 2015; Правикова 2016; Скулимовская 2017; Чикилева 2018; Демкина 2020 и др.]. Внимание к этому вопросу обусловлено тем, что политический дискурс «находится в динамике, остро реагирует на изменения» в жизни социума, что непосредственно отражается на выборе речевых стратегий и определяет их «тесную взаимосвязь в процессе речевого акта» [Зигманн 2003: 22].

Несмотря на значительное количество исследований в этой области, отсутствует единый подход к классификации стратегий и тактик речевого воздействия. В большинстве случаев анализ стратегий производится

посредством выявления и характеристики корпуса коммуникативных тактик, используемых для их реализации, а также репертуара речевых средств [Руженцева 2016: 66]. Н.И. Клушина выделяет две основные стратегии (*апологетическая стратегия* и *стратегия дискредитации*), которые лежат в основе типологического деления текстов на оппозиционные (доминирование стратегии дискредитации), комплиментарные (с ярко выраженной апологетической стратегией) и нейтральные (с невыраженностью стратегий или же с имплицитной, тщательно завуалированной одной из стратегий) [Клушина 2012: 271].

Е.В. Рублева предлагает подразделять стратегии на *конвенциональные* (*кооперативные*), *презентационные* и *конфликтные* [Рублева 2006]. О.Л. Михалева обозначает три основных типа стратегий речевого воздействия: *стратегию театральности* (*тактика побуждения, тактика кооперации, тактика размежевания, тактика информирования, тактика обещания, тактика прогнозирования, тактика предупреждения, тактика иронизирования, тактика провокации*); *стратегию на повышение* (*тактика анализ-«плюс», тактика презентации, тактика неявной презентации, тактика отвода критики, тактика самооправдания*) и *стратегию на понижение* (*тактика анализ-«минус», тактика обвинения, тактика безличного обвинения, тактика обличения, тактика оскорбления, тактика угрозы*) [Михалева 2004].

О.Н. Паршина выделяет *стратегии убеждения, удержания власти, борьбы за власть и самопрезентации*. *Стратегии убеждения* подразделяются на *агитационную* (*тактика призыва и тактика обещания*) и *аргументативную* (*тактики иллюстрирования, контрастивного анализа, указания на перспективу и обоснованных оценок*); *стратегии удержания власти* – на *стратегию формирования эмоционального настроения адресата* (*тактики единения, обращения к эмоциям адресата, учета ценностных ориентиров адресата*) и *информационно-интерпретационную стратегию*

(тактики признания существования проблемы, акцентирования положительной информации, разъяснения, комментирования, рассмотрения проблемы под новым углом зрения и указания на путь ее решения); стратегии борьбы за власть – на стратегию самозащиты (тактики критики, оспаривания и оправдания), манипулятивную стратегию (манипулятивные тактики и демагогические приемы) и стратегию нападения и дискредитации (тактики оскорбления и обвинения); стратегия самопрезентации включает тактики оппозиционирования, солидаризации и отождествления.

По словам Т.И. Стексовой, декларативность свойственна большому количеству жанров политического дискурса (особенно в предвыборной борьбе) и необходима для презентации групповых ценностей, их противопоставления ценностям «чужих», демонстрации уверенности в себе или правильности выбранного курса. Многие тексты приобретают свойство декларативности за счет использования специализированных языковых средств в манипулятивных целях [Стексова 2016: 56]. В связи с этим представляется целесообразным дополнительно рассматривать в речах политических и государственных лидеров *стратегию декларативности*, особенность которой заключается в отсутствии у оратора доказательств и аргументов в пользу своей точки зрения, что компенсируется широким использованием других инструментов воздействия (частотное употребление идеологем, тропов и фигур речи).

Таким образом, при интерпретации понятия *коммуникативной стратегии* с лингвопрагматических позиций отмечается ее связь с интенцией говорящего и необходимость комплексного подхода к ее исследованию. Следует отметить общепринятые в научном сообществе положения: а) стратегия предполагает *процесс целеполагания* адресанта, в то время как тактика является *инструментом реализации* этого процесса; б) оратор произносит речь с целью изменить эмоциональное состояние

адресата; в) речевая стратегия определяет набор языковых единиц, служащих оптимальному достижению поставленных целей; г) выбор речевых стратегий и тактик зависит от коммуникативного намерения адресанта и социокультурных характеристик адресата (численность, пол, возраст, национальность, образование и пр.) [Иссерс 1999; Паршина 2005; Крячкова 2019]; (д) при изучении стратегий и тактик речевого воздействия в дискурсе конкретной языковой личности необходимо учитывать социальный статус оратора, характеристики адресата и ситуацию общения.

3.3. Языковые средства выразительности в публичной политической речи

В политической коммуникации язык представляет собой основное средство воздействия, способное влиять на мысли, чувства и эмоции аудитории. При этом особой значимостью обладают риторические средства, являющиеся действенным «орудием» в борьбе за власть (за ее получение или распределение), способным на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе [Кожемякин 2011].

Политическое выступление представляет собой «вербальное действие, предполагающее владение искусством красноречия»¹⁸ – его успех напрямую зависит от того, насколько полно и эффективно говорящий использует возможности языка, какие приемы и способы задействованы [Резникова 2005: 50]. Оратор не только «декорирует» ими свою речь, но и использует этот инструмент для целенаправленного воздействия на сознание адресата [Спиридовский 2013]. При этом выбор языковых средств выразительности непосредственно зависит от преследуемых адресантом целей и характеристик адресата. По словам М.М. Бахтина, «выбор языковых средств и речевого жанра определяется прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора)» [Бахтин 1996: 187-188]. Иначе говоря, эмоции и оценка чужды языку и

---

¹⁸ В арсенале средств воздействия государственных лидеров особую значимость приобретает невербальная коммуникация (жесты, мимика, позы, внешние атрибуты). Освещением этого вопроса занимались Е.И. Шейгал [Шейгал 2000], З.М. Байрамкулова [Байрамкулова 2013], Р.Т. Садуов [Садуов 2012], З.З. Чанышева [Чанышева 2017] и др. Однако в рамках данной диссертации этот вопрос не рассматривается. Подробный анализ средств невербальной коммуникации и их эволюции в публичном дискурсе испанского монарха можно найти в статье «Анализ невербальной коммуникации в рождественском обращении Филиппа VI в течение последних шести лет» [Bedoya Cabrera 2020].

рождаются лишь в процессе живого употребления в конкретном высказывании.

Вопрос о сущности *категории выразительности* в современной лингвистике актуален как с теоретических, так и с практических позиций. Во многих исследованиях «экспрессивность» и «выразительность» рассматриваются в качестве синонимичных понятий [Аванесова 2010; Самыличева 2011]¹⁹. Однако, по мнению Н.Б. Ипполитовой, под *экспрессивностью* следует понимать способность языковой единицы увеличивать прагматический потенциал высказывания, его коммуникативную значимость с помощью выражения субъективной модальности, эмоциональной реакции на ситуацию, актуализации всего высказывания или его части. Внешне данное явление проявляется за счет смыслового или формального выделения языковой единицы на общем фоне однородных единиц. Под *выразительностью* подразумевается совокупность качеств речи (целесообразность, уместность, точность, логичность, ясность, экспрессивность), обеспечивающих ее полноценное

---

¹⁹ Наряду с понятиями «экспрессивность» и «выразительность» рассматриваются такие понятия, как «эмоциональность», «эмотивность» и «оценочность». Д.С. Писарев относит *экспрессивность* к прагматическим категориям и указывает на главное отличие между экспрессивностью и эмоциональностью: если основной функцией эмоциональности является чувственная оценка объектов внеязыковой действительности, то экспрессивность представляет собой «целенаправленное воздействие на адресата» [Писарев 1983: 121]. В.Н. Цоллер в статье «Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения» дает развернутую характеристику рассматриваемым категориям, называя их общие и дифференциальные признаки. Экспрессивность, эмотивность и оценочность отражают «человеческий фактор в языке», то есть субъективно-личностное отношение к обозначаемым явлениям действительности (антропологические категории) и являются семантически значимыми единицами, поскольку передают информацию не индифферентно, а опосредованно через эмоционально-чувственные переживания. Однако *оценочность* выполняет *аксиологическую функцию*, то есть отражает мнение субъекта по поводу ценности какого-либо объекта, явления или действия; *эмотивность* служит для выражения чувств человека, то есть выполняет *аффективную функцию*; *экспрессивность* направлена на увеличение воздействующей силы сказанного с помощью языковых средств выразительности с целью оптимального донесения логической и эмоционально-оценочной информации до адресата, то есть выполняет *прагматическую функцию* [Цоллер 2009: 50].

восприятие [Ипполитова 1988]. При интерпретации этого понятия для Б.Н. Головина наряду с Н.Б. Ипполитовой оказываются значимыми структурные особенности речи и прагматический фактор: «Если речь построена так, что самим подбором и размещением средств языка, знаковой структурой воздействует не только на ум, но и на эмоциональную область сознания, поддерживает внимание и интерес слушателя или читателя, – такую речь называют *выразительной*» [Головин 1988: 26]. С учетом вышеприведенных определений проявляется характер взаимоотношений между ними: *выразительность* представляет собой более объемное понятие, включающее в себя *экспрессивность* как одну из частных категорий. В данном случае экспрессивность трактуется как совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, обеспечивающих ее способность выступать в коммуникативном акте в качестве средства *субъективного выражения* адресанта к содержанию и тем самым оказать воздействие на восприятие действительности реципиентом (В.Н. Гридин, А.П. Сквородников, Г.А. Копнина).

Помимо категорий выразительности и экспрессивности, следует упомянуть *категорию оценочности (оценки)*, представляющую собой один из основных способов отражения системы ценностей в языковой семантике [Вольф 1985; Зайцева 2006]. Семантическая структура оценочного акта включает такие компоненты, как *субъект, объект, характер оценки* (положительный или отрицательный), *основание* (аргументацию) и *языковые структуры*, с помощью которых осуществляется оценка. Таким образом, *категория оценочности* выражает отношение говорящего к объекту действительности, обусловленное конкретными историческими факторами, и является частью категории выразительности.

Когда речь идет о выразительности речи, одновременно подразумеваются ее экспрессивные и эмоциональные свойства [Самыличева 2011: 356]. Именно поэтому в рамках данной диссертации был

выбран термин «выразительность» как наиболее широкое из описанных выше понятий, которое воспринимается вслед за Г.Г. Хазагеровым как свойство речи привлекать к себе внимание и удерживать его [Хазагеров 2002].

В современной политической лингвистике выразительность воспринимается как важнейшая *прагматическая категория институционального статусно-ориентированного публичного дискурса*, отражающая коммуникативное намерение оратора. Б.Н. Головин, рассматривая выразительность в прагматическом аспекте, трактует ее как особенности структуры речи, которые «поддерживают внимание и интерес у слушателя», позволяют усилить впечатление от сказанного (написанного), воздействовать не только на разум, но и на чувства [Головин 1988: 182]. Исходя из приведенных определений можно выделить характерные признаки данной категории в публичном политическом дискурсе: а) основное назначение средств категории выразительности заключается в маркировке степени и возможности влияния оратора; б) выразительность проявляет себя как свойство речи обращать на себя внимание адресата, что свидетельствует о диалогическом характере рассматриваемой категории [Спиридовский 2013].

Специфика реализации категории выразительности в политическом дискурсе заключается в том, что она является одновременно «и целью, и средством дискурсивной деятельности в политике», а совокупность способов ее реализации является действенным инструментом в борьбе за власть или ее удержание [Там же: 169]. В связи с постепенным снижением роли вооруженных конфликтов и переходом к формату информационной войны язык воспринимается в роли «дискурсивного оружия» [Плотникова 2009: 236]. В публичной политической речи успех сообщения напрямую зависит от того, насколько полно и эффективно говорящий использует языковые средства выразительности. Как утверждает О.В. Спиридовский,

наблюдается тесная взаимосвязь между «умением использовать категорию выразительности в дискурсе и весьма востребованным в современном обществе умением убеждать и воздействовать» [Спиридовский 2013: 168].

Категория выразительности проявляется на разных уровнях языка (на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом). В частности, на *лексическом* уровне она может выражаться с помощью тропов (метафора, метонимия, гипербола, литота и пр.) и единиц с четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией; на *синтаксическом* уровне данная категория обозначается бессоюзием или многосоюзием, изменением порядка слов, параллельными синтаксическими конструкциями, синтаксическими повторами, эллипсисом и др. [Гаджиева 2019: 67].

Языковые средства выразительности принимают участие в семантическом и структурном выдвигании необходимой оратору информации, служат средством привлечения внимания адресата, создания ярких и запоминающихся образов, поэтому могут управлять пониманием сообщения [Рюкова, Филимонова 2016: 432]. В связи с этим специалистов по политическому дискурсу особо привлекает изучение воздействия тропов и фигур речи как эмоционально-смысловых компонентов текста с позиций лингвопрагматики [Хазагеров 2002; Каслова 2003; Афанасенко 2006; Спиридовский 2006; Корнилаева 2008; Багана, Бочарова 2009; Голубева 2009; Сагайдачная 2009; Андреев 2011; Празян 2011; Балыхина, Нетесина 2012; Демьянков 2012; Миронова 2012; Алонцева, Ермошин 2013; Спиридовский 2013; Зверев 2015; Джиева, Стрельникова 2016; Бабитова 2017; Данилова 2017; Корецкая 2017; Навасартян 2017; Бондаренко 2019; Воронцова 2019; Крышталева 2019; Núñez Cabezas, Guerrero Salazar 2002; Olza Moreno 2008; Casado Velarde 2010; Barranco Flores 2017 и др.]. Исследователи сходятся во мнении, что задача стилистических (риторических) приемов «заключается не столько в украшении речи,

сколько в стремлении донести до аудитории ее суть, в усилении эмоционального воздействия на слушателей с целью убеждения и призыва к действию» [Чикилева 2005: 402]. Современный политический дискурс характеризуется ярко выраженной личностной ориентацией и эмоциональностью: аудитория зачастую невнимательно слушает сообщение, поэтому языковые средства выразительности служат для пробуждения ее интереса к излагаемой информации [Сагайдачная 2009].

В основе традиционного деления языковых средств на *тропы* и *фигуры речи* лежит их качественное отличие друг от друга. Троп представляет собой явление лексико-семасиологическое (содержательное), в то время как фигура – синтаксическое [Маклакова 2010]. Феномен тропа невозможно осмыслить вне семиотических категорий, то есть без анализа взаимоотношений знака как единства означаемого и означающего, что стало предметом размышлений Р.О. Якобсона в работе «В поисках сущности языка» [Якобсон 2001]. Рассуждая о тропах, специалисты обычно говорят о «переносе» значения и ассоциативных связях. Так, классическим стало определение Б.В. Томашевского, который понимал под тропом «слово в измененном значении». Второстепенные («затушеванные») признаки предмета или явления, заключающиеся в самом понятии, но не действующие на наше восприятие и воображение, при помощи тропов, то есть перегруппировки значений, «выступают на первый план, становятся действенными и поэтому вызывают то или иное эмоциональное переживание» [Томашевский 1983: 194-195].

Согласно словарю лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, под *тропом* понимается оборот речи, в котором «слово или выражение употреблено в переносном значении в целях достижения большей художественной выразительности» на основе сопоставления двух близких в каком-либо отношении понятий. К наиболее распространенным видам тропов авторы относят аллегорию, гиперболу, иронию, литоту,

метафору, метонимию, олицетворение, перифразу, синекдоху, сравнение, эпитет. *Фигура речи* представляет собой «оборот речи, синтаксическое построение, используемый для усиления выразительности высказывания», наиболее распространенными видами которого считаются анафора, антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, параллелизм, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, эллипсис, эпифора [Розенталь, Теленкова 1976].

Проблема построения завершенной типологии языковых средств выразительности остается до сих пор актуальной, о чем свидетельствует неоднородность существующих на данный момент классификаций, основанных на признаках разного порядка. Близким к комплексному описанию языковых средств, по словам О.В. Спиридовского, является следующая классификация: 1) фонетические; 2) лексические; 3) словообразовательные; 4) грамматические; 5) стилистические (тропы и стилистические фигуры); 6) невербальные (в устной речи); 7) графические (в письменной коммуникации) [Спиридовский 2013: 169]. В рамках настоящей диссертации рассматриваются в первую очередь лексические и стилистические средства выразительности в силу их высокого прагматического потенциала в публичном дискурсе испанского монарха.

Основными факторами, определяющими выбор риторических средств в публичной политической речи, являются коммуникативная интенция оратора, его принадлежность к определенной политической структуре или социальной группе и фактор адресата [Зорина, Кирееенкова, Краснова 2017]. Реализуя запланированные заранее установки, говорящий тщательно отбирает приемы воздействия при построении высказывания в соответствии с поставленными целями и намерениями. В рамках политической коммуникации категория выразительности эксплицируется главным образом на лексико-семантическом и синтактико-стилистическом уровнях [Спиридовский 2013: 170].

На лексико-семантическом уровне учитывается семантика слов, отражающих заложенные в тексте актуальные для адресата ценностные смыслы. В рамках настоящей диссертации особое внимание уделяется изучению *метафоры* и *лексического повтора* в силу их репрезентативности, многофункциональности и высокого лингвопрагматического потенциала в публичном политическом дискурсе. Именно эти стилистические средства, как утверждают специалисты в области политической лингвистики, являются одними из самых действенных средств эмоционального воздействия на аудиторию, установления и поддержания с ней контакта [Чудинов 2013; Никашина, Попова 2015; Бабитова 2017].

Метафора является «одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры», именно поэтому ее исследованию посвящено множество трудов отечественных и зарубежных авторов [Метафора в языке и тексте 1988: 4]. Многофункциональность и высокий прагматический потенциал способствуют активному изучению ее функционирования в политическом дискурсе на материале различных языков [Lakoff, Johnson 1980; Вершинина 2002; Федосеев 2003; Будаев 2008; Пескова 2006; Литвинова 2008; Кобозева 2010; Андреев 2011; Чудинов 2013; Зарипов 2014; Зверев 2015; Мингалева 2018; Бондаренко 2019; Воронцова 2019; Крышталева 2019 и др.].

В современной политической лингвистике под метафорой понимается любой способ косвенного выражения мысли (не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности). Ее считают одним из важнейших признаков современной агитационно-политической речи, поэтому при ее описании необходимо рассматривать также условия ее возникновения и функционирования с учетом авторских интенций и прагматических характеристик на широком социально-политическом фоне [Чудинов 2013]. В настоящей работе под этим понятием подразумевается

«троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства или аналогии» [Ахманова 2004: 224]. К его использованию прибегают при создании экспрессивно окрашенных языковых выражений в текстах самых разнообразных жанров. При этом с помощью метафоры адресант старается воздействовать на образ мысли адресата, который, в свою очередь, воспринимает действительность под влиянием прочитанного или услышанного.

В политическом дискурсе в качестве основной выделяется *когнитивная функция* метафоры, то есть функция обработки и переработки информации. Однако она может выполнять *номинативную функцию*, в случае если у реалии нет общепринятого или удовлетворяющего автора краткого наименования. В подобных случаях метафора используется для создания наименования реалии и вместе с тем для осознания ее существенных свойств. Кроме того, *коммуникативная функция* заключается в передаче адресату новой информации в краткой и доступной форме. *Прагматическая функция* отвечает за формирование у аудитории необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия. *Изобразительная функция* заключается в придании сообщению образности и эстетичности. *Инструментальная функция* отвечает за формирование у адресата собственных представлений о мире. *Гипотетическая функция* позволяет создать некоторое предположение о сущности описываемого объекта или явления. *Моделирующая функция* отвечает за создание в сознании адресата определенной модели мира и обозначение взаимосвязей между составляющими его элементами. *Эвфемистическая функция* транслирует информацию, которую адресант не считает целесообразным обозначить при помощи непосредственных номинаций. *Популяризаторская функция* отвечает за передачу в доступной для слабо подготовленного адресата форме сложных идей. При этом все вышеперечисленные функции лишь «относительно автономны», поскольку тесно переплетаются, а

некоторые из них можно рассматривать как специфический вариант когнитивной функции [Чудинов 2001: 51].

Особенность политического текста и сама политическая риторика определяют употребление языковых средств, при помощи которых реализуются основные функции политического текста – привлечь внимание, воздействовать и убедить. Наряду с метафорой одним из наиболее эффективных средств осуществления процесса убеждения выступают *лексические повторы*, представляющие собой «коммуникативные структуры, служащие для детализированного раскрытия содержания» [Уланова 2015: 221]. Их изучением занимались И.В. Арнольд, Е.В. Афанасенко, А.А. Волков, В.Г. Гак, Е.В. Метлякова, В.П. Москвин, Н.В. Никашина, А.О. Попова, А.О. Уржумцева, Г.Г. Хазагеров, Н.Г. Храмцова, Х.А. Агудо Риос, Э.А. Нуньес Кабесас, С. Герреро Саласар и др.

Под *повтором* вслед за В.Г. Гаком в настоящей диссертации понимается текстообразующий прием, основанный на сознательном двукратном или многократном формальном или семантическом воспроизведении языковых единиц в той же или измененной последовательности в таких условиях, чтобы их можно было заметить (в составе одного предложения, абзаца или целого текста) [Гак 1987: 25]. Все жанры политического дискурса объединены повторами на разных уровнях речевой организации – на синтаксическом, просодическом (мелодическом, ритмико-синтаксическом), лексическом и звуковом. Их основные функции – связывать текст в единое целое и служить средством расширения смыслового, эмоционального и интонационного пространства текста [Метлякова 2011].

Повторы можно классифицировать по различным критериям: а) по характеру повторяющихся элементов – *повторы звуков, слов, отдельных морфем, устойчивых выражений, фразеологизмов, морфологических форм,*

лексических блоков, синтаксических конструкций (звуковой, словообразовательный, лексический, морфемный и синтаксический повторы); б) по месту положения повторов относительно друг друга – *контактные* и *дистантные*; в) по построению композиции в структуре текста – *анафорические, окольцовывающие, эпифорические*; г) по количеству повторяющихся фигур в тексте – *двукратные, трехкратные, многократные*; д) по качеству повторяющихся элементов – *полные* и *частичные* [Никашина, Попова 2015].

Е.В. Афанасенко предлагает более подробную классификацию лексических повторов: а) *тавтологические повторы*, возникающие при неоднократном употреблении языковых единиц – морфем, слов, словосочетаний или предложений; б) *семантически эквивалентные повторы*, под которыми подразумевается повтор языковых единиц в словосочетании, предложении или на обозримом участке текста, обладающих семантической общностью при различиях в плане выражения [Афанасенко 2006]. К тавтологическим повторам относятся *лексический* и *фразовый* (повтор слов, словосочетаний или предложений в одних и тех же значениях), *корневой* (повтор корневой морфемы) и *аффиксальный* (повтор аффикса, т.е. деривационное значение слова); в качестве способов реализации отношений семантической эквивалентности рассматриваются *лексический* и *фразовый синонимические повторы* (конструкции, состоящие из двух или более слов-синонимов, а также из словосочетаний или предложений, синонимичных по значению), *межуровневый синонимический повтор*, состоящий из сходных по плану содержания единиц, принадлежащих разным уровням языковой системы (например, слово и словосочетание, слово и предложение и т.п.), *корневой синонимический повтор* (корневые морфемы элементов повтора, обладающие синонимичным значением), *импликационно-ассоциативные конструкции*, то есть словосочетания, один из элементов которых

имплицитует, подразумевает семантику другого компонента; *перифраз*, то есть выражение, представляющее собой описательную передачу смысла другого выражения. При этом наиболее распространенными оказываются *тавтологические повторы*, задача которых заключается в выделении основной мысли устного или письменного текста [Там же 2006].

Повторы выступают средством установления композиционной связи отдельных частей сообщения (*связующая функция*), акцентирования внимания аудитории на особо значимых моментах сообщения (*выделительная функция*), проводниками определенных идей и инструментом усиления сообщения темы (*суггестивная функция*) [Симонян 2005]. Повтор в политической коммуникации позволяет добиться общего усилительно-выделительного эффекта, в особенности при повторении единиц содержательного плана [Никашина, Попова 2015: 207]. В качестве повторяющихся единиц зачастую выступают *идеологемы*, имеющие особое значение в обращениях государственных лидеров, стремящихся с их помощью закрепить в сознании адресата ключевые идеи своего выступления.

Таким образом, задача языковых средств выразительности в публичном выступлении состоит в повышении его воздействующего потенциала (фокусировании внимания адресата на основных идеях и передаче смысловых нюансов). С учетом вышеизложенных теоретических положений можно констатировать, что публичные речи Филиппа VI представляют собой ценностно маркированный вид общения, для которого характерна особая смысловая нагрузка, поскольку испанский монарх выступает в роли верховного государственного лидера, выполняющего в первую очередь символическую функцию. Вместе с тем в них ярко проявляется категория выразительности (с помощью метафор и повторов), что с точки зрения прагматики обусловлено желанием оратора привлечь

внимание аудитории к освещаемым вопросам с учетом текущего социально-политического контекста и необходимости оказывать эмоциональное воздействие на адресата в конкретных обстоятельствах.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Рассмотрение общетеоретических вопросов, относящихся к изучению особенностей публичной речи государственного лидера в ракурсе политической лингвистики и лингвопрагматики, позволяет сделать следующие выводы:

1. Публичная политическая речь подразумевает развернутое монологическое высказывание, характеризующееся наличием коммуникативного намерения оратора, структурно-композиционной и содержательной завершенностью, целенаправленностью и установкой на воздействие, и является традиционным объектом дискурсивных исследований в современном языкознании. Публичные речи испанского монарха можно рассматривать в рамках институциональной политической коммуникации как целенаправленную речевую деятельность, ориентированную на идеологическое и эмоциональное воздействие на коллективного адресата, преобразование его картины мира, побуждение к действиям с целью достижения согласия в обществе и обоснования принимаемых социально-политических решений в условиях множественности точек зрения. При этом коммуникативное намерение оратора, характеристики адресата (национальная или международная аудитория), тематика сообщения, исторический и современный социально-политический контекст являются важнейшими параметрами, предопределяющими содержание речей, а также выбор ресурсов речевого воздействия (идеологем, стратегий и тактик, языковых средств выразительности).

2. Публичную политическую речь государственного лидера следует рассматривать как речевой акт, целенаправленно совершающийся оратором по отношению к адресату с целью воздействия на его сознание и поведение. При этом коммуникативное намерение адресанта, выраженное с помощью

интенциональных категорий (в первую очередь с помощью идеологем), заключается в доступном изложении фактов или описании действительности, стремлении дать продуманную и взвешенную взаимоприемлемую оценку событиям общественно-политической жизни, необходимости ведения демократического диалога с аудиторией и предопределяет используемые в публичном дискурсе способы речевого воздействия.

3. Исследование публичных речей монарха как первичного жанра институциональной статусно-ориентированной коммуникации в русле теории речевого воздействия предполагает анализ используемых в его дискурсе стратегий и тактик. Среди основных положений данной теории необходимо выделить следующие: а) стратегия подразумевает процесс целеполагания оратора, в то время как тактика представляет собой средство его реализации; б) говорящий произносит речь с целью воздействия на эмоциональное состояние адресата; в) стратегии и тактики реализуются за счет языковых ресурсов разного порядка; г) выбор речевых стратегий и тактик напрямую связан с интенциями адресанта и характеристиками адресата.

4. Роль языковых средств выразительности в публичной политической речи государственного лидера заключается в повышении воздействующего потенциала высказывания (фокусировании внимания аудитории на основных идеях и передаче смысловых нюансов). С точки зрения эффективности воздействия на аудиторию наиболее продуктивными средствами языковой выразительности в политической коммуникации считаются *метафоры* и *лексические повторы*.

5. В настоящем диссертационном исследовании лингвопрагматический потенциал публичных речей современного испанского монарха предлагается рассматривать с точки зрения: а) идеологических доминант (идеологемы как одна из интенциональных

категорий и ресурс речевого воздействия); б) стратегий и тактик речевого воздействия; в) языковых средств выразительности. При этом все указанные аспекты обязательно связываются с компонентами *прагматической рамки* (коммуникативным намерением оратора, характеристиками целевой аудитории, тематикой сообщения, сложившимся историческим и социально-политическим контекстом), определяющими типологию публичных речей государственного лидера.

ГЛАВА II. ПУБЛИЧНЫЕ РЕЧИ ИСПАНСКОГО МОНАРХА ФИЛИППА VI В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В современном обществе закономерно возросла роль институционального дискурса в своей статусно-ориентированной разновидности, имеющей явную социальную и политическую ангажированность. Основы научного осмысления данного направления в рамках политической лингвистики и теории публичной (политической) речи заложены в трудах А.Н. Баранова, Э.В. Будаева, О.И. Воробьевой, О.С. Иссерс, Е.Г. Казакевич, Г.А. Копниной, Н.Н. Кохтева, О.Л. Михалевой, О.Н. Паршиной, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал и др. Институциональный дискурс как самостоятельная научная категория в его статусно-ориентированной разновидности в исполнении первых лиц государства рассматривается в работах В.Ю. Варавкиной, М.В. Гавриловой, Е.С. Грушевской, К.А. Кияновой, Е.А. Кожемякина, Н.В. Кондратенко, Л.А. Ласицы, С.В. Лукьяновой, А.Ю. Мирониной, Е.К. Моховой, Д.С. Мухортова, Т.П. Поповой, В.Э. Согомоняна, О.В. Спиридовского, В.Е. Чернявской и др.

Дискурс испанской монархии²⁰ представляет собой неотъемлемую часть общественных отношений, закреплённую многовековой традицией

---

²⁰ В последние десятилетия дискурс испанской монархии находится в фокусе внимания многих лингвистов [Martín Jiménez 2008; Ventero Velasco 2010; Barredo Ibáñez 2013a; Barredo Ibáñez 2013b; Gaspar, Ibeas 2015; García-Ramos 2016; Medina López 2016]. Анализу подвергались не только публичные выступления монарха, но и заявления в социальной сети Твиттер, представляющие собой форму односторонней коммуникации (сообщения официального и пропагандистского характера) и публикуемые в первую очередь с целью распространения в средствах массовой информации [Сапо-Орбн, Ллогса-Абад 2017]. Кроме того, представляет научный интерес изучение медийного освещения публичных речей главы государства. В частности, В. Мартин Хименес рассматривал статьи, посвященные анализу рождественских обращений Хуана Карлоса I в период перехода от диктатуры к конституционной монархии, из семи периодических изданий (с 1975 по 1982 гг.) и выявил различия в подаче материала, обусловленные в первую очередь их редакционной политикой [Martín Jiménez 2008].

существования данного государственного института, однако, до сих пор не получившую своего детального научного осмысления в лингвопрагматическом аспекте [Ventero Velasco 2010; Gaspar, Ibeas 2015; García-Ramos 2016; Medina López 2016; Раевская, Селиванова, 2020; Раевская 2021].

В действующей Конституции Испании (1978 г.) указано, что король выполняет символическую и представительскую функции и не участвует в системе высших органов управления²¹. Специалисты по конституционному праву уделяют внимание прежде всего примирительной и сдерживающей власти монарха, который представляется как бы «парящим» над другими государственными институтами [Алексеева 2017: 192-193]. В настоящее время (особенно после каталонского кризиса 2017 г.) возросла значимость монарха как символа единого государства, включающего региональные автономные образования с их историческим своеобразием, как примирителя в многонациональном и разнообразном по своему культурному составу государстве²².

Исходной теоретической позицией исследования является утверждение о том, что основной функцией институционального статусно-ориентированного дискурса монархии является регулирование общественных отношений согласно нравственным императивам в рамках сложившегося на данный момент общественного порядка. При этом Филипп VI выступает в качестве адресанта дискурса как обладающая высоким уровнем языковой компетенции элитарная языковая личность,

---

²¹ «El Rey es el Jefe del Estado, símbolo de su unidad y permanencia, arbitra y modera el funcionamiento regular de las instituciones, asume la más alta representación del Estado español en las relaciones internacionales, especialmente con las naciones de su comunidad histórica, y ejerce las funciones que le atribuyen expresamente la Constitución y las leyes» (art. 56 CE).

²² «La Corona debe ser un elemento aglutinador, representar un consenso transversal, alzarse en referencia de ejemplaridad, resumirse en las mejores virtudes cívicas» [Zarzalejos 2021: 23].

владеющая приемами успешной реализации речевого общения [Раевская, Селиванова 2020: 59]. Его ораторские качества и новаторство (в том числе уверенная подача материала, использование приемов невербальной коммуникации, отход от ритуальных формул, сдвиг в сторону большей эмоциональности) играют особую роль в процессе произнесения речей и отвечают запросам современного испанского демократического общества.

С учетом рассмотренных в ГЛАВЕ I положений по теории речевых жанров можно утверждать, что публичные речи Филиппа VI относятся к *первичным жанрам устной монологической речи*. В зависимости от выполняемых монархом функций их можно разделить на *ритуальные* (коронационная речь, рождественское обращение, выступления на торжественных мероприятиях, обращения к Парламенту) и *информативные* (обращения к согражданам в других государствах, выступления в международных организациях и по особым случаям). По объему информации выступления Филиппа VI представляют собой *средний жанр*²³, поскольку длительность каждой речи в среднем не превышает 15-20 минут.

По манере презентации публичные речи Филиппа VI представляют собой *выступления с опорой на текст*, а по цели высказывания – *протокольно-этикетные* (рождественские обращения, выступления на торжественных мероприятиях, выступления на открытии сессии Парламента, в международных организациях и пр.) и *убеждающие* (выступления по особым случаям) [Чикилева 2005]. Однако иногда представляется сложным выявить принадлежность публичной речи к определенному жанру. В частности, выступления по особым случаям (например, речь по случаю каталонского кризиса от 3 октября 2017 г., речь в связи с пандемией коронавируса от 1 марта 2020 г., речь памяти жертв коронавируса от 16 июля 2020 г.) сочетают в себе признаки *информативных*

---

²³ Данный термин был предложен А.П. Чудиновым [Чудинов 2012].

(описание текущей ситуации), *оценочных* (негативная оценка происходящих событий в Каталонии, высокая оценка труда врачей) и *императивных* (призыв к объединению и совместному решению вопроса путем диалога) жанров.

Таким образом, публичные речи испанского монарха представляют собой законченные и продуманные речевые произведения, отличающиеся логичностью и аргументированностью высказываний, связностью языковых элементов, регламентированностью отбора языковых средств выразительности, которые соотносятся с целевой аудиторией и характером события, предопределяющими их типологию. При этом следует отметить стремление Филиппа VI к большей эмоциональности при выражении эмпатии (по сравнению с выступлениями Хуана Карлоса I), что обусловлено желанием главы испанского Королевского дома соответствовать запросам социума и выглядеть более демократично.

§1. Типология публичных выступлений испанского монарха

В испаноязычной литературе вопрос о классификации публичных речей испанского монарха рассматривается с самых общих позиций. Х.Х. Руис Руис подразделяет выступления главы Королевского дома Испании на две группы в зависимости от характера содержания: а) связанные и б) не связанные с политическими событиями речи²⁴. Кроме того, автор отдельно рассматривает интервью монарха (Хуана Карлоса I)

---

²⁴ No todos los discursos del Rey son discursos *políticos*. A esta conclusión se llega si se tiene presente el número de ocasiones en que el Rey emplea un discurso para presidir inauguraciones, clausuras, visitas, etc. en los más diversos actos, bien sean deportivos, culturales, artísticos, científicos, empresariales o sociales en el más amplio sentido. En este tipo de eventos el Rey realiza una función que bien pudiera calificarse como de patrocinio o apoyo, pero siempre en cualquier caso ayuna de sentido institucional y, aunque evidentemente nunca llegarán a la categoría de actos privados, tampoco deja de ser cierto que quedan totalmente al margen de las funciones que le corresponden en su calidad de Jefe de Estado [Ruiz Ruiz 2001: 524-525].

иностранным и испанским средствам массовой информации. В зависимости от коммуникативной ситуации Х.Х. Руис Руис выделяет две группы речей: а) произнесенные за границей, где монарх действует как верховный представитель страны; б) произнесенные на территории Испании, где глава Королевского дома выступает в роли модератора и не представляет интересы ни одной из политических партий²⁵.

Иная классификация публичных речей испанского монарха представлена в работе М. Вентеро Веласко, который подразделяет их на три группы в соответствии с коммуникативной ситуацией²⁶: а) периодические обращения (произносятся ежегодно на постоянной основе; к ним относятся, например, речи по случаю Военной Пасхи или рождественские послания); б) выступления перед Генеральными Кортесами; в) выступления по особым случаям [Ventero Velasco 2010].

В рамках настоящей работы предлагается рассматривать публичные речи испанского монарха Филиппа VI в соответствии с тематикой сообщения и типом адресата – национальной и международной аудиторией²⁷.

К первой группе (национальная аудитория) относятся:

---

²⁵ En línea de principio, parece elemental referirse a aquellos discursos que el Monarca pronuncia en el extranjero, puesto que, tratándose de visitas oficiales, dejan de ser un mensaje de la Corona para convertirse en el discurso de un Jefe de Estado. El matiz radica en que sus declaraciones influirán en el ámbito diplomático y de la política exterior. Por el contrario, en el interior, los discursos regios no pierden desde luego la condición de proceder del Jefe del Estado, pero presenta otras connotaciones, ligadas, por ejemplo, a la institución de la Corona como *poder neutral y moderador* [Ibid.: 525].

²⁶ М. Вентеро Веласко использует следующую терминологию: а) *discursos o mensajes periódicos*; б) *discursos o mensajes dirigidos a las Cortes Generales*; в) *discursos ocasionales*.

²⁷ Подобные критерии классификации публичных речей также были предложены в диссертации К.А. Кияновой [Киянова 2019].

- **ритуальные выступления** (коронационная речь, рождественские обращения, выступления на открытии сессии Парламента, по случаю празднования Военной Пасхи²⁸);

- **выступления на торжественных мероприятиях** (на церемониях вручения национальных премий);

- **выступления перед согражданами в других государствах**;

- **выступления по особым случаям** (по случаю празднования 40-летия принятия Конституции, каталонского кризиса 2017 г., в связи с пандемией коронавируса, на церемонии поминовения ее жертв, в связи с извержением вулкана на острове Пальма в 2021 г.).

Ко **второй группе** (международная аудитория) следует отнести:

- **выступления на международных площадках перед официальными представителями государств и международной общественности** (на Генеральной Ассамблее ООН, перед Европарламентом, Советом Европы, на конгрессах Академий испанского языка, экономических форумах и пр.);

- **выступления на торжественных мероприятиях** (на приемах перед главами других государств, церемонии вручения Премии Принцессы Астурийской);

- **выступления перед дипломатическим корпусом** (см. Табл. 1).

В основе приведенной классификации лежит идея о том, что адресат выступает в роли целевого звена коммуникативной модели, представляет собой «объект, ради/вокруг/для которого в конечном итоге осуществляется дискурсивная деятельность» [Грушевская 2017: 175]. Кроме того, подобное разделение позволяет более детально и системно рассмотреть лингвопрагматический потенциал речей испанского монарха, поскольку в

---

²⁸ Коронационная речь – *discurso de entronización*, рождественские обращения – *mensaje de Navidad*, выступления на открытии сессии Парламента – *discurso de apertura del Congreso*, по случаю празднования Военной Пасхи – *discurso en el acto solemne de la Pascua Militar*.

выступлениях перед национальной аудиторией традиционно задействован более широкий арсенал стратегий и тактик, а также языковых средств воздействия.

Табл. 1. Виды публичных речей испанского монарха

Группа 1. Публичные речи перед национальной аудиторией	Группа 2. Публичные речи перед международной аудиторией
<ul style="list-style-type: none"> • ритуальные выступления (коронационная речь, рождественские обращения, выступления на открытии сессии Парламента, по случаю празднования Военной Пасхи); • выступления на торжественных мероприятиях (на церемониях вручения национальных премий); • выступления перед согражданами в других государствах; • выступления по особым случаям (по случаю празднования 40-летия принятия Конституции, по случаю каталонского кризиса, в связи с пандемией коронавируса, на церемонии поминовения ее жертв, в связи с извержением вулкана на острове Пальма). 	<ul style="list-style-type: none"> • выступления на международных площадках перед официальными представителями государств и международной общественности (на Генеральной Ассамблее ООН, перед Европарламентом, перед Советом Европы, на конгрессах Академий испанского языка, на экономических форумах и пр.); • выступления на торжественных мероприятиях (на приемах перед главами других государств, церемонии вручения Премии Принцессы Астурийской); • выступления перед дипломатическим корпусом.

Публичные речи перед национальной аудиторией (Группа 1) затрагивают самую широкую тематику и острые проблемы внутринациональной жизни. В качестве адресата выступают все граждане, находящиеся как в стране, так и за рубежом. Основные коммуникативные цели²⁹, преследуемые оратором, заключаются в духовном объединении

²⁹ Согласно Е.В. Ключеву, коммуникативной целью является стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт [Ключев 1998: 11]. Если адресат правильно истолковал смысл сообщения и совершил действия, которые от него ждет адресант, то можно сказать, что коммуникативная цель достигнута [Григорьева 2007: 37; Кашкин 2000: 120].

граждан, продвижении государственной идеологии и укреплении авторитета монархии.

К *ритуальным*³⁰ *публичным обращениям* Филиппа VI относятся ориентированные на национальную аудиторию и сопровождающие ее в повседневной жизни выступления – коронационная речь, рождественские обращения, выступления на открытии сессии Парламента, а также по случаю празднования Военной Пасхи.

Инаугурационную или коронационную (интронизационную) речь относят к торжественной эпидейктической риторике [Маркова, Харламова 2005]. В качестве адресата данного сообщения выступает в первую очередь коллективная национальная аудитория. Р. Джослин характеризует данное обращение к нации как «безопасную» риторику, поскольку в нем отсутствуют полемичные высказывания и утверждения, которые вызывали бы несогласие или возражение со стороны некоторых социальных групп [Joslyn 1986]. Следует выделить главные особенности коронационной речи: а) консолидирование аудитории в единую нацию как свидетеля и полноправного участника церемонии передачи власти; б) обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации; в) провозглашение политических принципов и идеалов, которыми будет руководствоваться новый монарх. Инаугурационная (коронационная) речь выполняет декларативную (провозглашение принципов правления), инспиративную (воодушевление нации на основе общих духовных ценностей), интегративную (утверждение единства нации) и перформативную (демонстрация способности выполнять символическую роль лидера нации) функции. Ее форма и наполнение свидетельствуют о высокой степени ритуальности рассматриваемого жанра, в котором фатика преобладает над информативностью [Шейгал 2000].

---

³⁰ В работе используется термин, предложенный А.П. Чудиновым.

Коронационная речь Филиппа VI (19 июня 2014 г.) представляет собой однократное коммуникативное событие, имеющее строго формальную фиксацию, наивысшую символическую нагруженность, а также тематическую, прагматическую и лингвостилистическую специфику. Она была произнесена в торжественной обстановке в присутствии членов Королевского дома и представителей двух палат Парламента во Дворце Кортесов в Мадриде (*Palacio de las Cortes*). В качестве адресата выступали не только присутствующие в зале гости, но и самая широкая национальная аудитория благодаря телевизионной трансляции. Коронационная речь Филиппа VI имела особое значение, поскольку ее главная коммуникативная цель заключалась в провозглашении необходимости сохранения принципов конституционного правления и начала нового периода в истории Испании (*una Monarquía renovada para un tiempo nuevo*), оказавшейся в условиях острого социально-политического кризиса и требующей от представителей верховной власти соблюдения законов [Zarzalejos 2021].

Рождественское обращение испанского монарха является традиционным актом политической коммуникации (с 1975 г.), во время которого глава государства обращается с поздравлением к нации, подводит итоги уходящего года, определяет основные векторы дальнейшего развития страны и делает прогнозы на будущее (ретроспективный и перспективный взгляд)³¹. Рождественская речь является своего рода общеполитическим

---

³¹ В последнее десятилетие специалисты рассматривали особенности институциональной коммуникации испанской монархии на примере рождественских посланий, однако в основе многих работ лежит лишь содержательный аспект [Ventero Velasco 2010; Gaspar, Ibeas 2015; García-Ramos 2016]. Х. Медина Лопес, анализируя рождественские обращения Хуана Карлоса I с 1975 по 2013 гг. с точки зрения прагмалингвистики, заявляет, что главная задача монарха состоит в утверждении определенных моделей поведения в обществе за счет персуазивного характера сообщений, достигаемого с помощью средств языка. При этом Х. Медина Лопес соглашается с А. Гаспаром и Н. Ибеас в том, что роль монарха как медиатора между противоборствующими силами реализуется за счет апелляции к таким универсальным концептам, как *paz* («мир»), *amor* («любовь»), *familia* («семья»), *patria* («родина»), *nación* («нация»), *libertad* («свобода»), *bienestar* («благополучие»), *esperanza* («надежда») и

посланием обществу, и глава государства в силу своего институционального статуса полностью осознает ответственность за его содержание и выступает не только заказчиком, но и соавтором текста³².

Рождественское послание испанского монарха представляет собой ориентированный на массового адресата монологический жанр политического дискурса, сочетающий в себе признаки обращения (как акта побудительного воздействия) и поздравления (этикетный речевой жанр) [Ослопова 2009]. Все рождественские послания Филиппа VI включают следующие компоненты: обозначение повода, подведение итогов года, определение предстоящих задач, идеологический и патриотический компоненты (отсылки к базовым ценностям), поздравление с праздником на четырех языках (испанском, каталонском, галисийском и баскском)³³.

пр. [Gaspar, Ibeas 2015]. Автор выделяет наиболее часто встречающиеся в рождественских обращениях лексемы (*España, nación, patria, unidad, todos, convivencia, libertad*), свидетельствующие об определенной стабильности развития государства и необходимости сохранения существующего режима [Medina López 2016].

³² Тексты рождественского обращения составляются самим монархом и согласуются с председателем Правительства [Ventero Velasco 2010]. При этом их можно воспринимать как летопись глобальных и национальных событий, повлиявших на развитие Испании.

³³ Детальный анализ рождественских обращений предшественника Филиппа VI Хуана Карлоса I с учетом социально-экономического и политического контекста в рамках дискурсивного анализа был впервые представлен в работе М. Вентеро Веласко. В результате анализа содержания 33 речей Хуана Карлоса I автор приходит к следующим выводам: а) рождественские обращения представляют собой наиболее эмоциональное обращение монарха по сравнению с другими публичными речами; б) тематика рождественских обращений обусловлена социально-историческим контекстом и содержит наиболее актуальные для общества вопросы: единство нации, монархия, терроризм, экономика, Испания, ценности, демократия, международные отношения, политика государства и Конституция; в) наблюдается некоторая эволюция в подаче материала (например, с 2002 г. отсутствует религиозный компонент) [Ventero Velasco 2010]. Х. Медина Лопес также занимался исследованием рождественских обращений с 1975 по 2013 гг. и пришел к выводу, что понятие «демократия», впервые упомянутое в 1977 г., в последующие годы станет одним из текстообразующих концептов. В постконституционный период и до конца своего правления монарх уделял особое внимание вопросам консолидации испанского общества и единства в многообразии (каждый регион Испании по-своему уникален, однако 17 автономных областей составляют единое целое). Эта тенденция прослеживается и в рождественских посланиях Филиппа VI, что свидетельствует о преемственности института монархии в современной Испании [Medina López 2016].

Рождественское обращение испанского монарха следует расценивать как прототипический образец ритуальной политической коммуникации, поскольку оно носит циклический характер, локализовано во времени (ежегодно транслируется по телевидению 24 декабря) и имеет закрепленную ритуальную атрибутику (рождественские ель и вертеп, флаг Испании и Евросоюза, семейные фотографии и др.) [Раевская, Селиванова 2020].

Основные коммуникативные цели данного обращения заключаются в трансляции идеологии (национального объединения, коллективного созидания и поступательного движения вперед) и усилении положительного эмоционального состояния коллективного адресата [Сладкевич 2016: 171]. Следует отметить, что рождественские обращения носят гомилетический характер³⁴: монарх обращается к нации, указывает на приемлемые и неприемлемые модели поведения и дает ценностные установки, в соответствии с которыми должны жить все граждане (забота о всеобщем благосостоянии, уважение и любовь в семье, соблюдение законов, борьба с коррупцией и другими социальными недугами и пр.).

Выступления на открытии сессии Парламента являются ритуальным актом институциональной коммуникации в силу своего символического (Королевская семья выступает символом единства и стабильного развития государства) и циклического характера (речь монарха ежегодно завершает церемонию открытия сессии). Адресатом выступают члены двух палат Парламента; основными коммуникативными целями данного выступления являются обозначение роли института монархии в

---

³⁴ Гомилетика («торжественное красноречие») получила подлинное развитие в церковной проповеди, отличающейся обращенностью к аудитории, отсутствием реального с ней диалога, расчетом на долговременное воздействие, и представляет собой истолкование действительности посредством положений или воззрений, которые разворачиваются чаще всего с помощью уподоблений. Речь гомилета (общественного или политического лидера) не готовит слушателей к осуществлению одноразовой акции, а призывает к конкретным действиям в долгосрочной перспективе [Хазагеров 2002].

жизни современного испанского общества, описание внутри- и внешнеполитической ситуации государства и обозначение задач, стоящих перед парламентом как высшим органом управления.

Выступления по случаю Военной Пасхи также можно рассматривать в качестве ритуального акта политической коммуникации, имеющего циклический характер (произносятся ежегодно 6 января). Испанский монарх, являющийся главой государства и обладающий статусом верховного главнокомандующего, произносит речь в память об успешном завершении осады испанским флотом в 1782 г. острова Менорка, занятого британскими войсками. Адресатом торжественного обращения выступают Правительство и военные (представители сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил). Выступления по случаю Военной Пасхи содержат несколько обязательных компонентов: упоминание повода празднования, слова благодарности военным за верную службу, высокую оценку их усилий в борьбе с терроризмом и продвижении государственных интересов на международной арене, а также обозначение ключевых для испанского общества ценностей (уважение прав человека, равенство, справедливость, неприкосновенность частной жизни и пр.). Основные коммуникативные цели обращения по случаю Военной Пасхи заключаются в трансляции образа сильного государства и признания заслуг военных перед Отечеством. Внешняя атрибутика данной речи (военная форма монарха, присутствие членов Королевской семьи, председателя Правительства, министра обороны и министра внутренних дел) подчеркивает торжественность и важность момента, а традиционный призыв к чествованию страны (*¡Viva España!*) в конце каждого выступления является его отличительной композиционной чертой.

Выступления на торжественных мероприятиях (на церемониях вручения национальных премий) являются примером активного участия Филиппа VI и других членов Королевской семьи в жизни страны. Адресатом

выступает определенный сегмент национальной аудитории (в зависимости от мероприятия) – представители широких социальных слоев, удостоенные наград за выдающиеся заслуги перед испанским обществом; коммуникативная цель оратора – подчеркивание общественной значимости героизма и творческих усилий сограждан и демонстрация глубокой признательности за их самоотверженный труд на благо общества и государства.

Выступления Филиппа VI перед согражданами в других государствах являются обязательной частью официальных визитов Королевской четы. Их адресатом являются проживающие за границей граждане Испании. Основная коммуникативная цель обращений монарха заключается в продвижении идеи единства, а особое внимание уделяется необходимости развития тесного международного сотрудничества и вкладу испанской нации в достижения мирового сообщества. Апелляция к национальному этосу (в его культурном и аксиологических аспектах) является стержневым элементом подобных выступлений.

К *публичным речам по особым случаям* относятся обращения, произнесенные в связи с особо важными национальными и глобальными событиями. Ярким примером таковых за последние годы являются знаковые сообщения Филиппа VI – речь в связи с каталонским кризисом (3 октября 2017 г.), по случаю празднования 40-летия принятия Конституции (6 декабря 2018 г.), в связи с пандемией коронавируса (18 марта 2020 г.), на церемонии памяти поминовения жертв коронавируса (16 июля 2020 г.) и в связи с извержением вулкана на острове Пальма (20 сентября 2021 г.). Речь по случаю каталонского кризиса 2017 г. является знаковой в правлении Филиппа VI, поскольку послужила отправной точкой для изменения его речевого поведения (курс на демократизацию дискурса). С этого момента его фигура занимает более значимые позиции в социально-политической жизни страны, а общественный резонанс его выступлений значительно

возрастает – ведется более активная, чем в начале его правления полемика в средствах массовой информации, радикализуются точки зрения по поводу его выступлений (от одобрения и похвалы до крайнего неприятия).

Указанные речи носят экстраординарный характер, в связи с этим отличаются по своему эмоциональному накалу. Адресатом выступает широкая национальная аудитория, поскольку затрагиваемые в сообщениях вопросы касаются всех без исключения граждан. Коммуникативная цель оратора заключается в привлечении внимания адресата к текущим проблемам социально-экономического и политического характера и оказание эмоциональной поддержки соотечественникам.

Публичные речи перед международной аудиторией (Группа 2) представляют собой важный инструмент укрепления имиджа Испании на международной арене как надежного партнера и защитника демократических ценностей [Ruiz Ruiz 2001]. В качестве адресата выступают международные организации и институты, иностранные политические и государственные лидеры, дипломатические представители и широкая международная общественность. Основными коммуникативными целями данного вида выступлений являются изложение доктринальных принципов и демонстрация приоритетов государства, среди которых главная роль принадлежит идее приверженности принятому мировым сообществом курсу. Особое внимание обращает на себя речь монарха на ежегодном вручении премии Принцессы Астурийской, являющемся социально значимым мероприятием мирового масштаба³⁵.

---

³⁵ Премия принцессы Астурийской – ежегодно (с 1981 г.) вручаемая международная премия в Овьедо (Испания). С 2014 г. носит имя принцессы Астурийской Леонор (до 2014 г. носила имя принца Астурийского Филиппа). Вручается в восьми категориях: за достижения в искусстве, общественных науках, социальных науках, гуманитарной деятельности, международном сотрудничестве, спорте, научных и технических исследованиях, категории «Согласие». Премией награждаются не только испанцы, но и граждане других государств (среди них, например, В. Аллен, М. Варгас Льоса, М.М. Плисецкая, М.С. Горбачев, В.В. Поляков, М.Л. Ростропович, Е.Г. Исинбаева и пр.). 18 октября 2019 г. Филипп VI отметил: «Вручение этой премии

Адресат данного мероприятия представлен многонациональной аудиторией; коммуникативная цель оратора заключается в трансляции уважения к достижениям сограждан и иностранных представителей и чествовании их заслуг перед страной и международным сообществом.

Таким образом, с целью определения лингвопрагматического потенциала публичных выступлений главы испанского Королевского дома представляется уместным разделить корпус текстов на две группы и рассматривать их в тесной связи с характеристиками адресата (международной или национальной аудиторией). *Публичные речи внутренней адресации* в первую очередь служат для объединения граждан на основе единых духовных и государственных ценностей, при этом их косвенная задача заключается в закреплении в массовом сознании идеи о необходимости существования института монархии, выступающего связующим звеном между социумом и властными структурами. В последнее время прослеживается тенденция к более выраженной эмоциональности выступлений, что связано со стремлением монарха проявить участие и выразить моральную поддержку населению в связи со сложной социально-экономической и политической ситуацией в стране. Следует отметить коронационную речь в качестве яркого примера институционального статусно-ориентированного дискурса в силу ее символичности и значимости для общественной жизни Испании. Кроме того, особый интерес представляют ежегодные рождественские обращения, основная цель которых заключается в обозначении насущных проблем испанского общества и демонстрации основных принципов монархического правления. *Публичные речи внешней адресации* предназначены в первую очередь для

дает нам возможность отдать дань уважения определившим историю последних десятилетий людям, учреждениям и организациям, чьи заслуги будут важны в будущем» («La concesión de estos premios nos ofrece la oportunidad de homenajear a personas, instituciones y entidades que han marcado la historia de los últimos decenios y cuyo legado será fundamental en el futuro»).

международной аудитории, в качестве которой выступают главы других стран, международные организации, дипломатический корпус, представители международной общественности, и служат для демонстрации приверженности страны принятому мировым сообществом курсу и ее участия в вопросах глобального характера. В современном социально-политическом контексте Испания приняла курс на более тесное сотрудничество с Европейским Союзом, оказывающим ей серьезную экономическую поддержку, что не могло не отразиться на содержании публичных речей монарха и использовании в них соответствующих идеологических доминант.

§2. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичных выступлениях испанского монарха

В рамках лингвопрагматического подхода к изучению политического дискурса следует рассмотреть идеологемы, которые являются одной из интенциональных категорий и выступают важнейшим инструментом речевого воздействия в публичных выступлениях современного испанского монарха. Идеологемы как результат взаимодействия языка и идеологии представляют собой оптимальное средство для утверждения доминирующего в стране мировоззрения, влияют на преобразование уже существующей политической картины мира, эксплицитно или имплицитно репрезентируют основные идеологические и ценностные установки общества или социальной группы, выступают в качестве инструмента фасцинативного воздействия³⁶ на аудиторию [Журавлев 2004; Клушина 2012; Зененко 2018].

---

³⁶ Под *фасцинативным* воздействием вслед за В.И. Карасиком понимается совокупность характеристик текста, превращающих его в объект притяжения для адресата [Карасик 2007].

Понятие «идеологема» впервые встречается в работах М.М. Бахтина для обозначения объективно существующих форм идеологии и описания картины мира, далекой от объективной реальности (идеологема – это «экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии»³⁷). Многие специалисты вслед за М.М. Бахтиным (Ю.Н. Караулов, Н.А. Купина, Т.Б. Радбиль, А.П. Чудинов и др.) рассматривают это понятие как вербальную единицу, имеющую в своем значении идеологический компонент [Чудинов 2007: 92], обозначающую значимые для общества духовные ценности и выполняющую функцию экспликации системы идеологических доминант [Радбиль 1998: 22]. В самом общем виде под этим понятием подразумеваются «семантико-тематические» обозначения духовных ценностей в картине мира языковой личности (языкового сообщества) [Караулов 1987: 153]. Иначе говоря, под *идеологемами* следует понимать воспроизводимое в устойчивой форме мыслительное образование, содержащее идеологический компонент значения и обладающее социокультурной и исторической значимостью [Воробьева 2008; Пионтек 2012].

Современные исследователи (Н.А. Купина, С.А. Журавлев, Г.Ч. Гусейнов) предлагают рассматривать идеологему как (а) мировоззренческую установку, облеченную в языковую форму, как (б) когнитивно-прагматический инструмент продвижения идеологии и как (в) эффективный способ воздействия в политической коммуникации на общественное сознание [Купина 1995; Журавлев 2004; Гусейнов 2004]. Идеологема представляет собой основу для формирования аксиологических категорий, анализ которых необходим при описании

---

³⁷ «Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров, тождественные абстрактные элементы внутри этих различных кругозоров наполняются различными смысловыми и ценностными содержаниями и звучат по-разному» [Бахтин 1975: 101].

ментальности конкретного общества и приемлемых для него моделей поведения, то есть их можно воспринимать как «знаки или устойчивые совокупности знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного – правильного мышления и безупречного поведения – и предостерегающих их от недозволенного» [Гусейнов 2004: 14].

К базовым признакам идеологем относятся: 1) ярко выраженная аксиологичность (идеологичность); 2) способность формировать картину мира; 3) оценочность; 4) повторяемость; 5) национальная специфичность; 6) динамичность семантики; 7) разнообразие способов репрезентации знаками различных семиотических систем [Журавлев 2004; Малышева 2009; Клушина 2014; Романова 2019]. Д. Грейбер выделяет следующие прагматические категории идеологем: а) способность генерировать богатые образные ассоциации, извлекать из памяти яркие картинки прошлого опыта; б) способность активизировать сильные эмоции, провоцировать желаемую реакцию и тем самым служить сильным мобилизующим средством; в) обеспечение быстрой категоризации понятия, его проведение через тот или иной «оценочный фильтр»; г) способность эффективно и экономно репрезентировать сложные политические реалии, что значительно облегчает процесс коммуникации [Graber 1976: 291-294].

На современном этапе развития языкознания ведущими направлениями в изучении идеологем являются *лингвистическое* и *когнитивное (лингвокогнитивное)*. В рамках лингвистического подхода идеологемы рассматриваются как «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором «размывается» прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят «чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль 1998: 22]. Сторонники когнитивного направления (Е.Г. Малышева, Н.И. Клушина, А.А. Мирошниченко и др.) изучают их как феномен идеологической

картины мира, которая объективируется в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем. В частности, Е.Г. Малышева определяет идеологему как единицу когнитивного уровня, то есть «многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки», включающие в себя коллективное, зачастую стереотипное или мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах [Малышева 2009: 35].

Постоянное стремление государственных и политических деятелей дать положительную или отрицательную оценку реалиям политической жизни способствует тому, что лексические единицы, являясь изначально безоценочными в языке, становятся оценочными в речи. Тематическое наполнение выступлений напрямую зависит от общественно-политической ситуации в стране и мире, поэтому зачастую идеологемы называют «отражением политической эпохи, языковых и национально-специфических особенностей» [Маркова, Харламова 2005: 85]. Кроме того, идеологемы включают в себя эмоциональную составляющую, оказывающую воздействие на чувства адресата, и базируются на некритическом восприятии действительности. С их помощью в публичной политической речи становятся возможными консолидация отдельных групп или социума, ориентация массового сознания в заданном направлении и структурирование политической реальности [Клушина 2014: 55].

В научной литературе широко признанными являются классификации идеологем А.П. Чудинова и Е.Г. Малышевой. А.П. Чудинов подразделяет их на два основных типа: а) лексемы (словосочетания), неодинаково понимаемые сторонниками разных политических взглядов, что находит отражение в эмоциональной окраске слова, на которое переносится оценка

соответствующего явления; б) лексемы (словосочетания), употребляемые только сторонниками определенных политических взглядов, передающие специфический взгляд на соответствующую реалию [Чудинов 2007: 92-93]. В свою очередь Е.Г. Малышева с учетом прагматического компонента (оценочного потенциала, специфики восприятия носителями языка, в том числе представителями разных политических партий) выделяет идеологемы с (а) положительным («Родина», «флаг», «отечество»), (б) отрицательным («фашизм», «террор») и (в) смешанным аксиологическим модусом («патриотизм», «президент», «народ», «демократия», «либералы») [Малышева 2009: 37].

Исходя из приведенных теоретических позиций в настоящем исследовании вслед за Н.И. Клушиной под *идеологемой* понимается лексическая единица, с помощью которой формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума и создается «общее идеологическое пространство», формирующее социальную идентичность [Клушина 2014: 57]. При этом содержательная специфика и оценочные смыслы определяются прежде всего особенностями существующего общественно-политического порядка, политическими взглядами и мировоззрением участников коммуникации, а также геополитической и экономической обстановкой в мире. К важным признакам идеологем относятся: воспроизводимость в устойчивой форме; социокультурная и историческая значимость; наличие преимущественно идеологического или аксиологического компонента.

Семантическим ядром идеологемы выступает идеологически нагруженная обобщающая лексема, обладающая сильным суггестивным потенциалом [Клушина 2008]. При этом вместе с ней в более широкой смысловой структуре в качестве вариативной части встречаются глаголы, обеспечивающие прагматический контекст и отвечающие за целеполагание

либо констатацию фактов/идей в контексте настоящего, будущего или прошедшего времени.

Идеологемы в публичных речах Филиппа VI можно рассматривать как идеологический ресурс, используемый в современных условиях для внедрения в коллективное сознание определенных идеалов и ценностей, конструирования социальных значений и утверждения национальной идентичности. В целом дискурс современного испанского монарха, основная задача которого (особенно с 2017 г. после каталонского кризиса) заключается в социальной координации групповых действий по достижению коллективных целей, отличается нейтральностью с точки зрения выражения политической позиции. Исследование показывает, что весь корпус идеологем можно разделить на пять групп в зависимости от их тематики: а) идеологемы, отражающие основы государственности; б) идеологемы интегративной семантики; в) идеологемы ценностной семантики; г) идеологемы, формирующие образ нации; д) идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире (см. Табл. 2).

Табл. 2. Тематика идеологем в публичных речах испанского монарха Филиппа VI

	<i>Тематика</i>	<i>Идеологемы</i>
<i>1. идеологемы, отражающие основы государственности</i>	<i>а) идея верховенства закона</i>	<i>nuestra Constitución, nuestra Carta Magna, la España constitucional, la España constitucional y democrática, espíritu constitucional, valores constitucionales, orden constitucional, vías constitucionales, respeto a la ley</i>
	<i>б) идея социального правового государства</i>	<i>Estado del Bienestar, Estado de Derecho, Estado Social de Derecho, Estado de Derecho pleno y moderno</i>

	<i>в) идея развитого демократического государства</i>	<i>democracia, democracia asentada, principios democráticos, Estado democrático, sociedad democrática, orden democrático, Monarquía Parlamentaria, separación de Poderes</i>
<i>2. идеологемы интегративной семантики</i>	<i>а) национальное единство</i>	<i>nuestra querida España, unión, unidad, fraternidad, nuestra convivencia, convivencia democrática, convivencia social y política, proyecto nacional, cohesión social, integración, unidad desde la pluralidad, una España unida y diversa, concordia, concordia nacional, reconciliación, paz, entendimiento</i>
	<i>б) единство наций</i>	<i>convivencia entre naciones, unión, proyecto europeo, proyecto común, integración, integración europea, cooperación internacional, colaboración, una Europa unida, nuestro gran proyecto común de la Unión Europea</i>
<i>3. идеологемы ценностной семантики</i>		<i>libertad, pluralismo, pluralismo político, pluralidad política, sociedad justa e igualitaria, justicia, igualdad, derechos humanos, dignidad de los hombres y mujeres, valores tradicionales, valores cívicos de respeto y de diálogo, diálogo, responsabilidad, tolerancia, solidaridad, generosidad, esfuerzo colectivo</i>
<i>4. идеологемы, формирующие образ нации</i>	<i>а) образ нации (страны)</i>	<i>gran nación, gran pueblo, gran país, gran historia, gran triunfo, socio leal y fiable, socio leal y responsable, socio comprometido, sociedad libre y democrática, sociedad madura, sociedad civil, país extraordinario, sociedad tolerante, sociedad solidaria, sociedad responsable</i>
	<i>б) качества национального характера</i>	<i>valentía, coraje, decisión, determinación, entereza, sentido del deber, humanidad, espíritu de superación, dignidad, madurez, sensatez, entrega, sacrificio, abnegación, trabajo al servicio del bien común, ejemplaridad, profesionalidad</i>
<i>5. идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире</i>		<i>crisis, crisis económica, terrorismo, cambio climático, desigualdad, desigualdad laboral entre hombres y mujeres, corrupción, violencia de género, violencia contra las mujeres, pobreza, desempleo (paro), desempleo juvenil, precariedad, intolerancia, discordia</i>

1. Идеологемы, отражающие основы государственности

Роль испанского монарха как представителя верховной магистратуры в силу особенностей исторического развития и становления государственности в Испании, а также ее современного социально-политического контекста заключается в первую очередь в провозглашении верховенства закона, господства демократических ценностей и необходимости сохранения единого и неделимого государства. Отсылки к действующей Конституции отражают идею верховенства закона (*nuestra Constitución, nuestra Carta Magna, la España constitucional, la España constitucional y democrática, espíritu constitucional, valores constitucionales,*

orden constitucional, vías constitucionales, respeto a la ley) и в обязательном порядке присутствуют во всех ориентированных на широкую национальную аудиторию выступлениях, связанных с традиционными официальными праздниками, историческими датами и современными событиями:

*Es responsabilidad de los legítimos poderes del Estado **asegurar el orden constitucional**. Законная власть государства несет ответственность за **обеспечение конституционного порядка** (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*Las jóvenes generaciones nacen, se educan y se desarrollan en una sociedad democrática y los **valores constitucionales** impregnan la vida diaria y personal de nuestros ciudadanos y también nuestra vida colectiva.*

*Новые поколения рождаются, получают образование и развиваются в демократическом обществе, в котором **конституционные ценности** пронизывают повседневную жизнь наших граждан, а также нашего общества в целом (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции);*

*En un tiempo en el que la pandemia y sus consecuencias económicas y sociales provocan tanta incertidumbre, **nuestra Constitución nos garantiza** nuestro modo de entender la vida, nuestra visión de la sociedad y del ser humano; de su dignidad, de sus derechos y libertades.*

*Когда пандемия и ее экономические и социальные последствия являются причиной неопределенности, **наша Конституция гарантирует** нам наш способ понимания жизни, наше видение общества и человека; своего достоинства, своих прав и свобод (24.12.2020, рождественское послание).*

*Идея социального правового государства, имеющая особое значение в последние годы, когда его территориальная целостность находилась под угрозой в связи с каталонским кризисом 2017 г., находит свое отражение в таких идеологемах, как *Estado del Bienestar, Estado de Derecho, Estado social y democrático de Derecho, Estado de Derecho pleno y moderno, Estado sólido:**

Respetar y preservar los principios y valores de nuestro Estado social y democrático de Derecho es imprescindible para garantizar una convivencia que asegure “la libertad, la igualdad, la justicia y el pluralismo político”, tal y como señala nuestra Constitución.

Необходимо уважать и сохранять принципы и ценности нашего социального и демократического правового государства с целью гарантировать мирное сосуществование, обеспечивающее «свободу, равенство, справедливость и политический плюрализм», как указано в нашей Конституции (24.12.2017, рождественское послание);

[...] España es un Estado de Derecho pleno y moderno.

Испания – это полноценное и современное правовое государство (19.11.2020, речь на вручении премии юристам).

Идея развитого демократического государства, в котором граждане могут свободно решать волнующие их вопросы и участвовать в его жизни, является одной из основополагающих в речах испанского монарха перед национальной аудиторией (democracia, democracia asentada, principios democráticos, Estado democrático, sociedad democrática, orden democrático, Monarquía Parlamentaria, separación de Poderes):

[...] desde hace décadas vivimos en un Estado democrático...

[...] уже несколько десятилетий мы живем в демократическом государстве... (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

[...] vivimos en una democracia asentada...

[...] мы живем в развитом демократическом обществе... (24.12.2018, рождественское послание).

Таким образом, идеологемы, отражающие основы государственности, призваны закрепить в общественном сознании базовые принципы существования современной Испании и представления о государственном устройстве и социальном порядке вне зависимости от текущего политического контекста. В их структуру в качестве вариативных элементов входят глаголы семантики обеспечения и гарантии (*asegurar, garantizar, consolidar*), существования (*vivir*), уважения (*respetar*), сохранения (*preservar*) и достижения (*conseguir, lograr*).

2. Идеологемы интегративной семантики

С учетом характеристик адресата представляется логичным разграничить идеологемы, отсылающие к единству в рамках (а) национального и (б) международного сообщества.

Значимость фигуры испанского монарха обосновывается его ролью арбитра и примирителя в государстве, включающем разнообразные по своей культуре и уровню социально-экономического развития регионы. Поэтому одной из основных характеристик институционального статусно-ориентированного дискурса современной испанской монархии является ее *объединяющая функция* в рамках сложившегося социального порядка. В этой связи Филипп VI в первую очередь прибегает к *идеологемам интегративной семантики*, транслирующих идею национального единства (*nuestra querida España, unión, unidad, fraternidad, nuestra convivencia, convivencia democrática, convivencia social y política, proyecto nacional, cohesión social, integración, unidad desde la pluralidad, una España unida y diversa, concordia, concordia nacional, reconciliación, paz, entendimiento*):

*Esos españoles nos dieron el mejor ejemplo de humanidad y de **fraternidad**; nos dieron una lección de dignidad...*

*Эти испанцы стали для нас лучшим примером проявления гуманности и **братства**, показали нам достойное поведение... (19.06.2014, коронационная речь);*

*[...] es imprescindible que **aseguremos** en todo momento **nuestra convivencia**.*

*[...] необходимо постоянно **обеспечивать мирное сосуществование** в нашем обществе (24.12.2018, рождественское послание);*

*[...] [nuestra Constitución] reconoce la diversidad territorial que nos define y **preserva la unidad** que nos da fuerza.*

*[...] [наша Конституция] признает определяющее нас территориальное разнообразие и **сохраняет единство**, придающее нам силы (24.12.2019, рождественское послание).*

Среди идеологем интегративной семантики следует особо отметить лексему *convivencia*, употребляемую с притяжательным местоимением

первого лица множественного числа и относительными прилагательными (*nuestra convivencia, nuestra convivencia democrática, convivencia social y política, convivencia entre los españoles, convivencia cívica, serena y en libertad*³⁸), за которой стоит идея мирного сосуществования в рамках единого и неделимого государства, исторически привыкшего к разнообразию религиозного и культурного контекста:

*Respetar y preservar los principios y valores de nuestro Estado social y democrático de Derecho es imprescindible para **garantizar una convivencia** que asegure “la libertad, la igualdad, la justicia y el pluralismo político”...*

*Необходимо уважать и сохранять принципы и ценности нашего социального и демократического правового государства с целью **гарантировать мирное сосуществование**, обеспечивающее «свободу, равенство, справедливость и политический плюрализм»... (24.12.2017, рождественское послание);*

*La Constitución es el gran pacto nacional de **convivencia entre los españoles** por la concordia y la reconciliación, por la democracia y por la libertad.*

*Конституция – это великий национальный пакт **мирного сосуществования испанцев** во имя согласия и примирения, во имя демократии и свободы (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции);*

*Y contamos sobre todo con nuestro sistema de **convivencia democrática**.*

*И прежде всего мы рассчитываем на нашу систему **демократического сосуществования** (24.12.2020, рождественское послание).*

*Идея взаимопонимания и согласия как основы существования государства выражается такими идеологемами, как *entendimiento, paz, concordia, concordia nacional, encuentro*:*

*Y deseamos, en fin, una España en la que no se rompan nunca los puentes del **entendimiento**, que es uno de los principios inspiradores de nuestro espíritu constitucional.*

---

³⁸ Следует отметить устойчивость употребления данной лексемы после каталонского кризиса, когда местные власти провели референдум по поводу отделения региона от Испании и начали массовые столкновения осенью 2017 г. В частности, лексема *convivencia* в рождественских посланиях 2017 и 2018 гг. повторяется по 7 раз. В рождественском обращении 2021 г. обращает на себя внимание расширение сопровождающих ее элементов – *convivencia cívica, serena y en libertad* (сама лексема употребляется 4 раза).

И, наконец, мы хотим, чтобы в Испании никогда не разводились мосты взаимопонимания, что является одним из вдохновляющих принципов нашего конституционного духа (19.06.2014, коронационная речь);

*Una Constitución fruto de la **concordia entre españoles**, unidos por un profundo deseo de reconciliación y de paz; unidos por la firme voluntad de vivir en democracia.*

*Конституция, которая является результатом **взаимопонимания между испанцами**, объединенными глубоким желанием примирения и мира; объединенными твердым желанием жить в условиях демократии (19.10.2018, речь на вручении премии Принцессы Астурийской);*

*Y de entre esos valores, quiero destacar en primer lugar, el deseo de **concordia** que, gracias a la responsabilidad, a los afectos, la generosidad, al diálogo y al respeto entre personas de ideologías muy diferentes, derribó muros de intolerancia, de rencor y de incompreensión que habían marcado muchos episodios de nuestra historia.*

*И среди этих ценностей я хочу прежде всего выделить стремление к **согласию**, которое благодаря ответственности, любви, благородству, диалогу и уважению между людьми самых разных идеологий разрушило стены нетерпимости, негодования и недопонимания, которыми были отмечены многие периоды нашей истории (24.12.2019, рождественское послание);*

*[...] es necesario que todos hagamos un gran esfuerzo colectivo, un gran esfuerzo nacional, de **entendimiento** y de **concordia**...*

*[...] необходимо, чтобы мы все, всей нацией, приложили большие коллективные усилия, по **взаимопониманию** и **согласию**... (16.10.2020, речь на вручении премии Принцессы Астурийской).*

События Гражданской войны (1936–1939 гг.) являются печальной страницей в истории страны, именно поэтому столь значимая для испанцев идеологема *reconciliación* («примирение») представляется важным принципом существования современного государства:

*Esa generación... construyó los cimientos de un edificio político que logró superar diferencias que parecían insalvables, **conseguir la reconciliación de los españoles**, reconocer a España en su pluralidad y recuperar para nuestra Nación su lugar en el mundo.*

*Это поколение... заложило основы политического здания, которое смогло устранить казавшиеся непреодолимыми различия, **достичь примирения испанцев**,*

признать разнообразие Испании и восстановить позиции нашей страны на мировой арене (19.06.2014, коронационная речь);

*La España actual es muy distinta de la España de los siglos que nos preceden gracias a una auténtica y generosa voluntad de entendimiento de todos los españoles, a un sincero espíritu de **reconciliación** y superación de nuestras diferencias históricas y a un compromiso de las fuerzas políticas y sociales con el servicio a todo un pueblo, a los intereses generales de la Nación, que deben estar siempre por encima de todo.*

*Современная Испания сильно отличается от Испании прошлых столетий благодаря настоящему и великодушному стремлению к взаимопониманию со стороны всех испанцев, искреннему духу **примирения** и преодоления наших исторических разногласий, а также приверженности политических и социальных сил служению всему народу, общим интересам нации, которые всегда должны быть превыше всего (24.12.2015, рождественское послание);*

*La Constitución es el gran pacto nacional de convivencia entre los españoles por la concordia y la **reconciliación**, por la democracia y por la libertad...*

*Конституция представляет собой великий общественный договор о мирном сосуществовании испанцев во имя согласия и **примирения**, во имя демократии и свободы... (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции).*

Идея единства в многообразии (unidad desde la pluralidad, una España unida y diversa, enorme riqueza y diversidad cultural) всегда имела особое значение в Испании, что также непосредственно связано с историческим фактором: на протяжении многих веков на территории Пиренейского полуострова противостояли и мирно сосуществовали представители различных культур (христиане, евреи и мусульмане). В настоящее время в связи с усилением центробежных сил и увеличением количества иммигрантов эта идея приобретает новые смыслы:

*Regenerar nuestra vida política, recuperar la confianza de los ciudadanos en sus instituciones, garantizar nuestro Estado del Bienestar y **preservar nuestra unidad desde la pluralidad** son nuestros grandes retos.*

Обновить нашу политическую жизнь, вернуть доверие граждан к властным структурам, обеспечить процветание государства всеобщего благосостояния и

сохранить единство в многообразии – наши главные задачи (24.12.2014, рождественское послание);

Siempre he pensado que España es un país extraordinario, de una enorme riqueza y diversidad cultural...

Я всегда знал, что Испания – это удивительная страна, которая отличается огромным культурным разнообразием... (24.12.2020, рождественское послание).

В речах внешней адресации закономерно продвигается идея мирного сосуществования и единства наций (convivencia entre naciones, unión, proyecto europeo, proyecto común, integración, integración europea, cooperación internacional, colaboración, una Europa unida, nuestro gran proyecto común de la Unión Europea):

En ese contexto, la Política Europea de Vecindad cobra hoy todo su sentido ante el drama migratorio, y nos lleva a reflexionar sobre la necesidad de dotarnos de instrumentos de colaboración con nuestros países vecinos para evitar los desplazamientos masivos, la violencia o la inseguridad.

В этом контексте Европейская Политика Соседства приобретает сегодня особый смысл в условиях миграционного кризиса и заставляет нас задуматься о необходимости поиска инструментов сотрудничества с нашими соседями, чтобы избежать массивных перемещений, насилия и нестабильности (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

Necesitamos más Naciones Unidas y unas naciones más unidas.

Сегодня мы нуждаемся не только в Организации Объединенных Наций, но и в более тесном сотрудничестве между нациями (21.09.2020, речь по случаю 75-й годовщины ООН);

Junto a la debida gratitud debo resaltar nuestra convicción sobre la necesidad de la mayor unión.

Наряду с должной благодарностью я должен подчеркнуть нашу убежденность в необходимости более тесного сотрудничества (21.09.2020, речь по случаю 75-й годовщины ООН).

Особо следует выделить идеологему proyecto europeo/común («европейский/общий проект») в речах внешней и внутренней адресации, за которой прочно закреплено представление об объединении европейских

стран на основе тесного сотрудничества, высоких моральных принципов и господства демократических ценностей:

Tengan, así pues, señorías, la seguridad de poder contar con una España leal y responsable hacia el proyecto europeo.

Итак, уважаемые господа, вы можете смело рассчитывать на Испанию, которая является надежным и ответственным членом европейского проекта (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

El proyecto europeo, que comenzó hace ya casi 60 años, crea efectivamente un espacio de paz, prosperidad, libertad, justicia y solidaridad, del que debemos sentirnos legítimamente orgullosos.

Европейский проект, начатый уже почти 60 лет назад, эффективно создает пространство, в котором царят мир, процветание, свобода, справедливость и солидарность и которым мы должны по праву гордиться (там же);

Quiero ahora –al concluir mis palabras– reiterar la confianza y la lealtad de España al proyecto europeo.

В завершении своего выступления я хочу повторить, что Испания верна и предана европейскому проекту (27.04.2017, речь перед Парламентской Ассамблей Совета Европы);

España debe recuperar su protagonismo en un proyecto europeo que requiere mayor vitalidad e impulso.

Испания должна восстановить ведущую роль в европейском проекте, которому сегодня требуется бóльшая жизненная сила и импульс к развитию (24.12.2017, рождественское послание);

La Unión... abre una nueva época para que España se una en un proyecto común para modernizar nuestra economía...

Евросоюз... открывает новую эпоху, чтобы Испания присоединилась к общему проекту с целью модернизации экономики (24.12.2020, рождественское послание).

Таким образом, идеологемы интегративной семантики в публичных речах внутренней и внешней адресации служат основным инструментом трансляции идеи национального/многонационального единства и ресурсом реализации символической роли монарха как гаранта этого единства. В их структуру входят глаголы семантики обеспечения и гарантии (*asegurar*,

garantizar, consolidar), сохранения (*preservar*) и достижения (*conseguir, lograr*).

3. Идеологемы ценностной семантики

Обозначение ключевых ценностей общества служит своеобразным ориентиром и играет особую роль в периоды социально-политической нестабильности государства (*libertad, pluralismo, pluralismo político, pluralidad política, sociedad justa e igualitaria, justicia, igualdad, derechos humanos, dignidad de los hombres y mujeres, valores tradicionales, valores cívicos de respeto y de diálogo, diálogo, responsabilidad, tolerancia, solidaridad, generosidad, esfuerzo colectivo*):

Y en esos mismos valores de libertad, de responsabilidad, de solidaridad y de tolerancia, la Reina y yo educamos a nuestras hijas, la Princesa de Asturias y la Infanta Sofía.

И в тех же самых ценностях свободы, ответственности, солидарности и толерантности мы с королевой воспитываем наших дочерей, Принцессу Астурийскую и инфанту Софию (19.06.2014, коронационная речь);

Es evidente que tras los últimos procesos electorales, nuestro pluralismo político requiere de un diálogo permanente y de un debate siempre constructivo...

Очевидно, что после последней избирательной кампании наш политический плюрализм требует постоянного диалога и всегда конструктивной дискуссии... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);

Respetar y preservar los principios y valores de nuestro Estado social y democrático de Derecho es imprescindible para garantizar una convivencia que asegure “la libertad, la igualdad, la justicia y el pluralismo político”, tal y como señala nuestra Constitución.

Уважать и сохранять принципы и ценности нашего социального правового и демократического государства необходимо ради гарантии мирного сосуществования, которое обеспечивает «свободу, равенство, справедливость и политический плюрализм», согласно нашей Конституции (24.12.2017, рождественское послание).

Идея справедливости и равенства всех перед законом (una España de iguales ante la ley, una sociedad igualitaria, igualdad, justicia, una sociedad justa e igualitaria) становится особенно актуальной в связи с громкими

коррупционными скандалами последнего десятилетия (2010–2020 гг.), в которых были замешаны члены испанской Королевской семьи, и соответствует основному запросу современного общества на социальную справедливость и законность:

*En esa España, unida y diversa, basada en la **igualdad** de los españoles, en la solidaridad entre sus pueblos y en el **respeto a la ley**, cabemos todos...*

*В единой и многоликой Испании, основанной на **равенстве**, солидарности между народами и **уважении закона**, есть место для всех... (19.06.2014, коронационная речь);*

*Nuestra democracia –desde hace ya más de 35 años– no es fruto de la improvisación, sino de la voluntad decidida del pueblo español de constituir España en un Estado social y Democrático de Derecho, inspirado en los principios de libertad e **igualdad**, de **justicia** y pluralismo; y en el que todos, ciudadanos e instituciones, estamos sometidos, **por igual**, al mandato de la Ley.*

*Наша демократия – вот уже более 35 лет – является результатом не импровизации, а твердой воли испанского народа сделать Испанию социальным и демократическим правовым государством на основе принципов свободы и **равенства**, **справедливости** и плюрализма, в котором все граждане и учреждения **в равной степени** подчиняются закону (24.10.2014, речь на вручении премии Принцессы Астурийской).*

Таким образом, указанные идеологемы закрепляют непреходящие ценностные доминанты современного испанского общества и приобретают особую значимость в период глобальных потрясений (экономический кризис, каталонский кризис, пандемия коронавируса). В их структуру входят глаголы семантики уважения (*respetar*), сохранения (*preservar*), соблюдения/следования (*seguir*).

4. Идеологемы, формирующие образ нации

Одним из действенных способов продвижения идей в дискурсе испанского монарха представляются идеологемы, (а) формирующие обобщенный положительный образ нации (*gran nación*, *gran pueblo*, *gran país*, *gran historia*, *socio leal y fiable*, *socio leal y responsable*, *sociedad libre y*

democrática, sociedad madura, sociedad vital, sociedad civil, sociedad tolerante, sociedad responsable, sociedad solidaria, país extraordinario) и (б) транслирующие представление о качествах национального характера (*generosidad, valentía, coraje, decisión, determinación, entereza, sentido del deber, humanidad, espíritu de superación, esfuerzo, entrega, sacrificio, abnegación, trabajo al servicio del bien común, ejemplaridad, profesionalidad, profesionales extraordinarios, solidaridad, sociedad solidaria, responsabilidad, sociedad responsable*).

Традиционной для национальной патетики является *идея величия нации*, выражаемая в публичных речах Филиппа VI с помощью словосочетаний *gran país, gran pueblo, gran nación, gran historia, gran triunfo, país extraordinario*:

Una gran nación, Señorías, en la que creo, a la que quiero y a la que admiro...

Великая страна, уважаемые господа, в которую я верю, которую я люблю и которой я восхищаюсь... (19.06.2014, коронационная речь);

Porque la historia de la España que juntos hemos construido es la historia de un gran triunfo de todos los españoles.

Потому что история Испании, которую мы вместе построили, – это история великого триумфа всех испанцев (24.12.2017, рождественское послание);

Porque España es un país extraordinario. Así lo comprobamos con la inmensidad de grandes y pequeñas buenas acciones que protagonizan millones de nuestros compatriotas cada día...

Потому что Испания – удивительная страна. Мы в этом убеждаемся каждый день, наблюдая большие и маленькие подвиги наших сограждан... (15.03.2021, речь перед почетными послами).

Идеологема «толерантность» в последнее время приобретает особую значимость в политической лингвистике. Пристальное внимание к изучению данной проблемы обусловлено интенсивными процессами, происходящими в социальной и политической сферах и отражающимися в перестройке мировоззренческих установок. В современном мире

глобализация сближает различные культуры, взгляды и религии, что обостряет вопросы, связанные с отношением к «своим» и «чужим». Рассматриваемая идеологема представляет собой один из «самых эффективных видов информационно-идеологического оружия», используемых политическими и общественными деятелями с целью влияния на массовое сознание, поскольку выступает в качестве ненасильственного способа разрешения конфликтов, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций. Поэтому ее активная трансляция в политическом дискурсе связана с желанием сформировать положительное отношение к данному явлению и обозначить нравственные ориентиры социума [Романова 2019: 66-67].

В настоящее время *идея толерантности* (*sociedad tolerante, sociedad solidaria*) является основополагающим принципом существования современного многонационального испанского социума:

*España proyecta al mundo su realidad actual de país moderno, democrático y avanzado con una economía productiva, muy abierta y ciertamente competitiva en muchos sectores; y refleja la imagen consolidada de una **sociedad plural, tolerante y solidaria**...*

*Испания предстаёт перед миром как современная, демократическая и прогрессивная страна с развитой, очень открытой и, без сомнения, эффективной экономикой во многих сферах; проецирует образ **многоликого, толерантного и солидарного общества**... (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом).*

Кроме того, презентация Испании как верного и надежного партнера является неотъемлемой частью выступлений монарха перед национальной аудиторией и мировым сообществом (*socio responsable, socio fiable, socio leal, socio comprometido*):

*Todas estas colaboraciones internacionales y el magnífico trabajo realizado por la Institución Militar confirman una vez más a España como una Nación con vocación y capacidad de liderazgo, como un **socio responsable, fiable y leal** con los compromisos internacionales asumidos.*

Сотрудничество с другими странами и прекрасная работа вооруженных сил еще раз подтверждают, что Испания – это нация, готовая и способная к лидерству, это

ответственный, надежный и верный союзник в осуществлении международных миссий (06.01.2016, речь по случаю Военной Пасхи);

*Termino ya para subrayar que Marruecos siempre encontrará en España un **socio leal y comprometido** para apoyar su progreso en todos los ámbitos.*

*В завершении я хочу подчеркнуть, что Марокко всегда может видеть в Испании **надежного и верного своим обязательствам партнера**, готового поддержать во всех областях (14.02.2019, речь на встрече испанских и марокканских компаний).*

Такие идеологемы, как *responsabilidad* («ответственность»), *generosidad* («благородство», «щедрость»), *valentía, coraje* («смелость», «храбрость»), *entereza* («стойкость»), *espíritu de superación* («стремление продвигаться вперед») отражают традиционные черты национального характера испанцев:

*Mi esperanza en nuestro futuro se basa en mi fe en la sociedad española; **una sociedad madura y vital, responsable y solidaria**, que está demostrando una **gran entereza** y un **espíritu de superación** que merecen el mayor reconocimiento.*

*Моя надежда на наше светлое будущее основано на вере в испанское общество, которое является **зрелым и динамичным, ответственным и солидарным** и которое показывает примеры **стойкости и стремления продвигаться вперед** (19.06.2014, коронационная речь);*

*El pueblo español, que ha dado ejemplo de **madurez, sensatez y responsabilidad** a lo largo de las últimas décadas...*

*Испанская нация, которая на протяжении последних десятилетий давала примеры **зрелости, благоразумия и ответственности** в последние годы... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);*

No somos un pueblo que se rinda o que se resigne en los malos tiempos.

Мы никогда не сдаемся и не падаем духом в сложные времена (24.12.2020, рождественское послание).

Начиная с 2020 г. в связи с вызванным пандемией коронавируса глобальным социально-экономическим кризисом в публичных речах внутренней адресации подчеркивается *идея жертвенности (sacrificio)* и *идея самоотверженного труда сограждан (esfuerzo, empuje, responsabilidad,*

entrega, abnegación, trabajo al servicio del bien común, profesionales extraordinarios, entrega):

*Vuestra profesionalidad, entrega a los demás, vuestro coraje y **sacrificio personal** son un ejemplo inolvidable.*

*Ваш профессионализм, ваше служение народу, ваша смелость и **самоотверженность** являются незабываемым примером (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса);*

*Sabíamos que tenemos un gran sistema sanitario y unos **profesionales extraordinarios**...*

*Мы знали, что у нас прекрасная система здравоохранения, в которой работают **выдающиеся профессионалы**... (18.03.2020, там же);*

*Hooy reconocemos conductas llenas de **entrega a los demás** sin reservas –aun poniendo en riesgo la propia vida–; llenas de **solidaridad, de valentía, de ejemplaridad** y de **generosidad**...*

*Сегодня мы выражаем признательность за поведение, полное безоговорочной **преданности другим**, связанное с риском для жизни; демонстрирующее **солидарность, отвагу, пример для подражания и бескорыстие**... (16.07.2020, речь по случаю поминовения жертв пандемии коронавируса);*

*Esta crisis nos ha puesto a prueba como país y como sociedad, pero también nos ha permitido comprobar los principios que definen y caracterizan a miles de ciudadanos que han puesto su esfuerzo y su **trabajo al servicio del bien común**.*

*Этот кризис стал проверкой на прочность для нашей страны и общества, однако вместе с тем позволил нам убедиться в прочности наших принципов, характеризующих многих наших граждан, которые неустанно **работают ради всеобщего блага** (16.07.2020, там же);*

*A los sanitarios les damos una vez más las gracias por su enorme **esfuerzo**, su extraordinaria **profesionalidad** y su gran **humanidad** con los enfermos.*

*Мы еще раз благодарим медицинских работников за их колоссальные **усилия**, необычайный **профессионализм** и проявление великой **гуманности** по отношению к больным (24.12.2020, рождественское послание);*

*[...] nuevamente este año, los hombres y mujeres que integran las Fuerzas Armadas, la Guardia Civil y el CNI, han demostrado ser lo más valioso de nuestra Defensa. A su **permanente generosidad** y a sus **sacrificios** tenemos que corresponder... No tengo duda de*

que, con vuestra **contribución entusiasta** y el **esfuerzo** de tantos profesionales, del conjunto de la sociedad española y de la Unión Europea, podremos conseguirlo.

[...] снова в этом году мужчины и женщины, которые служат в Вооруженных силах, Гражданской Гвардии и Службе безопасности, оказались самым ценным активом нашей обороны. Мы должны соответствовать их **неизменному благородству и жертвенности**... Я не сомневаюсь, что благодаря **вашему энтузиазму, усилиям** стольких профессионалов, всего испанского общества и Европейского Союза мы сможем этого добиться (06.01.2021, речь по случаю Военной Пасхи);

*Pero en todo este tiempo, no hemos dejado de comprobar que esta crisis ha hecho emerger con todo su vigor los profundos valores que nos definen: **la solidaridad, el esfuerzo colectivo, la unión y el afecto entre ciudadanos**; valores que no solo nos ayudan a afrontar esta pandemia, sino que también nos confirman algo que ya sabíamos: que juntos seremos más capaces de encarar con esperanza ese deseado futuro de recuperación.*

Но за все это время мы постоянно убеждались в том, что в результате этого кризиса со всей силой проявились определяющие нас глубинные ценности: **солидарность, коллективные усилия, единство и любовь друг к другу**; ценности, которые не только помогают нам противостоять этой пандемии, но и подтверждают то, что мы уже знали: вместе мы быстрее сможем приблизить столь желанное будущее выздоровление (01.07.2021, речь на вручении премии Фонда Принцессы Жироны);

*Pero también debemos tener confianza; una confianza que se basa en los mejores valores que durante esta crisis han emergido en nuestra sociedad –**solidaridad, generosidad, entrega**...*

Но мы также должны иметь доверие; доверие, основанное на лучших ценностях, которые проявились в нашем обществе во время этого кризиса – **солидарности, благородстве, преданности делу**... (15.07.2021, речь на церемонии поминовения жертв коронавируса и чествования медицинского персонала).

Таким образом, формирующие образ нации идеологемы в публичных речах монарха всегда имеют положительный аксиологический модус и отличаются высоким потенциалом речевого воздействия. С точки зрения прагматического контекста их использование сопровождается глаголами с семантикой бытийности/существования (*ser, emerger, vivir*) и сопряжено с констатацией фактов (описание достижений страны и положительных

качеств нации) с целью повышения коллективной самооценки и закрепления в общественном сознании представлений о своей исторической роли в настоящем времени (*es un país extraordinario, somos un gran pueblo*).

5. Идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире

В публичных речах испанского монарха идеологемы, формирующие образ современной ситуации в стране и мире (*crisis, crisis económica, terrorismo, corrupción, desempleo (paro), desempleo juvenil, pobreza, desigualdad, desigualdad laboral entre hombres y mujeres, violencia, violencia contra las mujeres, violencia de género, precariedad, intolerancia, discordia*), имеют отрицательный аксиологический модус и представляют квинтэссенцию коллективного неприятия указанных явлений. При этом следует отметить устойчивость набора указанных идеологем в выступлениях испанского монарха с 2014 г. по настоящее время:

La dureza y duración de la crisis económica produce en muchas familias incertidumbre por su futuro...

Жесткость и продолжительность экономического кризиса порождают во многих семьях неуверенность в своем будущем (24.12.2014, рождественское послание);

Y quiero añadir ahora que necesitamos una profunda regeneración de nuestra vida colectiva. Y en esa tarea, la lucha contra la corrupción es un objetivo irrenunciable.

Также хочу добавить, что нам необходимо обновление нашей коллективной жизни. И для выполнения этой задачи борьба с коррупцией является неотъемлемой целью (24.12.2014, там же);

Tenemos otras muchas preocupaciones –desde luego– pero esta noche no quiero olvidarme de las mujeres que, en un silencio tantas veces impuesto por el miedo, sufren la violencia de género.

Конечно, нас беспокоят и другие проблемы, но этим вечером я хочу вспомнить тех женщин, которые из-за страха молча страдают от насилия (24.12.2017, рождественское послание);

El terrorismo yihadista sigue siendo una amenaza mundial y este año nosotros lo hemos sufrido directamente en Barcelona y Cambrils.

Джихадистский терроризм продолжает оставаться мировой угрозой, и в этом году мы непосредственно пострадали от него в Барселоне и Камбрильсе (24.12.2017, там же);

A lo largo de los últimos años os he venido transmitiendo en Nochebuena mis inquietudes y reflexiones sobre nuestra democracia; sobre la cohesión social y territorial, la economía y el paro o la educación; también sobre la corrupción, el terrorismo o la violencia contra las mujeres; una violencia, de tan triste actualidad y que merece siempre nuestra repulsa y condena más enérgica y el empeño de toda la sociedad para erradicarla de nuestra vida.

На протяжении последних лет я обращался к вам в канун Рождества, высказывая свои соображения и беспокойство по поводу нашей демократии, социальной и территориальной целостности, экономики, безработицы, сферы образования, коррупции, терроризма и насилия в отношении женщин, насилия, которое является печальной реальностью, которое заслуживает нашего самого решительного осуждения и наказания и которое необходимо искоренить из нашей жизни усилиями всего общества (24.12.2018, рождественское послание).

Несмотря на традиционность набора идеологем, описывающих текущую ситуацию, обращает на себя внимание отсутствие в обращениях монарха после 2018 г. лексемы *corrupción* («коррупция»), что свидетельствует о нежелании монарха затрагивать столь болезненную для Королевского дома тему по причине имевших место финансовых махинаций его членов (в том числе Хуана Карлоса I в 2020 г.)³⁹.

Таким образом, отсылка к основным социально-экономическим и политическим проблемам современного испанского общества и мира в целом с помощью соответствующих идеологем с негативным аксиологическим модусом является одной из доминант в выступлениях

---

³⁹ «[...] el peor adversario del rey ha sido y sigue siendo su padre, Juan Carlos I. Nadie le ha procurado más daño moral y político que su progenitor, antes y después de su abdicación. La herencia de Juan Carlos I transmitida a su hijo constituye para él el mayor de los problemas tanto en el presente como en el inmediato futuro» [Zarzalejos 2021: 28-29].

монарха, стремящегося вести открытый и честный диалог с аудиторией посредством упоминания волнующих ее вопросов. С точки зрения прагматического контекста их использование сопровождается глаголами с семантикой борьбы (*luchar, combatir, enfrentarse, afrontar*) и сопряжено с констатацией фактов (описание проблемного контекста) и целеполаганием – прямым или косвенным призывом к искоренению порочных явлений общества.

Изучение идеологем в публичных речах Филиппа VI позволяет сделать вывод о том, что все рассмотренные типы имеют социальную и историческую значимость для испанского общества и содержат идеологический или аксиологический (оценочный) компонент. Трансляция ценностных установок и определенных моделей поведения является ключевой интенцией их использования и формирует в сознании адресата картину мира, которую можно условно подразделить на два типа: а) базисную и б) соответствующую конкретному национальному и международному историческому контексту. За базисную картину (государственное и социальное устройство) отвечают знакомые всем формулы – идеологемы, обозначающие основы государственности и базовые ценности (*Estado de Derecho, sociedad justa e igualitaria, sociedad democrática, democracia, igualdad* и др.), и идеологемы интегративной семантики (*fraternidad, convivencia democrática, unión, unidad desde la pluralidad, integración nacional* и др.). Среди них наиболее важными являются обладающие национальной специфичностью идеологемы, за которыми стоит идея единства нации (*reconciliación, concordia nacional, convivencia* и др.), столь значимая для испанского общества, пережившего Гражданскую войну и преодолевшего каталонский кризис в 2017 г. Идеологемы ценностной семантики (*libertad, pluralismo político, justicia, igualdad, derechos humanos, diversidad cultural* и др.) воспроизводят коллективное представление об основных нормах и правилах поведения и

приобретают особый смысл в кризисные для общества периоды. Идеологемы, раскрывающие образ нации (*gran país, gran pueblo, gran nación, país extraordinario, profesionales extraordinarios*), также относятся к базисной картине мира и отличаются высокой степенью патетики, создавая необходимый эмоциональный фон для восприятия проблемной информации в условиях социально-экономической и политической нестабильности как внутри страны, так и на международной арене.

Формирование картины мира, соответствующей современному национальному и международному контексту, реализуется при помощи идеологем преимущественно с отрицательным аксиологическим модусом, отражающих ключевые социально-экономические и политические проблемы испанского общества и мира в целом (*paro, desempleo juvenil, desigualdad, corrupción, terrorismo, violencia de género*), а также с помощью обозначения политических реалий современной Испании и Европы (*proyecto europeo, proyecto común*). С начала пандемии коронавируса в речах монарха активно продвигается *идея жертвенности и самоотверженного труда* с помощью идеологем с положительным аксиологическим модусом (*sacrificio, esfuerzo, entrega, abnegación, trabajo al servicio del bien común, profesionales extraordinarios*), формирующих образ нации, необходимый в настоящее время в целях повышения коллективной самооценки и закрепления в сознании адресата представлений о нормах поведения в условиях чрезвычайного положения.

Таким образом, в целом идеологемы представляют собой основное средство категоризации мира и трансляции ценностных координат (закрепление в общественном сознании определенной аксиологической модели). С их помощью у современного многонационального испанского социума формируются необходимые представления об (а) основах государственного устройства страны, (б) базовых ценностях, (в) чертах национального характера как интегрирующих социум элементах духовной

культуры, (г) современной исторической ситуации в Испании. В речах внешней адресации основные функции заключаются в (а) провозглашении необходимости международного сотрудничества, (б) формировании образа Испании как надежного партнера, (в) декларации принципов демократического правления. В структуре идеологем в качестве вариативной части выступают глаголы семантики обеспечения и гарантии (*asegurar, garantizar, consolidar*), уважения (*respetar*), сохранения (*preservar*), достижения (*conseguir, lograr*), соблюдения/следования (*seguir*), бытийности/существования (*ser, emerger, vivir*), обеспечивающие традиционный прагматический контекст публичного дискурса государственного лидера.

§3. Стратегии и тактики речевого воздействия в публичных выступлениях испанского монарха

В центре внимания современных лингвистических исследований находится не только «человек говорящий», но и его воздействие на других с помощью средств языка. Понимание языка как «орудия» осуществления целенаправленной коммуникативной деятельности обуславливает интерес отечественных и зарубежных специалистов к поиску различных форм активного и осознанного речевого воздействия. Изучение механизма достижения перлокутивного эффекта предполагает исследование факторов, влияющих на эффективность коммуникации, целесообразности использования определенных языковых средств, а также речевых стратегий и тактик.

Одна из главных задач Филиппа VI заключается в убеждении общества в необходимости существования института монархии в современной Испании по причине утраты Королевским домом авторитета среди населения ввиду произошедших в первые десятилетия XXI в. событий [Barredo Ibáñez 2013a; Barredo Ibáñez 2013b]. В связи с этим наблюдается тенденция к модернизации и демократизации дискурса, которая стала особенно заметна в рождественских речах 2020–2021 гг. и отмечена политическими лидерами различных партий.

В настоящей диссертации приняты за основу положения, разработанные О.Н. Паршиной, которая выделяет следующие стратегии речевого воздействия: *стратегию самопрезентации, стратегии борьбы за власть (дискредитации и нападения, самозащиты, манипулятивная), стратегии удержания власти (информационно-интерпретационная, формирования эмоционального настроения адресата), стратегии убеждения (аргументативная, агитационная).*

В результате анализа публичных речей испанского монарха представляется целесообразным внести изменения в приведенную классификацию (см. Табл. 3):

1) выделить еще две стратегии (*декларативную стратегию* и *стратегию презентация страны*), конвенционально закрепленные в речах современного испанского монарха перед международной аудиторией;

2) объединить *тактики разъяснения* и *комментирования* (разъяснение можно воспринимать как один из видов комментирования), а также *тактики единения, солидаризации* и *отождествления* в связи с отсутствием четких границ в интерпретации и языковой реализации (единение, солидаризация и отождествление реализуются при помощи одних и тех же лексических средств);

3) проанализировать *тактику рассмотрения проблемы под новым углом зрения* в рамках *тактики признания существования проблемы*, поскольку предложение решения проблемы свидетельствует о признании адресантом факта ее существования.

Табл. 3. Классификация стратегий и тактик речевого воздействия в публичной речи испанского монарха Филиппа VI

стратегии	Стратегия самопрезентации	Стратегии удержания власти		Стратегии убеждения		Декларативная стратегия	Стратегия презентации страны
		а) стратегия формирования эмоционального настроя адресата	б) информационно-интерпретационная стратегия	а) агитационная стратегия	б) аргументативная стратегия		
тактики	тактика отождествления (солидаризации)	тактики единения, обращения к эмоциям адресата, учета ценностных ориентиров адресата	тактики признания существования проблемы, акцентирования положительной информации, комментирования (разъяснения), указания на путь решения проблем	тактика призыва и тактика обещания	тактики иллюстрирования, контрастивного анализа, указания на перспективу и обоснованных оценок	тактика демонстрации официальной позиции	тактика создания образа страны

3.1. Стратегия самопрезентации

Особо значимой для монарха как государственного лидера является занимающая центральное место среди стратегий воздействия на национальную аудиторию и реализующаяся посредством схожих *тактик отождествления и солидаризации стратегия самопрезентации*, которая представляет собой эмоциональную «самоподачу» оратора, демонстрацию психических качеств его личности с целью формирования позитивного впечатления о нем самом и его намерениях [Паршина 2005]. В связи с этим особенно важным представляется формирование его имиджа, под которым в настоящей работе понимается «стереотип человека, закрепившийся в массовом сознании», призванный в концентрированной форме отражать суть человека или партии [Почепцов 2001]. Создание положительного впечатления об адресанте становится особенно актуальным с учетом текущего внутривластного контекста Испании, в которой ведутся активные споры по поводу дальнейшего развития, необходимости изменения государственного режима и упразднения института монархии.

Суть *тактики отождествления* заключается в «ненарочитой демонстрации символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе» [Паршина 2005: 69] через сопереживание и позволяет монарху рассчитывать на определенную поддержку со стороны аудитории. Основным средством реализации данной тактики является употребление инклюзивного местоимения «мы» с обобщенным содержанием или глаголов в первом лице множественного числа. При этом грамматические средства являются лишь «вспомогательными, дополняющими, усиливающими, маркирующими идеологические смыслы, выраженные идеологемами» [Карамова 2014: 143]:

Estamos viviendo tiempos complejos y difíciles...

Мы переживаем сложные и непростые времена... (24.12.2014, рождественское послание);

*Son momentos difíciles, pero los **superaremos**.*

*Сейчас тяжелые времена, но **мы их преодолеем** (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

***Todos hemos sido** testigos de los hechos que se han ido produciendo en Cataluña...*

***Мы все являемся** свидетелями происходящих в Каталонии событий... (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*[...] no **vivimos** tiempos fáciles, pero también creo que, por eso precisamente, **debemos tener más que nunca una confianza firme en nosotros mismos y en España**...*

*[...] **мы переживаем** непростые времена, но я считаю, что именно поэтому **мы должны** еще сильнее верить в себя и в Испанию... (24.12.2019, рождественское послание);*

*Porque **todos y cada uno de nosotros somos parte de la solución de esta crisis**. Потому что **мы все и каждый из нас являемся** частью решения этого кризиса (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).*

Тактика солидаризации связана с желанием произвести впечатление единения с помощью отсылки к общим ценностям и убеждениям, создать ощущение «психологического созвучия» оратора и аудитории [Паршина 2005: 77]. В выступлениях испанского монарха она реализуется с помощью указания на эмоциональное и идеологическое единение (особенно в годы тяжелых потрясений):

*No están solos en su dolor; es un dolor que **compartimos**; su duelo es **el nuestro**, que aquí se hace presente **ante todos los españoles**. Dolor y duelo en los que también **todos nos reconocemos; unidos en los mismos principios universales de humanidad y de solidaridad**...*

*Они не одиноки в своей боли; **мы разделяем** их боль; их боль – **наша боль**, которую **мы переживаем** здесь **вместе со всеми испанцами**. Это боль и горе, которые **мы испытываем все вместе, связанные едиными принципами** гуманности и солидарности... (16.07.2020, речь памяти жертв коронавируса).*

Кроме того, тактика солидаризации призвана подчеркнуть идею служения монарха народу, его участие в судьбе простых граждан:

*[...] quiero también transmitir **mi cercanía y solidaridad** a todos aquellos ciudadanos a los que el rigor de la crisis económica ha golpeado duramente...*

[...] я хочу также выразить свое участие и сочувствие тем гражданам, которые особо тяжело пострадали в результате экономического кризиса... (19.06.2014, коронационная речь);

Sabed que, para ello, contaréis en todo momento con el apoyo y el aprecio de la Corona.

Знайте, что в любой момент вы всегда можете рассчитывать на **поддержку и помощь Короны** (03.07.2019, речь по случаю празднования 40-летия со дня проведения первых демократических муниципальных выборов);

[...] *quiero transmitir el apoyo permanente de la Corona...*

[...] я хочу выразить вам **неизменную поддержку Королевского дома**... (06.01.2020, речь по случаю празднования Военной Пасхи).

Самопрезентация является важной и необходимой чертой выступления любого государственного лидера при вступлении в должность. В частности, главная задача коронационной речи заключается в декларации позиции будущего главы государства посредством демонстрации политической нейтральности Королевского дома и желания следовать демократическим принципам правления (*ser símbolo de la unidad y permanencia del Estado, asumir su más alta representación y arbitrar y moderar el funcionamiento regular de las instituciones*):

Hoy puedo afirmar ante estas Cámaras [...] que comienza el reinado de un Rey constitucional.

Сегодня я могу заявить перед двумя палатами Парламента [...] что сегодня начинается правление **конституционного монарха** (19.06.2014, коронационная речь);

[...] *encontrarán en mí a un Jefe del Estado leal y dispuesto a escuchar, a comprender, a advertir y a aconsejar; y también a defender siempre los intereses generales.*

[...] вы найдете во мне **преданного главу государства, готового выслушать, понять, предостеречь и дать совет, а также всегда защищать всеобщие интересы** (19.06.2014, там же).

При этом обращает на себя особое внимание **тактика обещания**, ожидаемо востребованная и целенаправленно реализуемая в данном типе публичной речи:

*No tengan dudas, Señorías, de que **sabré hacer honor al juramento** que acabo de pronunciar; y de que, en el desempeño de mis responsabilidades, encontrarán en mí a un Jefe del Estado leal y dispuesto a escuchar, a comprender, a advertir y a aconsejar...*

*Будьте уверены, господа, в том, что **я смогу сдержать клятву**, которую только что произнес, и что, выполняя свои обязанности, я буду преданным главой государства, готовым выслушать, понять, предупредить и дать совет... (19.06.2014, там же).*

В особо значимых для испанского социума речах (например, перед Генеральными кортесами или по случаю 40-летия со дня попытки государственного переворота) Филипп VI всегда декларирует свою роль верховного правителя, являющегося символом единства нации:

*Un acto solemne que supone el encuentro en las Cortes Generales, depositarias de la soberanía nacional en nuestra Monarquía Parlamentaria, entre los representantes del pueblo español y el Jefe del Estado, que, de acuerdo con nuestra Constitución, **es símbolo de su unidad y permanencia**.*

*Торжественный акт, подразумевающий встречу в Генеральных кортесах, представляющих суверенность парламентской монархии, народных избранников и главы государства, который, согласно нашей Конституции, является **символом единства и постоянства** (03.02.2020, речь на открытии XIV сессии Парламента);*

*Hoу como Rey, **símbolo de la unidad y permanencia del Estado**, mi compromiso con la Constitución es más fuerte y firme que nunca.*

*Сегодня будучи монархом, который является **символом единства и стабильности государства**, я неотступно и четко следую Конституции как никогда ранее (23.02.2021, речь по случаю 40-летия со дня попытки государственного переворота).*

Важнейшим механизмом самоподачи в выступлениях главы Королевского дома является демонстрация его постоянной ответственности за соблюдение социальной справедливости и прямого участия в судьбе граждан страны при помощи выражений со значением пространственной близости (*a vuestro lado*), постоянства (*apoyo permanente*), морального состояния (*no estarán solos*):

*[...] **estaré siempre a vuestro lado** como el primer servidor de los españoles.*

[...] *я буду всегда рядом с вами в качестве вашего верного слуги* (24.12.2014, рождественское послание);

[...] *les digo que no están solos, ni lo estarán ...* [...] *я говорю, что они не одиноки и не останутся одни ...* (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

[...] *quiero transmitir el apoyo permanente de la Corona ...*

[...] *я хочу выразить вам неизменную поддержку Королевского дома ...* (06.01.2020, речь по случаю празднования Военной Пасхи);

[...] *yo estaré con todos y para todos ...*

[...] *я буду рядом со всеми и для всех ...* (24.12.2020, рождественское послание).

В рамках **стратегии самопрезентации** обращает на себя внимание еще один прием, явно присутствующий в институциональном дискурсе Филиппа VI и представляющий его особенность. Речь идет об активной *презентации будущего наследника* испанской Короны в лице инфанты Леонор, принимающей с 2019 г. участие в государственных мероприятиях⁴⁰. В своих выступлениях Филипп VI подчеркивает роль преемственности ценностных ориентиров в воспитании старшей дочери, при этом форма публичного отеческого наставления представляет собой новый ресурс, удачно используемый испанской монархом для создания благоприятного имиджа и закрепления в массовом сознании испанского социума и международной аудитории не только идеи естественной преемственности власти, но и будущей высоконравственной и справедливой верховной магистратуры⁴¹. Подобная апелляция к будущему и продвижение идеи воспитания достойного наследника⁴² является важным тактическим ходом Королевского дома, позволяющим формировать идеологию испанского

---

⁴⁰ Впервые инфанта Леонор (Leonor de Todos los Santos de Borbón Ortiz) выступила на церемонии награждения премией Принцессы Астурии в октябре 2019 г.

⁴¹ Леонор с самого раннего возраста готовят к восшествию на престол, уделяют особое внимание ее образованию, прививают любовь к искусству, иностранным языкам и социальным наукам для того, чтобы она смогла стать достойным преемником Филиппа VI [Zarzalejos 2021].

⁴² «El único carisma emocional del que disponen la Familia Real y la Corona española es el que transmite, con progresivo impacto social, la heredera y princesa de Asturias, Leonor de Borbón y Ortiz» [Zarzalejos 2021: 255].

общества в рамках лояльного отношения к институту монархии, а также подчеркивать ее роль в обеспечении социальной стабильности и дальнейшего строительства правового государства:

*Hace 38 años... yo estaba en el mismo lugar en el que ahora estás tú. Por eso, sé muy bien lo que sientes en este momento... La obligación de servir a España y a los españoles **debe ser el mayor orgullo y el máximo honor que puedas alcanzar.***

*38 лет назад... я был на том же месте, где сейчас находишься ты. Поэтому я прекрасно знаю, что ты сейчас чувствуешь... Обязанность служить Испании и испанцам **должна быть для тебя наивысшей гордостью и честью**... (18.10.2019, речь на церемонии вручения премии Принцессы Астурии).*

Таким образом, **стратегия самопрезентации** является важнейшим инструментом выстраивания образа современного испанского монарха в сложившемся социально-политическом контексте в связи со снижением доверия к институту монархии со стороны граждан⁴³, от экономической и моральной поддержки которых зависит дальнейшая судьба Королевского дома.

3.2. Стратегии удержания власти

Важное место в речевой деятельности государственных лидеров (а следовательно, в процессе удержания власти) занимает воздействие на общественное сознание, осуществляемое через подачу фактов и их интерпретацию, при котором намного более значимой становится не содержательно-фактуальная информация, а содержательно-концептуальная, раскрывающая отношение оратора к явлениям, фактам, событиям социальной, экономической и политической жизни страны. В этой связи в публичных речах испанского монарха закономерно представлены такие ставшие конвенциональным ресурсом для различных

---

⁴³ В октябре 2020 г. 41% респондентов выступили за провозглашение республики, в то время как 35% поддерживают монархический режим правления. URL: <https://www.publico.es/politica/encuesta-monarquia-40-9-encuestados-apoyaria-republica-referendum-frente-34-9-votaria-monarquia.html> (дата обращения: 16.07.2022).

типов политического дискурса **стратегии удержания власти**, как **информационно-интерпретационная** и **стратегия формирования эмоционального настроения**.

Информационно-интерпретационная стратегия реализуется посредством *тактик признания существования проблемы, акцентирования положительной информации, разъяснения, комментирования*⁴⁴ и *указания на путь решения проблемы* [Паршина 2005: 118]. С их помощью испанский монарх акцентирует внимание аудитории на главных событиях и трактует факты и явления в нужном для него ключе.

Тактика признания существования проблемы представляет собой важную составляющую имиджа любого государственного и политического лидера. В публичных выступлениях Филиппа VI данный прием реализуется при помощи констатирующих утверждений о существовании социально-экономических проблем путем употребления существительных (*desafíos, problemas, dificultades, pérdidas, incertidumbre, inquietud, preocupación, temor* и пр.) и оценочных прилагательных, закрепляющих стандарт ее восприятия у адресанта (*grave, serio, difícil, complejo, radical, inaceptable, inadmisible*):

Los índices de desempleo son todavía inaceptables... Показатели безработицы по-прежнему являются неприемлемыми... (24.12.2014, рождественское послание);

[...] hay que reconocer que no todo han sido aciertos; que persisten situaciones difíciles y complejas que hay que corregir... [...] нужно признать, что были совершены ошибки; продолжают существовать сложные ситуации, которые необходимо исправлять... (24.12.2016, рождественское послание);

Estamos viviendo momentos muy graves para nuestra vida democrática.

Мы переживаем очень серьезные моменты для нашей демократии (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

Estamos haciendo frente a una crisis nueva y distinta, sin precedentes, muy seria y grave, que pone en riesgo nuestra salud en cada rincón de España.

---

⁴⁴ В настоящей диссертации не различаются *тактики разъяснения* и *комментирования* в связи отсутствием четких границ между ними.

Мы столкнулись с новым, иным по своему характеру, небывалым ранее и очень серьезным кризисом, который подвергает опасности наше здоровье во всех уголках Испании (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).

Перечисление существующих проблем с помощью рассматриваемой тактики подчеркивает осведомленность монарха в социально-экономических и политических вопросах и его готовность вести прямой и откровенный диалог с аудиторией:

*Retos como los **desequilibrios territoriales** que implican la simultánea **aglomeración humana** en muchas urbes junto a la severa **despoblación** de amplias áreas rurales en todo nuestro país, y que afectan al conjunto de España.*

*Такие вызовы, как **территориальные диспропорции**, которые подразумевают **высокую концентрацию населения** во многих городах и вместе с тем низкую плотность во многих регионах сельской местности по всей нашей стране и которые негативно влияют на всю Испанию (03.07.2019, речь по случаю празднования 40-летия со дня проведения первых демократических муниципальных выборов);*

*El otro gran problema y reto es **la crisis económica** y evitar, sobre todo, que derive en una crisis social.*

*Другая серьезная проблема – это **экономический кризис**, который не должен перерасти в социальный кризис (24.12.2020, рождественское послание);*

*Cada hora que pasa se cuenta en número de contagios y también en víctimas, en **enormes pérdidas humanas y económicas**.*

*Ежечасно ведется учет заражений и жертв, **огромных человеческих и экономических потерь** (26.05.2021, речь на встрече с Испанским фондом инновационных технологий);*

*[...] ha aumentado el número de personas **en situación de vulnerabilidad**, y hoy en día existe **preocupación** en muchos hogares por **la subida de los precios, el coste de la energía o por las dificultades para encontrar un empleo estable...***

*[...] число людей, находящихся в **уязвимом положении**, увеличилось, и сегодня многие домохозяйства обеспокоены **ростом цен, стоимостью энергии или трудностями с поиском стабильной работы...** (24.12.2021, рождественское послание).*

В выступлениях внешней адресации Филипп VI ограничивается лишь констатацией глобальных проблем, затрагивающих все человечество

(социальное неравенство, ухудшение экологической обстановки, гендерное насилие, терроризм, мировой экономический кризис, пандемия коронавируса и пр.):

Debemos combatir la desigualdad... También es fundamental... la lucha contra los efectos del cambio climático. Мы должны бороться с неравенством...

Мы должны бороться с неравенством. Также важна... борьба с последствиями климатических изменений (20.09.2016, речь на 71-й Генеральной Ассамблее ООН);

Atravesamos por un período histórico convulso e incierto, y la complejidad de las dificultades a menudo pone a prueba nuestras instituciones. Algunos efectos de la globalización producen desconfianza, inseguridad o retraimiento, mientras que incluso la convivencia se ha roto en muchas zonas del planeta por las guerras y por un terrorismo bárbaro y cruel.

Мы переживаем конвульсивный и неопределенный исторический период, а сложность проблем часто испытывает на прочность наши институты. Некоторые последствия глобализации вызывают недоверие, неуверенность и отчужденность; в то же самое время мирное сосуществование во многих частях нашей планеты было нарушено в результате войн и варварского и жестокого терроризма (27.04.2017, речь перед Парламентской Ассамблеей Совета Европы);

A causa de la pandemia, la Humanidad está viviendo una crisis global inédita que pone a prueba a nuestros países y al sistema de Naciones Unidas...

В результате пандемии человечество переживает беспрецедентный по своему масштабу глобальный кризис, который проверяет на прочность наши страны и систему ООН... (21.09.2020, речь по случаю празднования 75-й годовщины ООН);

En mi mensaje del año pasado mencionaba los retos más importantes que debíamos afrontar: la lucha contra el cambio climático, contra la desigualdad y la pobreza.

В своем выступлении в прошлом году я упоминал наиболее важные проблемы, которые нам следует решить: борьба с климатическими изменениями, неравенством и бедностью (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).

Тактика акцентирования положительной информации выражается эксплицитно и активно используется государственными лидерами с целью демонстрации достигнутых в различных сферах успехов. В речах перед национальной аудиторией данная тактика представляет собой важнейший

ресурс, призванный последовательно создавать образ сильной и развитой в экономическом и социальном плане страны (*una España moderna, de profundas convicciones democráticas, diversa, abierta al mundo, solidaria, potente, con empuje, una nación respetada y apreciada en el mundo*), реализуемый с помощью относительных прилагательных и существительных с положительной коннотацией (*nuevo, avanzado, puntero, moderno, potente, apreciado, valorado, democrático, competitivo; progreso, avances, logros, motor*):

Creo, sin embargo, que es muy importante subrayar que la crisis de gobernabilidad se ha resuelto...

Считаю, однако, важным подчеркнуть, что мы преодолели правительственный кризис... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);

[...] hemos conseguido hacer realidad un país nuevo y moderno, un país entre los más avanzados del mundo...

[...] мы смогли построить новую и современную страну, одну из самых передовых стран в мире... (24.12.2017, рождественское послание);

[...] creo necesario subrayar, también, el enorme nivel de progreso en todos los órdenes que España ha alcanzado en estos 40 años de democracia...

[...] я считаю необходимым также подчеркнуть значительный уровень прогресса во всех сферах, которого Испания достигла за последние 40 лет демократии... (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции);

Vivimos en un estado social y democrático de Derecho que asegura nuestra convivencia en libertad y que ha convertido a España en un país moderno, con prestaciones sociales y servicios públicos esenciales como en educación y en sanidad; que está equipado con una gran red de infraestructuras de comunicaciones y transportes de vanguardia, y garantiza como pocos la seguridad de los ciudadanos.

Мы живем в социальном, демократическом и правовом государстве, которое обеспечивает наше свободное сосуществование и которое превратило Испанию в современную страну, имеющую развитую систему социального обеспечения и государственных услуг, например, в сфере образования и здравоохранения, разветвленную сеть передовых телекоммуникаций и транспорта, а также, наряду

с немногими государствами, обеспечивающую безопасность своим гражданам (24.12.2019, рождественское послание).

Тактика комментирования (разъяснения) является важным компонентом **информационно-интерпретационной стратегии** и предполагает размышления по поводу релевантной с точки зрения оратора, преследующего определенные коммуникативные цели. При этом говорящий должен учитывать наличие/отсутствие фоновых знаний у адресата и приводить собственные рассуждения по поводу обозначаемой им проблемы желательно с примерами и пояснениями. Рассматриваемая тактика предполагает использование выражений со значением времени (*nuevo, moderno, a corto/largo plazo*), параметра (*grande, amplio*), соответствия (*adecuado, conveniente*), упорядоченности (*ordenado*), стабильности состояния (*estable, sostenible*), значимости (*de primer orden, de gran importancia*), положительной или отрицательной оценки (*irresponsable, inaceptable, útil, beneficioso, fructífero, magnífico, destacable*). На протяжении своего правления Филипп VI прибегает к ней в выступлениях по наиболее резонансным и глобальным проблемам общества как в положительном, так и негативном контекстах (национальная идентичность, сплоченность нации, терроризм, каталонский кризис, иммиграция, пандемия коронавируса), используя ее для усиления аргументации.

В коронационной речи комментируется необходимость сохранения языкового разнообразия, являющегося одной из базовых составляющих культурного этоса нации и символом национальной идентичности испанцев:

En España han convivido históricamente tradiciones y culturas diversas... Y esa suma, esa interrelación de culturas y tradiciones tiene su mejor expresión en el concierto de las lenguas. Junto al castellano, lengua oficial del Estado, las otras lenguas de España forman un patrimonio común que, tal y como establece la Constitución, debe ser objeto de especial respeto y protección; pues las lenguas constituyen las vías naturales de acceso al conocimiento de los pueblos y son a la vez los puentes para el diálogo de todos los españoles.

*В Испании на протяжении многих лет сосуществовали различные традиции и культуры... это разнообразие культур и традиций наилучшим образом отражается в совокупности языков. Наряду с испанским, официальным языком государства, другие языки Испании образуют общее наследие, которое, как гласит Конституция, должно быть объектом особого уважения и защиты. **Языки представляют собой естественные пути доступа к знанию народов и одновременно являются мостами для диалога всех испанцев** (19.06.2014, коронационная речь).*

В речи на торжественном открытии XII сессии Парламента Филипп VI комментирует достижения страны, свидетельствующие о признаках восстановления экономики после кризиса:

*[...] el ritmo constante de recuperación de nuestra economía, su crecimiento y la generación de puestos de trabajo constituyen una realidad cierta y positiva que **nos permite albergar fundados motivos en la superación de los desequilibrios generados por la crisis.***

*[...] устойчивый ритм восстановления нашей экономики, ее рост и создание рабочих мест являются определенной и позитивной реальностью, которая **позволяет нам судить о преодолении диспропорций, вызванных кризисом** (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента).*

Кроме того, *тактика комментирования* в речах монарха перед национальной аудиторией используется с целью пояснения происходящих событий. Например, в период каталонского кризиса, поставившего под угрозу территориальную целостность государства, от главы государства требовалась жесткая и аргументированная позиция по данному вопросу:

*[...] con su conducta **irresponsable** incluso pueden **poner en riesgo la estabilidad económica y social de Cataluña y de toda España.***

*[...] своим **безответственным** поведением они могут **поставить под угрозу экономическую и социальную стабильность** Каталонии и всей Испании (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса).*

В реализации *тактики комментирования* важную роль играют передающие отношение адресанта к сказанному предикаты «пропозиционального отношения» (в терминологии Н.Д. Арутюновой), выполняющие рефлексивную (*es muy importante subrayar, no hay duda de que, no cabe duda de que, es evidente que, es claro que, es cierto que, hay que*

subrayar que) и композиционно-строевую функции (*sin embargo, sobre todo, en primer lugar, en segundo lugar, finalmente, asimismo, en fin, por tanto, por otra parte, en suma, para terminar*) [Паршина 2005: 126]. При этом в силу своего статуса, определенного Конституцией 1978 г., монарх ограничен в возможности свободного комментирования фактов и событий (может лишь подчеркивать их приемлемость/неприемлемость, важность или очевидность):

Es evidente que todos nos necesitamos.

Очевидно, что мы нуждаемся друг в друге (24.12.2014, рождественское послание);

No hay duda de que los intereses generales han estado muy presentes...

Без сомнения, учитывались всеобщие интересы... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);

Quisiera subrayar especialmente los esfuerzos que España viene desplegando en el marco del G20, con un destacado protagonismo en líneas de trabajo de gran relevancia estratégica, como las migraciones o la brecha digital.

Я бы хотел особо подчеркнуть усилия, предпринимаемые Испанией, которая сотрудничает со странами Большой двадцатки и занимает лидирующие позиции в решении таких вопросов чрезвычайной важности, как миграция и цифровое отставание (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом).

Информационно-интерпретационная стратегия реализуется также при помощи тактики указания на путь решения проблемы, маркерами которой выступают (а) глаголы в повелительном наклонении; (б) конструкции долженствования (*debemos + инфинитив, hay que + инфинитив, tenemos que + инфинитив, hemos de + инфинитив*); (в) придаточные подлежащие предложения (*oraciones subordinadas de sujeto*), передающие семантику бенефактивной оценки.

Тактика указания на путь решения проблемы соответствует непосредственным полномочиям верховного правителя и характерна для всех выступлений перед национальной аудиторией, когда монарх не только поддерживает пафос коллективного единства и созидания, но и ориентирует

поведение социума в нужном направлении. При указании на возможность решения проблем на языковом уровне преобладают выражения долженствования (с глаголами *deber* или *necesitar*, конструкцией *tener que + infinitivo*), безличные конструкции с инфинитивом (*expresiones impersonales*) или придаточные подлежащные предложения (*oraciones subordinadas de sujeto*):

Sin duda queda mucho por hacer, por mejorar y renovar. Para ello es preciso tener una conciencia clara y objetiva de nuestras fortalezas y de nuestras debilidades; y además, tener una visión lo más realista y completa de cómo y hacia dónde va el mundo.

Несомненно, еще многое предстоит сделать, улучшить и обновить. Для этого необходимо четко и объективно осознавать свои сильные и слабые стороны, а также иметь наиболее реалистичное и полное представление о том, как и куда движется мир (24.12.2019, рождественское послание);

Ahora debemos dejar de lado nuestras diferencias. Debemos unirnos en torno a un mismo objetivo: superar esta grave situación.

Сейчас мы должны оставить в стороне наши различия. Мы должны объединиться вокруг единой цели: преодолеть эту тяжелую ситуацию (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса);

Y junto a nuestros principios democráticos y el cumplimiento de las leyes necesitamos también preservar los valores éticos que están en las raíces de nuestra sociedad.

Наряду с нашими демократическими принципами и исполнением законов нам также необходимо сохранять этические ценности, лежащие в основе нашего общества (24.12.2020, рождественское послание).

Указанная тактика используется также в речах перед мировой аудиторией в проекции на международное сотрудничество в решении глобальных проблем и вызовов современности (борьба с безработицей, неравенством, регулирование миграционных потоков):

Y para garantizar la sostenibilidad económica del proyecto comunitario, parece claro que debemos ahondar en el refuerzo de la Unión Económica y Monetaria.

И чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие европейского проекта, становится очевидным, что нам необходимо укреплять Экономический и валютный союз (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

En ese marco, también es esencial la profundización de las relaciones bilaterales con nuestros socios de la UE.

В этом ключе также необходимо углублять двустороннее сотрудничество с нашими партнерами из ЕС (22.01.2019, речь перед дипломатическим корпусом);

La migración es hoy un fenómeno global y estructural, que ha de ser considerado y gestionado como una oportunidad para todos los implicados y no como una amenaza. Ello requiere una adecuada y ordenada regulación de los flujos migratorios que combine medidas a corto plazo y una estrategia a largo plazo.

Миграция сегодня – это глобальный и структурный феномен, который должен рассматриваться для всех участников как возможность развития, а не как угроза. Это требует адекватного и упорядоченного регулирования миграционных потоков, сочетающего краткосрочные меры и долгосрочную стратегию (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом).

Es indispensable combinar diálogo y colaboración sincera con los países de origen, tránsito y retorno de los emigrantes...

Крайне важно совмещать диалог и открытое сотрудничество со странами, из которых приезжают эмигранты... (05.02.2020, там же).

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата является важнейшим инструментом удержания власти, поскольку воздействует на аффективно-волевую сферу адресата за счет активизации переживаний и индуцирует определенное эмоциональное состояние по отношению к какому-либо явлению или событию. Данная стратегия направлена на создание благоприятной атмосферы общения и ситуации доверия коммуникантов друг другу и реализуется в основном в выступлениях руководителей государства, принадлежащих прежде всего к ритуальным жанрам (приветственное слово, поздравление с праздником, инаугурационная речь), и в обращениях к населению по поводу чрезвычайных ситуаций. В рамках рассматриваемой стратегии применяются тактики единения, обращения к эмоциям адресата (апелляция к чувствам национальной гордости, озабоченности, выражение

похвалы и пр.), *учета ценностных ориентиров адресата* (отсылка к общим ценностям) [Паршина 2005: 136].

Стратегия формирования эмоционального настроения активно используется в публичных выступлениях Филиппа VI перед национальной аудиторией в целях создания соответствующего конкретной ситуации настроения и завоевания симпатии сограждан. Эмоциональный настрой выступает одним из основных ресурсов поддержки идеологических установок и продвижения необходимых оратору идей не только за счет апелляции к чувствам адресата, но и за счет трансляции оратором своих собственных эмоций.

Тактика единения ярко представлена в речах внутренней адресации и отражает функции монарха как гаранта поступательного развития и медиатора между противоборствующими политическими силами:

*Esas autoridades han menospreciado los afectos y los sentimientos de **solidaridad que han unido y unirán al conjunto de los españoles...***

*Местные власти недооценили **привязанность и чувство солидарности, которые объединяли и будут объединять всех испанцев** (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*España **no puede ser de unos contra otros. España debe ser de todos y para todos.***

*В Испании **не должно быть противостояния. Испания должна принадлежать всем и каждому** (04.02.2020, речь на торжественном открытии XIV сессии Парламента);*

*No tengo duda de que, con vuestra contribución entusiasta y el esfuerzo de tantos profesionales, **del conjunto de la sociedad española y de la Unión Europea, podremos conseguirlo.***

*Я не сомневаюсь в том, что благодаря вашему энтузиазму и усилиям многих профессионалов, **всего испанского общества и Европейского Союза** мы сможем достичь этого (06.01.2021, речь по случаю празднования Военной Пасхи).*

*Тактика обращения к эмоциям адресата, используемая в выступлениях Филиппа VI, в первую очередь связана с апелляцией к чувству **национальной гордости**, которая реализуется с помощью*

собственно оценочных прилагательных (*grande, único, excepcional, extraordinario*) и прилагательных эмоционального состояния (*orgulloso, preocupado*). Идея великой Испании, достижениями которой следует гордиться, является лейтмотивом всех публичных выступлений, ориентированных на национальную аудиторию, и эксплицируется посредством использования таких словосочетаний, как *triunfo de todos los españoles* («триумф всех испанцев»), *gran Nación, gran país* («великая страна»), *gran pueblo* («великий народ»), *gran historia* («великая история»), *nuestras fortalezas* («наши сильные стороны»):

Porque la historia de la España... es la historia de un gran triunfo de todos los españoles.

Потому что история Испании – это история великого триумфа всех испанцев (24.12.2017, рождественское послание);

[...] tenemos muchas razones para estar orgullosos.

[...] у нас есть много причин для гордости (19.03.2019, речь на вручении национальной премии в области культуры);

Siempre he pensado que España es un país extraordinario, de una enorme riqueza y diversidad cultural, construido a lo largo de los siglos gracias al esfuerzo en muchas generaciones de españoles, y con una gran historia que ha sido, durante una época, la historia misma de nuestro mundo.

Я всегда думал, что Испания – это удивительная страна, которая отличается огромным культурным разнообразием, которая строилась на протяжении веков благодаря усилиям многих поколений испанцев; это страна с великой историей, которая в течение определенного периода была частью мировой истории (24.12.2020, рождественское послание);

Las circunstancias, muchas de ellas nada fáciles, que nos ha tocado vivir, sobre todo a lo largo de estos últimos 40 años, nos han forjado como una sociedad fuerte y responsable; y enormemente solidaria, como hemos comprobado desde el comienzo de esta pandemia.

Пережитые нами в течение последних 40 лет обстоятельства, многие из которых были совсем непростыми, способствовали формированию сильного, ответственного и чрезвычайно солидарного общества, в чем мы смогли убедиться с начала этой пандемии (24.12.2021, рождественское послание).

Один из частотных приемов в речах внутренней адресации заключается в выражении благодарности и похвалы согражданам за их усилия в процессе достижения общих целей (особенно ярко это проявилось в период пандемии коронавируса):

*Os quiero expresar **mi admiración** y **mi agradecimiento por vuestra tarea** que contribuye eficazmente a transmitir una de las mejores cualidades de la sociedad española: la solidaridad con los más vulnerables y con quienes se encuentran en circunstancias difíciles.*

*Я хочу выразить вам свое **восхищение** и **благодарность** за то, что вы на деле проявляете одно из лучших качеств испанского общества – **солидарность** по отношению к тем, кто наиболее уязвим и испытывает трудности (07.04.2015, речь перед соотечественниками в Посольстве Ливана);*

*A los sanitarios les **damos una vez más las gracias por su enorme esfuerzo, su extraordinaria profesionalidad** y **su gran humanidad** con los enfermos.*

*Мы еще раз **выражаем благодарность** врачам за их **огромные усилия, их необычайный профессионализм** и **исключительную гуманность** по отношению к больным (24.12.2020, рождественское послание);*

*“Aragón en Marcha” lo forman empresas de diferentes sectores, pero a las que une un único y común objetivo: ayudar a mitigar los efectos de esta crisis... Realmente sois un **gran ejemplo a seguir**.*

*«Арагон в действии» – проект, участниками которого являются компании из различных секторов, объединенных общей целью – помочь смягчить последствия этого кризиса.... Вы поистине являетесь **отличным примером для подражания** (19.02.2021, речь на V саммите предпринимателей в Арагоне);*

*Y creo importante reconocer y resaltar que la **voluntad, determinación** y **solidaridad** de nuestros militares son, en definitiva, **fiel reflejo de nuestra sociedad**...*

*И я думаю, что важно признать и подчеркнуть, что **решимость, отвага** и **солидарность** наших военных, в конечном счете, являются **истинным отражением нашего общества**... (06.01.2022, речь по случаю Военной Пасхи).*

Таким образом, похвала служит вербальным средством открытого выражения одобрения или восхищения действиями адресата. С ее помощью адресант способствует гармонизации отношений, мотивирует реципиента следовать избранной модели поведения и сокращает дистанцию. При этом

в институциональном дискурсе похвала и одобрение, выражаемые посредством эмотивно-оценочных регулятивов и акцентирующие внимание на заслугах и достижениях адресата, эксплицируют превосходство над ним адресанта. Их прагматический потенциал заключается в том, что они являются обязывающими, поскольку требуют от аудитории определенного действия, имплицитно побуждают реципиента сообщения «к дальнейшему соблюдению такой же схемы действия» [Гладко 2016: 43].

Однако в национальной эмоциональной палитре есть место и другим чувствам – волнению, беспокойству, озабоченности, усталости, унынию, неуверенности, грусти, боязни, страху, страданию, боли, недоверию (*preocupación, inquietud, desasosiego, cansancio, abatimiento, inseguridad, sufrimiento, tristeza, temor, miedo, duelo, dolor, desánimo, angustia, desconfianza*):

*La dureza y duración de la crisis económica produce en muchas familias **incertidumbre** por su futuro...*

*Серьезный и длительный экономический кризис стал причиной **неуверенности** в будущем для многих семей... (24.12.2014, рождественское послание);*

*[...] generaron ciertamente **inquietud y malestar** en nuestra sociedad, **desencanto** y... **distanciamiento** de nuestra vida política en muchos ciudadanos...*

*[...] вызвали определенную **тревогу и беспокойство** в нашем обществе, **недовольство** и... **отчуждение** от политической жизни страны многих граждан... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);*

*Sé muy bien que en Cataluña también hay **mucha preocupación y gran inquietud** con la conducta de las autoridades autonómicas... Y al conjunto de los españoles, que viven con **desasosiego y tristeza** estos acontecimientos, les transmito un mensaje de tranquilidad...*

*Я прекрасно знаю, что в Каталонии также вызывает **серьезное беспокойство** и **озабоченность** поведение местных властей... Я хочу успокоить всех испанцев, которые с **тревогой и грустью** переживают происходящие события... (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*Porque a esa situación se han sumado sentimientos lógicos de **temor**, de **miedo** por la salud de familiares y amigos, de **preocupación** por el empleo; de **cansancio**, de **abatimiento**... de **incertidumbre**.*

*Потому что в этой ситуации появились **боязнь**, **чувство страха** за близких и друзей, **волнение** по поводу работы, **усталость**, **уныние**... и **неизвестность** (16.07.2020, речь по случаю поминовения жертв пандемии коронавируса);*

*2020 ha sido un año muy duro y difícil. El virus ha irrumpido en nuestras vidas trayendo **sufrimiento**, **tristeza** o **temor**... [...] Muchos ciudadanos y familias vivís la **angustia** del desempleo o la precariedad; la **angustia** de apenas llegar a cubrir las necesidades básicas; o sentís la **tristeza** de tener que abandonar un negocio al que habéis dedicado vuestra vida. Por todo ello es lógico y comprensible que el **desánimo** o la **desconfianza** estén muy presentes en tantos hogares.*

*2020 год был очень тяжелым и трудным. Вирус ворвался в нашу жизнь, принеся **страдания**, **печаль** или **страх**... [...] Многие граждане и семьи переживают **тревогу** по поводу безработицы или нестабильности своего положения; **тревогу** по поводу того, что они едва могут удовлетворить свои элементарные потребности; или вы испытываете **горечь**, если вы вынуждены оставить дело, которому посвятили свою жизнь. Поэтому логично и понятно, что **уныние** или **недоверие** присутствуют во многих семьях (24.12.2020, рождественское послание).*

В целях эффективной коммуникации и создания психологического комфорта у адресата Филипп VI постоянно подчеркивает свою эмпатию и стремление к участию в судьбе сограждан. Данный прием обладает мощным эмоционально-настраивающим эффектом и предполагает обращение оратора к эмоционально-чувственной сфере адресата через сообщение о своих чувствах с целью вызвать эмоциональный отклик и создать благоприятный фон для моделирования общественного сознания. Интимизация снижает официальность общения, делает его более непринужденным и понятным аудитории, а оратор в таком случае становится в глазах аудитории «не безликим источником объективной информации», а личностью, обладающей своим мнением и эмоциями. В связи с этим данный прием является отличной «предпосылкой для

реализации замысла адресанта» (в частности, удержания власти) [Гладко 2016: 44]:

*[...] **me duele y me preocupa** que se puedan producir fracturas emocionales, desafectos o rechazos entre familias, amigos o ciudadanos.*

*[...] **мне больно, и меня беспокоит** то, что могут возникнуть вражда, отторжение и неприязнь в семьях, среди друзей и сограждан (24.12.2014, рождественское послание);*

*Hooy no quiero dejar de recordar a quienes vivís una situación difícil por razones personales, económicas o sociales; o estáis lejos de vuestro hogar y seres queridos. En estas horas, que han de ser para la alegría y de celebración, **nuestro corazón y nuestro pensamiento están a vuestro lado**; y nuestro mayor deseo es que todas esas circunstancias queden pronto atrás.*

*Сегодня я хочу вспомнить тех, кто находится в сложной ситуации по личным, экономическим или социальным причинам; тех, кто находится вдали от дома и близких. В эти моменты радости и торжества **наше сердце и мысли находятся с вами**; мы желаем, чтобы эти обстоятельства как можно быстрее остались позади (24.12.2018, рождественское послание);*

*Y en estas horas queremos tener un **recuerdo muy especial con todo nuestro cariño** para las familias y personas más afectadas y que más han sufrido –incluso trágicamente– las consecuencias de las inundaciones y las riadas que se han producido en España durante los últimos días...*

*В эти моменты мы хотим выразить **особую поддержку и сочувствие** семьям и людям, наиболее пострадавшим – в том числе подвергшиеся трагическим испытаниям – от последствий наводнений, случившихся в Испании на днях... (24.12.2019, рождественское послание);*

*Ante esta situación, lo primero que quiero hacer es enviar **todo mi cariño y afecto**, junto a la Reina y nuestras hijas, a tantas familias en toda España que desgraciadamente han sufrido la pérdida de alguno de sus seres queridos.*

*В этой ситуации прежде всего я вместе с Королевой и нашими дочерьми хотим выразить **поддержку и сочувствие** многочисленным семьям по всей Испании, которые, к сожалению, пережили утрату близких людей (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса);*

*Al llegar al final de este acto quiero volver a expresar **de corazón nuestra gratitud y nuestra más profunda solidaridad** –que conocéis bien– con todas las víctimas, con todos los heridos y amenazados y todas sus familias.*

*В завершении этого мероприятия я хочу еще раз **от всего сердца** выразить **нашу признательность и нашу глубочайшую солидарность**, с которой вы хорошо знакомы, всем жертвам, всем раненым и тем, чья жизнь находилась под угрозой, а также всем их семьям (01.06.2021, речь на церемонии открытия Мемориального центра жертв терроризма).*

*Тактика обращения к эмоциям адресата в речах внешней адресации выражается с помощью апелляции преимущественно к чувству гордости в связи с успешными проектами ЕС и реализуется с помощью существительных, прилагательных и глаголов соответствующей семантики (*sentirse orgulloso, éxito, impacto positivo, reconocer, valorar, admirar*):*

*El proyecto europeo, que comenzó hace ya casi 60 años, crea efectivamente un espacio de paz, prosperidad, libertad, justicia y solidaridad, del que debemos **sentirnos legítimamente orgullosos**.*

*Европейский проект, начатый уже почти 60 лет назад, эффективно создает пространство мира, процветания, свободы, справедливости и солидарности, которым мы **должны по праву гордиться** (07.10.2015, речь перед Европарламентом);*

*La Unión Europea es una **historia de éxito** que debemos **reconocer, valorar y admirar** mucho más.*

*Европейский Союз – это **история успеха**, которую мы должны **признавать, ценить** и которой мы должны еще больше **восхищаться** (07.10.2015, там же);*

*También en el ámbito de nuestras relaciones transatlánticas, quiero congratularme, poco antes de que se cumplan dos años de la entrada en vigor del acuerdo firmado entre la Unión Europea y Canadá, del **positivo impacto** que ha tenido en nuestros intercambios bilaterales.*

*Также в области наших трансатлантических отношений по прошествии почти двух лет после вступления в силу соглашения, подписанного между Европейским союзом и Канадой, я хочу выразить свое удовлетворение тем **позитивным влиянием**, которое оно оказало на наши двусторонние обмены (22.01.2019, речь перед дипломатическим корпусом).*

В связи с текущим контекстом (пандемия коронавируса) в зарубежных поездках испанский монарх апеллирует к эмоциям адресата, прямо выражая свою позицию и сочувствие пострадавшим:

*Nuestros países y sociedades están viviendo actualmente momentos muy duros y difíciles. La pandemia del Covid-19 no distingue entre lugares ni por la dimensión de las poblaciones. Nos está afectando a todos. De este modo, la Reina y yo queremos transmitir nuestros sentimientos de **solidaridad** y de **afecto** a todas las familias andorranas que han perdido seres queridos y a todas las personas afectadas por la pandemia en este **querido país**.*

*Наши страны и общества в настоящее время переживают очень тяжелые и трудные времена. Перед пандемией Covid-19 все страны и народы равны. Она затрагивает всех нас. Поэтому королева и я хотим выразить наши чувства **солидарности** и **сочувствие** всем семьям в Андорре, потерявшим близких, и всем людям, пострадавшим от пандемии в этой **дорогой нашему сердцу стране** (25.03.2021, речь во время официального визита в Андорру).*

Тактика учета ценностных ориентиров адресата выражается с помощью отсылки к ценностной системе аудитории и представляет для главы государства важный инструмент удержания власти. Апеллируя к традиционным ценностям, оратор оказывает психологическое воздействие на адресата за счет снятия барьеров, которое заключается в «постепенном вхождении адресанта в профессиональную и личную сферу получателя сообщения» (то есть адресант считает адресата «своим», включает его в сферу своего влияния) [Гладко 2016: 45]. Государственные, гражданские, политические, социальные и общечеловеческие ценности транслируются в выступлениях Филиппа VI через такие номинации, как «национальная гордость» (*orgullo*), «независимость» (*libertad*), «единство» (*unidad*), «стабильность» (*estabilidad*), «развитие» (*desarrollo*), «модернизация» (*modernización*), «прогресс» (*progreso*) (государственные ценности); «демократия» (*democracia*), «правосудие» (*justicia*), «ответственность» (*responsabilidad*), «верховенство закона» (*imperio de la ley*), «Конституция» (*Constitución*), «единство нации» (*unión de la nación*) (гражданские

ценности); «мир» (*paz*), «свобода» (*libertad*), «равенство» (*igualdad*), «справедливость» (*justicia*) (политические ценности); «семья» (*familia*), «самоотверженность» (*esfuerzos, sacrificios*), «солидарность» (*solidaridad*), «милосердие» (*misericordia*) (социальные ценности); «счастье» (*felicidad*), «любовь» (*amor*), «дружба» (*amistad*) (общечеловеческие ценности).

В речах перед национальной аудиторией в первую очередь обозначаются такие присущие демократическому обществу ценности, как верховенство закона и развитие государственности в рамках действующей Конституции:

Nuestros principios democráticos son fuertes, son sólidos. Y lo son porque están basados en el deseo de millones y millones de españoles de convivir en paz y libertad.

Наши демократические принципы сильны и прочны. И они таковы, потому что основаны на волеизъявлении миллионов и миллионов испанцев жить в свободе и мире (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

Pactar y controlar, acordar en unos asuntos y disentir en otros, son consustanciales a nuestro régimen parlamentario en el que la diversidad de ideas y opiniones va unida al común respeto a nuestros valores constitucionales.

Возможность договариваться и контролировать, соглашаться в одних вопросах и расходиться во мнениях в других является неотъемлемой частью нашего парламентского режима, в котором разнообразие идей и мнений непосредственно связано с соблюдением конституционных ценностей (03.02.2020, речь на открытии XIV сессии Парламента);

La Constitución reconoce las libertades y los derechos y consagra los valores y el orden democráticos, también los deberes a los que todos estamos sujetos.

Конституция признает права и свободы и закрепляет демократические ценности и порядок, а также обязанности, которые мы все должны выполнять (06.01.2021, речь по случаю Военной Пасхи);

La Constitución de 1978 significa, en nuestra larga historia, el reencuentro y el entendimiento entre los españoles, su unidad en los valores democráticos y en nuestros derechos y libertades, y su confianza en una España en la que caben y se reconocen todos los ciudadanos.

Конституция 1978 года означает для нашей длинной истории примирение и взаимопонимание испанцев, единство в отношении демократических ценностей и наших прав и свобод, а также уверенность в Испании, в которой есть место для всех и признаются все граждане (23.02.2021, речь по случаю 40-летия со дня попытки государственного переворота).

В выступлениях перед национальной аудиторией тактика учета ценностных ориентиров также связана с определением миссии и стоящих перед обществом целей, выступающих квинтэссенцией смысла существования страны в мировом масштабе и одновременно играющих важную роль в объединении всех граждан. Задачи, обозначаемые в публичных выступлениях перед национальной аудиторией, представляют традиционный набор позиций, отражающий исторический контекст бытования испанского социума: соблюдение прав и свобод человека, защита наиболее уязвимых слоев населения, достижение духовного единства, мирное сосуществование, сохранение территориальной целостности (единство в многообразии), развитие государства всеобщего благосостояния, укрепление демократических ценностей, соблюдение конституционных норм:

Una sociedad que ha experimentado una transformación muy profunda, como jamás antes en nuestra historia; que vive conforme a valores y actitudes compartidos con las demás sociedades libres y democráticas; que es y se siente profundamente europea e iberoamericana...

Общество, которое претерпело серьезные, небывалые ранее изменения, которое живет в соответствии с ценностями и идеями других свободных и демократических стран, которое является и ощущает себя частью европейской и ибероамериканской цивилизации ... (24.12.2019, рождественское послание).

Кроме того, Филипп VI в речах перед национальной аудиторией уделяет особое внимание институту семьи, выступающей символом стабильности развития государства (особенно в годы экономического кризиса) и по-прежнему играющей исключительную роль в современном испанском обществе:

He comprobado, una vez más, el valor que tiene en nuestra sociedad la familia...

Я еще раз убедился в том, что семья играет важную роль в нашем обществе...

(24.12.2016, рождественское послание).

При этом соблюдение законов и служение всеобщему благу должно стоять превыше семейных связей (в указанном ниже фрагменте содержится намек на осуждение действий отца Хуана Карлоса I, ставших причиной утраты доверия к Королевскому дому⁴⁵):

Ya en 2014, en mi Proclamación ante las Cortes Generales, me referí a los principios morales y éticos que los ciudadanos reclaman de nuestras conductas. Unos principios que nos obligan a todos sin excepciones; y que están por encima de cualquier consideración, de la naturaleza que sea, incluso de las personales y familiares.

Уже в 2014 году, в коронационной речи перед Генеральными Кортесами я говорил о моральных и этических принципах, соблюдение которых требуют от нас граждане. О принципах, которые нас всех обязывают следовать им без исключения и которые стоят превыше любых обстоятельств, в том числе превыше личных и семейных (24.12.2020, рождественское послание).

В публичных речах внешней адресации в первую очередь в качестве основных ценностных ориентиров указывается необходимость соблюдения прав человека и приверженности демократическим принципам правления:

[...] emanan del reconocimiento la dignidad de la persona como premisa esencial e irrenunciable para la convivencia...

[...] логически вытекают из признания достоинства человека как необходимого и неотъемлемого условия мирного сосуществования... (27.04.2017, речь перед Парламентской Ассамблеей Совета Европы);

La democracia, los derechos humanos y el imperio de la ley, como acabo de resaltar, son los tres pilares sobre los que se funda el Consejo de Europa, casa común de todos los europeos.

Демократия, права человека и верховенство закона, как я уже отметил, составляют три столпа, на которых зиждется Совет Европы, общий дом для всех европейцев (27.04.2017, там же);

---

⁴⁵ «[...] Juan Carlos I ha desestabilizado no solo a la Corona, sino al entero sistema constitucional...» [Zarzalejos 2021: 20].

*La protección y la promoción de los **derechos humanos** constituye otro elemento definidor de nuestra política exterior.*

*Защита и продвижение **прав человека** представляют собой еще один ключевой элемент нашей внешней политики (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).*

Таким образом, **информационно-интерпретационная стратегия** и **стратегия формирования эмоционального настроения** представляют собой инструмент удержания власти за счет (а) интерпретации информации в необходимом оратору ключе, (б) нейтрализации негативного представления о существующей реальности и (в) создания необходимого эмоционального фона. С учетом текущей социально-политической ситуации в Испании роль информационно-интерпретационной стратегии, используемой с целью обеспечить понятное объяснение происходящих событий и выстроить действенный диалог с адресатом, значительно возрастает.

3.3. Стратегии убеждения

Одной из основных функций политического дискурса является убеждение (А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, Г. Шиллер и др.), под которым подразумевают эффективно используемый в коммуникации способ воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению [Помырляну 2013]. Убеждение выступает в качестве «прагматической константы» основных жанров политического дискурса, поскольку представляет собой один из методов управления государством, направленных на формирование у адресата устойчивых мнений и оценок (когнитивное моделирование) или модифицирование его поведения в интересах политика [Туманова 2015: 101]. Основная цель публичного выступления монарха заключается в убеждении аудитории в правильности декларируемой позиции и предлагаемого пути решения проблемы.

Стратегии убеждения включают **аргументативную** (тактика контрастивного анализа, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок, тактика иллюстрирования) и **агитационную** (тактика обещания, тактика призыва) разновидности [Паршина 2005].

Тактика контрастивного анализа опирается на прием сопоставления фактов, событий, показателей или результатов и предполагает употребление сравнительных оборотов, а также прилагательных параметрической и оценочной семантики (*profundo, radical, bueno, creativo, moderno, dinámico, avanzado*):

*Nuestra economía crece en la actualidad con una demanda interna **más dinámica** y con un **mayor protagonismo** del sector exterior.*

*Наша экономика сегодня развивается за счет **более динамичного** внутреннего спроса и **более активной роли** иностранного сектора (20.04.2016, речь на закрытии Генеральной Ассамблеи Испанской конфедерации предпринимательских организаций);*

*[...] nos han permitido hacer de España un **país mucho mejor**: un gran país.*

*[...] позволили нам сделать Испанию **намного лучше**, превратить ее в великую страну (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);*

*Y hemos llevado a cabo, en fin, la transformación **más profunda** de nuestra historia en muchos ámbitos de nuestra vida...*

*И мы осуществили в конце концов **самую серьезную** трансформацию за всю нашу историю во многих сферах нашей жизни... (24.12.2017, рождественское послание);*

*España... ha alcanzado niveles de prosperidad y bienestar **como nunca antes** en nuestra historia.*

*Испания... достигла **небывалого ранее** уровня благополучия и благосостояния (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции);*

*Por otra parte, no quiero dejar de recordar que se acaban de cumplir 30 años de la incorporación de la mujer a la profesión militar, que se puede considerar uno de los hitos **más significativos y necesarios** en su proceso de modernización.*

*С другой стороны, хочу напомнить, что 30 лет назад женщины впервые присоединились к военной службе, что можно считать одним из **самых значимых и важных** шагов по модернизации этой сферы (06.01.2019, речь по случаю празднования Военной Пасхи).*

Тактика указания на перспективу (прогнозирование развития событий, выражение стратегических целей, позиций и намерений адресанта) реализуется при помощи отсылки к предстоящим задачам:

*En ese camino, en esa **España mejor** que todos deseamos, **estará también Cataluña**.*

*На этом пути, к лучшей Испании, о которой мы все мечтаем, нас также **будет сопровождать Каталония** (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*[...] yo estoy convencido de que el año que viene –y los que vendrán después– serán **mucho mejores**.*

*[...] я убежден, что последующие годы будут **намного лучше** (24.12.2017, рождественское послание);*

*Sin duda **queda mucho por hacer, por mejorar y renovar**.*

*Без сомнения, **многое предстоит сделать, улучшить и обновить** (24.12.2019, рождественское послание);*

***No va a ser nada fácil** superar esta situación, y en cada casa lo sabéis bien. Pero yo estoy seguro de que **vamos a salir adelante**. Con esfuerzo, unión y solidaridad, **España saldrá adelante**.*

*Преодолеть эту ситуацию **будет непросто**, и в каждом доме это хорошо знают. Но я уверен, что у нас **все получится**. Благодаря усилиям, единству и солидарности Испании **будет продвигаться вперед** (24.12.2020, рождественское послание);*

*[...] **la internacionalización** de la economía española **va a ser de nuevo**, como ya lo fue en la crisis de 2008, uno de los grandes motores de recuperación tras la nueva crisis generada por la Covid-19.*

*[...] **интернационализация** испанской экономики снова **станет**, как это уже было во время кризиса 2008 года, одним из главных двигателей процесса ее восстановления после нового кризиса, вызванного пандемией коронавируса (19.02.2021, речь на V саммите предпринимателей в Арагоне).*

Тактика обоснованных оценок близка по своему характеру тактике иллюстрирования и заключается в высказывании суждений, при помощи которых адресант стремится объективно оценить предмет или явление. Указанная тактика используется в речах испанского монарха по случаю наиболее важных и/или резонансных событий и на семантическом уровне

реализуется посредством установления причинно-следственных отношений между частями аргументативного текста. В частности, в речи по случаю каталонского кризиса негативная оценка действий местных политиков обосновывается вызванными последствиями (разобщенность каталонского общества, подрыв гармоничного развития государства, потеря доверия к Испании со стороны международного сообщества):

Han quebrantado los principios democráticos de todo Estado de Derecho y han socavado la armonía y la convivencia en la propia sociedad catalana, llegando, desgraciadamente, a dividirla. Hoy la sociedad catalana está fracturada y enfrentada.

Они нарушили демократические принципы правового государства и подорвали гармоничное и мирное сосуществование в Каталонии, что, к сожалению, привело к расколу общества. Сегодня каталонцы разобщены и противостоят друг другу (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

Esas autoridades han menospreciado los afectos y los sentimientos de solidaridad que han unido y unirán al conjunto de los españoles.

Местные власти пренебрегли чувством солидарности, которое объединяло и будет объединять всех испанцев (03.10.2017, там же).

Еще один пример *тактики обоснованных оценок* можно привести из выступления Филиппа VI перед согражданами в Аргентине, в котором монарх приводит примеры успешного сотрудничества между двумя странами:

España y la Argentina mantenemos hoy una excelente relación que nos ayuda a afrontar juntos los distintos desafíos... Nuestra relación se ha construido sobre lo mucho que hemos compartido a lo largo de muchos años, de décadas y décadas de trabajo común, de unos mismos valores y del convencimiento de que la democracia y la libertad son la base de la convivencia civilizada y en paz, y el mejor instrumento para avanzar en la creación de sociedades más justas y más prósperas.

Испания и Аргентина поддерживают сегодня отличные отношения, которые помогают нам вместе преодолеть различные проблемы... Наши отношения имеют длинную историю, основаны на опыте совместной работы на протяжении многих десятилетий, на единых ценностях и на убежденности в том, что демократия и свобода являются основой мирного и цивилизованного сосуществования и лучшим

средством создания более справедливого и процветающего общества (26.03.2019, речь перед согражданами в Аргентине).

Тактика иллюстрирования проявляется в использовании реальных фактов и примеров для подтверждения высказываний и считается одним из распространенных средств воздействия на адресата [Паршина 2005: 166]. Данная тактика используется для перечисления достижений различного характера и на лексическом уровне обычно представлена вводными словами (*por ejemplo, por poner algunos ejemplos, en particular*). В речах перед национальной и международной аудиторией в качестве доказательств приводятся такие типы аргументов, как ссылки на исторические факты, авторитетные источники (Конституцию) и статистические данные⁴⁶:

En torno a 300 empresas españolas tienen presencia en el país; España es el segundo inversor en Argentina y estas inversiones dan trabajo a cerca de 100.000 personas.

В стране насчитывается около 300 испанских компаний; Испания является вторым по значимости инвестором в Аргентине, и эти инвестиции обеспечивают работой около 100 000 человек (25.03.2019, речь на торжественном приеме президента Аргентины).

A los dos países nos unen lazos históricos, y los españoles fuimos pioneros en el conocimiento de Corea. Ayer mismo tuve ocasión de mencionar al presidente Moon Jae-in que fue precisamente un español, el Padre Gregorio de Céspedes, el primer europeo en llegar a Corea, en 1593, y sus cartas enviadas desde aquí fueron las primeras noticias recibidas en el mundo occidental de los Reinos Coreanos.

Наши страны связаны историческими узами, и мы, испанцы, были первопроходцами в изучении Кореи. Буквально вчера на встрече с президентом Муном Чжэ Ином у меня была возможность обратить внимание на то, что испанец Грегорио де Сеспедес был первым европейцем, который прибыл в Корею в 1593 году, а его письма стали первым источником информации на Западе о Корейских королевствах (24.10.2019, речь перед согражданами в Кореи);

Para ayudar a hacer frente a la pandemia, España se ha convertido en uno de los principales donantes de vacunas del mundo y en uno de los principales defensores de la

---

⁴⁶ В речах Филиппа VI нет отсылок к религиозным текстам, как, например, в речах британской королевы Елизаветы II или Хуана Карлоса I.

vacunación universal. En 2022, seguiremos donando vacunas hasta llegar a los 50 millones de dosis en el primer trimestre, en línea con los objetivos de donación europeos.

Чтобы помочь справиться с пандемией, Испания стала одним из крупнейших в мире доноров вакцин и одним из основных сторонников всеобщей вакцинации. В 2022 году мы продолжим безвозмездно предоставлять вакцины и планируем достичь показателя в 50 миллионов доз в первом квартале, в соответствии с европейским планом распределения вакцин (17.01.2022, речь перед дипломатическим корпусом).

Разновидностью **аргументативной стратегии** является **агитационная стратегия**, реализующаяся с помощью тактики призыва и тактики обещания.

Призыв в различных жанрах политического дискурса обслуживает коммуникативную ситуацию «обращение политика к народу» [Кашпур 2011]. Его основной характеристикой является наличие *адресата* и *императива*, побуждающего объекта осуществить действие. Призыв реализует установки институционального общения (исходит всегда от политического или государственного лидера как представителя института власти, наделенного достаточными полномочиями для выражения своей позиции). Коммуникативная цель оратора заключается в побуждении адресата к действию посредством прямого или скрытого речевого обращения, обоснованного четко подобранными аргументами, которые подтверждают правомерность требования. При этом значимым является не только факт его произнесения (как доказательство статусности оратора), но и информация, излагаемая политиком или государственным лидером в процессе объяснения адресату причин необходимости откликнуться на его призыв [Кашпур 2011].

Базовой языковой единицей, обладающей призывной (императивной) семантикой, является глагол. Самым ярким и очевидным способом для выражения волеизъявления оратора выступает *прямой призыв*, выраженный в форме второго лица множественного числа повелительного наклонения (*sigamos adelante, trabajemos juntos, confiemos, mantengámonos unidos* и пр.).

При этом первое лицо повелительного наклонения предполагает включение говорящего в состав действующих лиц. *Косвенный призыв* характеризуется отсутствием императива, который заменяется на «слова с модальностью желательности, долженствования или обязательности действия» (*es necesario, hay que, debemos*), и указания на адресата – в таком случае адресатом становится любой потенциальный слушатель [Моровов 2016: 28-29]. *Скрытый призыв* является разновидностью вербального воздействия и содержит персуазивные высказывания, направленные на изменение алгоритма поведения адресата. Логично, что в публичных речах современного испанского монарха содержатся лишь прямые и косвенные призывы в силу его статуса и роли верховного арбитра (см. Табл. 4).

Для *тактики призыва* характерны побудительные предложения, семантико-прагматическая специфика которых заключается во взаимодействии побудительного (раскрывает иллокутивную цель) и эмотивного значений (выполняет перлокутивную цель), которое отвечает за оказание прагматического эффекта – требования коррекции поведения адресата [Крячкова 2019: 91]. Рассматриваемая тактика активнее используется в речах перед национальной аудиторией, поскольку монарх в качестве государственного лидера реализует исключительное право призывать сограждан к (а) духовному единству и (б) совместной созидательной деятельности, выполнению поставленных задач. Эта задача осуществляется в основном при помощи глаголов в повелительном или сослагательном наклонении (прямой призыв) либо при помощи модального глагола *deber* (косвенный призыв).

Табл. 4. Виды призыва в дискурсе испанского монарха Филиппа VI

Прямой призыв	Косвенный призыв
<p>Trabajemos todos juntos... Давайте будем работать все вместе... (19.06.2014, коронационная речь); <i>Con esa esperanza y confianza en el futuro, sigamos adelante.</i> С этой надеждой и уверенностью в будущем давайте идти вперед (24.12.2018, рождественское послание); Confiemos en nosotros mismos, en nuestra sociedad; confiemos en España y mantengámonos unidos en los valores democráticos que compartimos para resolver nuestros problemas... Давайте верить в себя, в наше общество; давайте верить в Испанию и придерживаться общих демократических ценностей для решения наших проблем... (24.12.2018, рождественское послание); <i>Por ello, animo a todos sus representantes a que sigan trabajando con el mismo rigor y la misma responsabilidad de siempre en favor del interés general.</i> Поэтому я призываю всех представителей местных властей продолжать работать с тем же упорством и той же ответственностью ради всеобщего блага (03.07.2019, речь по случаю празднования 40-летия со дня проведения первых демократических муниципальных выборов).</p>	<p>[...] <i>hacia la España renovada que debemos seguir construyendo todos juntos...</i> [...] в сторону обновленной Испании, которую мы должны продолжать строить вместе... (19.06.2014, коронационная речь); [...] debemos fortalecer nuestro Estado del Bienestar... [...] мы должны укреплять наше государство всеобщего благосостояния (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента); Tenemos el deber de pensar en el futuro; de seguir construyendo, desde nuestras respectivas responsabilidades, una España en vanguardia, moderna y renovada... Мы обязаны думать о будущем, продолжать строительство в рамках соответствующих обязательств передовой, современной и обновленной Испании... (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции); [...] <i>ahora debemos valorar con orgullo lo que somos...</i> [...] сейчас мы должны с гордостью ценить наше настоящее... (24.12.2018, рождественское послание); Todos debemos contribuir a ese esfuerzo colectivo con nuestras actitudes y nuestras acciones, por pequeñas que sean. Мы все должны внести вклад в решение проблемы своим подходом и действиями, какими незначительными они ни были (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса); [...] debemos igualmente adaptarnos rápidamente a los cambios, teniendo siempre claros nuestros grandes objetivos y prioridades como país.</p>

	<p>[...] мы также должны быстро адаптироваться к изменениям, всегда четко осознавая наши высокие цели и приоритеты страны (24.12.2021, рождественское послание).</p>
--	--

Тактика призыва употребляется менее активно в речах внешней адресации. При этом в них превалирует косвенный призыв к укреплению сотрудничества и эмоциональному единству:

Debemos permanecer unidos, reafirmando los derechos y libertades y el imperio de la ley como sustancia vital e irrenunciable de la Europa política.

Мы должны быть едины, защищая права и свободы и утверждая верховенство закона как важную и неотъемлемую часть политического союза Европы (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы);

Confiamos en que, junto a la nueva administración, sigamos estrechando los profundos vínculos históricos que nos unen y que abarcan los más variados campos...

*Вместе с новым руководством мы надеемся **продолжить укрепление** тесных исторических связей, которые нас объединяют и охватывают самые разнообразные сферы... (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).*

Следует отметить возможность сочетания нескольких тактик в рамках одной фразы или смыслового отрезка. В частности, в выступлении перед дипломатическим корпусом от 5 февраля 2020 г. испанский монарх косвенно призывает взвешенно подойти к решению миграционного вопроса и одновременно указывает на путь решения проблемы (*тактики призыва* и *указания на путь решения проблемы*), а в речи по случаю Военной Пасхи от 6 января 2021 г. *тактика призыва* (призыв к выполнению обязанностей) сочетается с *тактикой обращения* к эмоциям адресата (похвала):

*La migración es hoy un fenómeno **global** y **estructural**, que **ha de ser considerado** y **gestionado** como una oportunidad para todos los implicados y no como una amenaza. Ello requiere una **adecuada** y **ordenada regulación** de los flujos migratorios que combine medidas a corto plazo y una estrategia a largo plazo.*

*Миграция сегодня – это **глобальный** и **структурный** феномен, который **должен рассматриваться** как возможность развития для всех участников, а не как угроза. Для*

этого необходимо **адекватное и упорядоченное** регулирование миграционных потоков, предполагающее краткосрочные и долгосрочные меры (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом);

Al iniciar este año 2021, os animo a continuar desarrollando vuestra labor con renovada ilusión, y con la iniciativa, el valor que os caracterizan y que os mueven a entregaros, plena e íntegramente, al servicio de la sociedad española.

В начале 2021 года я призываю вас продолжить вашу работу с еще большим энтузиазмом, с инициативностью и храбростью, которые вас характеризуют и мотивируют вас полностью и без остатка служить на благо испанского общества (06.01.2021, речь по случаю Военной Пасхи).

Тактика обещания реализуется с помощью глаголов в будущем времени и подразумевает необходимость эксплицирования ответственности перед обществом, однако в силу своего статуса глава испанского Королевского дома может обещать лишь личное участие в жизни социума в качестве гаранта социальной справедливости и стабильности, что особенно подчеркивается в последние несколько лет в связи с осложнившейся внутривосточной обстановкой:

No tengan dudas, Señorías, de que sabré hacer honor al juramento que acabo de pronunciar...

Не сомневайтесь, господа, что я смогу исполнить клятву, которую я только что произнес... (19.06.2014, коронационная речь);

Sabed que, para ello, contaréis en todo momento con el apoyo y el aprecio de la Corona.

Знайτε, что вы всегда можете рассчитывать на помощь и признательность Королевского дома (03.07.2019, речь по случаю празднования 40-летия со дня проведения первых демократических муниципальных выборов);

No me cansaré –no nos cansaremos– de insistir en la importancia de la ciencia para nuestro presente y futuro...

Я не устану – мы не устанем – настаивать на важности науки для нашего настоящего и будущего... (17.02.2020, речь на вручении премии в области научных исследований).

В речах внутренней адресации подобные заявления-обещания зачастую реализуются через глаголы в первом лице единственного числа («sabré hacer honor», «no me cansaré»), что свидетельствует о личном участии Филиппа VI и ответственности за свои слова. Однако в речах перед международной аудиторией *тактика обещания* носит в большей степени декларативный характер и не соотносится с личной ответственностью монарха перед мировым сообществом. В связи с этим превалируют глаголы в форме первого лица множественного числа или третьего лица единственного числа (когда монарх говорит от имени страны – «Испания»):

Lo conseguiremos. Y conseguiremos con firmeza, con decisión, con la mayor ambición.

Мы этого достигнем. И достигнем с твердостью, уверенностью, со всей решительностью (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

Procuraremos asimismo avanzar en la cooperación judicial internacional contra el terrorismo y reforzar las medidas contra la violencia sexual en conflictos.

Мы будем также стараться продолжать правовое сотрудничество с другими странами в борьбе с терроризмом и принимать дальнейшие меры против сексуального насилия в ходе вооруженных конфликтов (20.09.2016, речь на 71-й Генеральной Ассамблее ООН);

Continuaremos intensificando nuestra cooperación ante un desafío en el que no podemos dar ni un solo paso atrás y en el que no hay tiempo que perder...

Мы продолжим укреплять наше сотрудничество перед вызовом, при решении которого мы не можем дать задний ход и терять время... (25.03.2019, речь на торжественном приеме перед президентом Аргентины);

España mantendrá su inquebrantable compromiso con la paz y seguridad internacionales. [...] España seguirá contribuyendo a gestionar los riesgos y amenazas de todo tipo... Asimismo, España potenciará la cooperación internacional y participará en todos los foros relevantes en la lucha contra el terrorismo...

Испания сохранит свою неизменную приверженность принципам мирного сосуществования и международной безопасности. [...] Испания продолжит решать вопросы, связанные с рисками и угрозами любого характера... Также Испания будет неуклонно содействовать международному сотрудничеству и участвовать во

всевозможных форумах, посвященных вопросам борьбы с терроризмом... (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом);

*[...] en 2021 **mantendremos nuestro compromiso activo** con los ODS y la Agenda 2030, la promoción de los derechos humanos y la igualdad de género, la construcción de la paz, la lucha contra el terrorismo...*

*[...] в 2021 году **мы продолжим нести обязательства** в контексте целей устойчивого развития до 2030 года (ЦУР), по защите прав человека и гендерного равенства, установлению мира, борьбе с терроризмом... (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).*

В приведенном ниже отрывке из выступления на Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) *тактика обещания* сочетается с *тактикой указания на путь решения проблемы*:

*[...] **venceremos** también a la amenaza terrorista que hoy **golpea** en numerosos lugares del planeta y requiere de **grandes alianzas mundiales** para hacerles frente con eficacia y coherencia.*

*[...] **мы победим** также террористическую угрозу, которая сегодня **обрушилась** на многие регионы нашей планеты и требует **совместных усилий мирового масштаба**, чтобы эффективно и последовательно с бороться с ней (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы).*

Таким образом, *стратегии убеждения (аргументативная и агитационная стратегии)* в первую очередь используются в речах Филиппа VI перед национальной аудиторией для утверждения в ее сознании определенных представлений и моделей поведения вне зависимости от социально-политического контекста. В его выступлениях перед международной аудиторией *стратегии убеждения* являются вторичными, поскольку на международных площадках испанских монарх выполняет исключительно представительские функции.

3.4. Стратегия презентации страны

Выступления Филиппа VI перед мировым сообществом имеют характер официальных заявлений, сделанных от имени правительства, и служат для презентации приверженности страны и нации определенному курсу, групповым ценностям, а также для изложения доктринальных принципов. В связи с этим в них преобладают **стратегия презентации страны** (тактика создания образа страны) и **декларативная стратегия** (тактика демонстрации официальной позиции).

В речах перед международной аудиторией особую роль играет **стратегия презентации страны**, подчеркивающая значимость Испании на международной арене путем формирования ее положительного образа⁴⁷:

Durante estos treinta años España ha demostrado ser un socio constructivo, en permanente compromiso con los valores y principios de la Unión, porque son los nuestros.

В течение этих тридцати лет Испания показала, что может быть надежным партнером, который постоянно следует ценностям и принципам Евросоюза, потому что это и наши ценности (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

Tengan, así pues, Señorías, la seguridad de poder contar con una España leal y responsable hacia el proyecto europeo; con una España unida y orgullosa de su diversidad; con una España solidaria y respetuosa con el Estado de Derecho.

---

⁴⁷ Основой образа, формируемого во всех типах политического дискурса, является оценочность [Берендеев 2011: 97]. Традиционным в научной литературе считается определение И.С. Семененко: «Образ страны – знаковая модель, опосредующая представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [Семененко 2008: 9]. Описанием различий между понятиями «имидж», «образ» и «бренд» страны занимались многие авторы (А.А. Гравер, И.С. Семененко, Е.Б. Шестопал и др.). Считается, что «образ» страны – наиболее общая категория, охватывающая весь объем представлений о стране – от философского анализа до прикладных исследований, в то время как «имидж» страны трактуется как более узкое понятие, означающее образ, на который пытаются воздействовать с целью его изменения. «Бренд» страны подразумевает реализацию позитивных характеристик страны с целью извлечения прибыли, что, с одной стороны, сближает его с имиджем, а с другой, проводит границу по сфере и цели осуществления [Гравер 2012: 9]. С 1990-х гг. в научной литературе, однако, при описании политического дискурса понятия «образ» и «имидж» страны взаимозаменяются и воспринимаются как явления языкового варьирования [Северская, Саакян 2020: 370]. Этот вывод был взят за основу при написании настоящей работы.

Итак, дамы и господа, вы можете с уверенностью рассчитывать на Испанию, которая верно и со всей ответственностью служит европейскому проекту; на Испанию, которая гордится своим единством и разнообразием; на Испанию, которая проявляет солидарность и уважает принципы правового государства (07.10.2015, там же);

España continuará en la vanguardia del esfuerzo de la Comunidad Internacional para limitar el calentamiento global, mitigar sus efectos y lograr la mejor adaptación posible a sus consecuencias. [...] España demuestra con hechos ser un país solidario. La cooperación al desarrollo ha sido una política esencial en la construcción de la España democrática y en la consolidación de nuestro país como un actor responsable y de peso internacional.

Испания продолжает быть передовым членом мирового сообщества в вопросах глобального потепления, сокращения его влияния и достижения наиболее адекватной адаптации к его последствиям. Испания доказывает своими действиями, что она является страной, проявляющей солидарность. Сотрудничество в целях развития является важным направлением в строительстве демократической Испании и утверждении нашей страны в качестве ответственного актора мирового масштаба (22.01.2019, речь перед дипломатическим корпусом);

España proyecta al mundo su realidad actual de país moderno, democrático y avanzado con una economía productiva, muy abierta y ciertamente competitiva en muchos sectores; y refleja la imagen consolidada de una sociedad plural, tolerante y solidaria...

Испания предстает в мире как современная, демократическая, развитая страна с эффективной, очень открытой и действительно конкурентоспособной во многих областях экономикой и транслирует целостный образ многоликого, толерантного и солидарного общества... (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом).

Таким образом, в публичных речах перед международной аудиторией с 2014 г. по настоящее время **стратегия презентации страны** представляет собой обязательный инструмент конструирования имиджа страны и отвечает основной задаче монарха как верховного представителя государства за рубежом – вписать Испанию в мировой контекст и показать ее значимость при решении вызовов современности.

3.5. Декларативная стратегия

Признак декларативности оказывается свойственен большому количеству текстов разных жанров политическом дискурса (митинговый, парламентский, оппозиционный и пр.) [Стексова 2016: 57]. Основная задача **декларативной стратегии** в речах первых лиц государства заключается в представлении официальной позиции руководства страны, а также в обозначении господствующих ценностных ориентиров. При этом в своих выступлениях современный испанский монарх ограничивается лишь констатацией фактов без их комментирования:

Por tanto, cuenten siempre con el firme compromiso de España para promover y defender los valores democráticos en el mundo.

Поэтому вы можете всегда рассчитывать на то, что Испания будет твердо продвигать и защищать демократические ценности в мире (24.09.2014, речь на 69-й Генеральной Ассамблее ООН);

Procuraremos asimismo avanzar en la cooperación judicial internacional contra el terrorismo y reforzar las medidas contra la violencia sexual en conflictos.

Мы также будем стремиться к развитию международного сотрудничество судебных органов в борьбе с терроризмом и усилению меры по предотвращению сексуального насилия в условиях конфликтов (20.09.2016, речь на 71-й Генеральной Ассамблее ООН);

España está dispuesta y preparada para seguir contribuyendo a la búsqueda de la paz en los distintos escenarios de la región que no gozan de ella.

Испания намерена и готова продолжать вносить вклад в установление мира в различных точках региона, в которых пока он отсутствует (26.01.2017, речь перед дипломатическим корпусом);

España, así pues, comparte con el Consejo de Europa fundamentos y propósitos.

Итак, Испания разделяет единые принципы и цели с Советом Европы (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы);

España tiene, asimismo, la firme voluntad de seguir apoyando y profundizando sus relaciones con las organizaciones regionales iberoamericanas, especialmente con la Alianza del Pacífico, y de continuar impulsando el fortalecimiento de los lazos entre Iberoamérica y la Unión Europea.

Испания также твердо желает продолжать углублять сотрудничество с региональными ибероамериканскими организациями, в особенности с Тихоокеанским Альянсом, и продолжать способствовать укреплению связей Иberoамерики с Европейским Союзом (28.01.2019, речь перед дипломатическим корпусом);

Asimismo, España potenciará la cooperación internacional y participará en todos los foros relevantes en la lucha contra el terrorismo...

Также Испания будет неуклонно содействовать международному сотрудничеству и участвовать во всевозможных форумах, посвященных вопросам борьбы с терроризмом... (05.02.2020, речь перед дипломатическим корпусом).

При этом **декларативная стратегия** в выступлениях главы Королевского дома практически всегда соответствует интенции информирования с имплицитно заложенным императивом за счет констатации *идеи долженствования и необходимости приложения усилий* (*deber, procurar, ser necesario, ser preciso, hay que, necesitar* и пр.). Реализация декларативности подразумевает использование следующих языковых ресурсов: а) существительных и глаголов (в настоящем и будущем времени), относящихся к семантическому полю «сотрудничество» (*solidaridad, cooperación, acuerdo, colaboración, vínculos, lazos, relaciones; compartir, seguir, colaborar, cooperar*); б) наречий и конструкций с адвербиальным значением, выступающих в роли интенсификаторов (*firmemente, con firmeza, con lealtad*); в) лексем, представляющих семантическое поле «приверженность» (*compromiso, fiable, leal, comprometido*):

Ahora, estamos firmemente comprometidos con la nueva Agenda de Objetivos de Desarrollo Sostenible.

Сейчас мы твердо привержены новой программе Целей в области устойчивого развития (25.09.2015, речь на заседании ООН);

España seguirá siendo, en el marco de la Unión Europea, un miembro leal, de Naciones Unidas y un socio fiable de sus Estados miembros.

Испания, как часть Евросоюза, продолжит быть верным членом ООН и надежным партнером стран, входящих в ее состав (21.09.2020, речь по случаю 75-й годовщины ООН);

España y la UE están plenamente comprometidas con la neutralidad climática y una transición justa hacia un modelo de producción basado en energías renovables.

Испания и Европейский Союз полностью солидарны в вопросах климатической нейтральности и справедливого перехода к модели производства, основанной на возобновляемых источниках энергии (28.01.2021, речь перед дипломатическим корпусом).

В рамках стратегии декларативности следует рассматривать и коронационную речь Филиппа VI (19 июня 2014 г.) в силу единичности и уникальности этого события как в жизни монарха, так и жизни национального сообщества. Провозглашение основных принципов правления, которыми будет руководствоваться новый монарх (соблюдение Конституции и законов, разделение трех ветвей власти, сотрудничество с Правительством) в условиях утраты доверия к Королевскому дому со стороны населения, имело ключевое значение в данном выступлении:

He sido consciente, desde siempre, de que la Monarquía Parlamentaria debe estar abierta y comprometida con la sociedad a la que sirve...

Я всегда осознавал, что парламентская монархия должна быть открытой и солидарной с обществом, которому она служит... (19.06.2014, коронационная речь);

[...] la Monarquía Parlamentaria puede y debe seguir prestando un servicio fundamental a España.

[...] парламентская монархия может и должна продолжать оказывать Испании фундаментальные услуги (19.06.2014, там же);

La Corona debe buscar la cercanía con los ciudadanos, saber ganarse continuamente su aprecio, su respeto y su confianza...

Королевский дом должен искать сближения с гражданами, постоянно пользоваться поддержкой, уважением и доверием... (19.06.2014, там же).

Исследование текстов публичных речей испанского монарха Филиппа VI позволило выявить определенный набор стратегий и тактик, обеспечивающих статусно-ориентированную институциональную

коммуникацию государственного лидера. В первую очередь следует констатировать факт отсутствия *стратегий борьбы за власть и самозащиты*, что объясняется статусом и политической нейтральностью фигуры оратора. Выступления перед национальной аудиторией, от экономической и политической поддержки которой напрямую зависит институт монархии, отличаются более широким спектром используемых стратегий и тактик речевого воздействия: для них прежде всего характерно использование *стратегии самопрезентации*, связанной с необходимостью утверждения авторитета института монархии в глазах сограждан, *стратегии формирования эмоционального настроения*, призванной реализовать стоящую перед главой Королевского дома задачу по объединению общества на основе общенациональной патетики, *стратегий убеждения (аргументативной и агитационной)*, отражающих роль монарха как гаранта поступательного коллективного созидания и регулятора общественного умонастроения. В рамках *агитационной стратегии* следует особо отметить *тактику призыва* (в его прямой и косвенной разновидностях), активно задействованную в речах внутренней адресации с целью добиться максимального перлокутивного эффекта. Прямые и косвенные призывы служат важным ресурсом для побуждения адресата к действию, обозначая приемлемые с точки зрения оратора модели поведения. В публичных речах внешней адресации следует отметить явное превалирование *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии*, что обусловлено предписанной монарху ролью за рубежом – выполнять исключительно символическую и представительскую функции на международной арене, а также стоящей перед ним задачей по провозглашению не вызывающих сомнения идей.

На основе представленных в ГЛАВЕ I теоретических положений и проанализированных в ПАРАГРАФЕ 3 ГЛАВЫ II стратегий и тактик речевого воздействия в дискурсе современного испанского монарха можно

констатировать, что глобальные задачи его публичных выступлений, выполняющих миромоделирующую функцию и задающих адресату алгоритм мыслей и действий, заключаются в осуществлении контроля над общественным сознанием и коррекции категориальной структуры мышления (в некоторых случаях речь может идти о перестройке картины мира) при одновременной эмоциональной поддержке. При этом реализуется активное *вербальное* речевое воздействие, которое по отношению к адресату является *неманипулятивным* и *намеренным (интенциональным)* в силу сложившегося социально-политического контекста и статуса оратора. В дискурсе Филиппа VI находят преимущественное выражение непосредственно связанные с прагматикой статусно-ориентированного политического дискурса *категории выразительности и оценочности*, являющиеся формой репрезентации его отношения к происходящим событиям, которые создают основу для формирования у социума однозначного (позитивного или негативного) восприятия фактов, событий и действий.

§4. Языковые средства выразительности в публичных выступлениях испанского монарха

Выразительность политического дискурса объясняется открытостью публичной политики, в которой основная роль принадлежит мотивам состязательности и театральности процесса общения [Шейгал 2000: 84-88]. При этом данная категория, проявляющаяся на *лексико-стилистическом* и *синтактико-стилистическом* уровнях, становится важным средством в борьбе за сохранение и повышение не только коммуникативного, но и социального статуса субъекта политики, то есть «формирует пространство презентационного и персуазивного политического дискурса в качестве его базовой категории» [Спиридовский 2013: 170].

Языковые средства выразительности в дискурсе Филиппа VI представляют собой еще один инструмент речевого воздействия с целью продвижения соответствующих конкретному социально-политическому контексту идей. В частности, в рамках данного исследования особое внимание уделяется *метафорам* и *лексическим повторам*, являющимся обязательными элементами публичного политического дискурса и одними из самых частотных и эффективных способов реализации речевого воздействия⁴⁸ [Чудинов 2013; Никашина, Попова 2015; Бабитова 2017].

4.1. Метафора в публичном дискурсе испанского монарха

Традиционный набор сфер-источников «метафорической экспансии» (термин А.П. Чудинова) в политической коммуникации достаточно ограничен и повторяется в различных национальных дискурсах (ПРИРОДА, ВОЙНА, ТЕАТР, СПОРТ, ДОМ, СЕМЬЯ, ДОРОГА) [Будаев, Чудинов 2020: 106]. В публичном дискурсе Филиппа VI из приведенного выше списка представлены метафоры с исходной понятийной сферой⁴⁹ ВОЙНА, ДОМ и ДОРОГА.

Метафоры с исходной понятийной сферой ВОЙНА⁵⁰ относятся к наиболее частотным в «метафорическом конструировании мира политики»

---

⁴⁸ При этом в публичных речах испанского монарха встречаются и другие средства языковой выразительности (в частности, эпитеты – *con profunda convicción*) и олицетворение (*abrazar los principios y valores de la democracia*), однако их задача заключается прежде всего в передаче информации в краткой и доступной форме, нежели в оказании речевого воздействия.

⁴⁹ В другой терминологии встречаются номинации «исходная понятийная сфера», «сфера-донор», «сфера метафорической экспансии» [Чудинов 2001].

⁵⁰ Первые примеры использования военной (милитарной) метафоры были приведены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в монографии «Метафоры, которыми мы живем», без упоминания которой не обходится ни одно современное исследование в рамках когнитивной лингвистики [Lacoff, Johnson 1980]. Примечательно, что милитарная модель не является статичным компонентом политического дискурса: «ее частотность может варьироваться в различные периоды политической истории» [Будаев 2008: 73].

[Будаев 2008: 29]. Специалисты объясняют причины активного заимствования лексических единиц из данной понятийной сферы агональным характером политической деятельности, богатым военным опытом человечества, доминированием в политике мужчин и распространением суровых боевых законов на гражданскую жизнь [Чудинов 2001; Будаев 2008; Логачев 2008; Чудинов 2013; Эргашев 2015].

Метафорическая модель⁵¹ «РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ – это БОРЬБА» в публичных речах внутренней и внешней адресации используется в контексте настоящего или будущего времени для обозначения предстоящих перед обществом задач – решения социально-экономических проблем. При этом ее употребление характерно прежде всего для выступлений перед национальной аудиторией, поскольку непосредственно сопряжено с *тактикой призыва*, являющейся отличительной чертой речей данного типа. С помощью лексем соответствующей семантики, служащих для описания боевых действий (*lucha, batalla, luchar, combatir, afrontar, vencer, hacer frente, derrotar* и пр.), формулируются стоящие перед обществом задачи и обозначаются главные цели (борьба с безработицей, коррупцией, неравенством, экономическим кризисом, пандемией):

*Todo ello es, a mi juicio, imprescindible para asegurar el progreso y la modernización de España y nos ayudará, sin duda, a **ganar la batalla** por la creación de empleo, que constituye hoy la principal preocupación de los españoles.*

*Все это, на мой взгляд, важно, чтобы обеспечить прогресс и модернизацию Испании и помочь **выиграть битву** за создание рабочих мест, что сегодня является главной причиной беспокойства для испанцев (19.06.2014, коронационная речь);*

*[...] **la lucha contra la corrupción** es un objetivo irrenunciable.*

*[...] **борьба с коррупцией** является одной из важных задач (24.12.2014, рождественское послание);*

---

⁵¹ Вслед за А.П. Чудиновым в настоящей диссертации под *метафорической моделью* понимается существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами (сферой-источником и сферой-мишенью), которую возможно представить определенной формулой: «X – это Y» [Чудинов 2001].

*Debemos **combatir la desigualdad** y trabajar por un modelo económico que favorezca la prosperidad compartida y proporcione oportunidades de empleo a los jóvenes...*

*Мы должны **бороться с неравенством** и работать над экономической моделью, которая способствовала бы всеобщему процветанию и предоставляла бы молодежи возможности трудоустройства... (20.09.2016, речь на 71-й Генеральной Ассамблее ООН);*

*Pero también es una crisis que **estamos combatiendo** y que vamos a **vencer** y a superar.*

*Но это также кризис, с которым **мы боремся** и который мы **победим** и преодолеем (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).*

Кроме того, метафора со сферой-источником ВОЙНА подразумевает разделение на «своих» («союзники») и «чужих» («враги») [Чудинов 2001]. Метафорическая модель «ИСПАНИЯ – это СОЮЗНИК/ДРУГ» характерна в первую очередь для речей внешней адресации, в которых монарх ставит перед собой задачу обозначить основные векторы внешнеполитического курса Испании. В роли «своих» выступают имеющие единые ценности и идеалы страны Европейского Союза:

*Saben bien todos en esta Asamblea que España ha sido y es un **sólido aliado** de Francia en esta empresa compartida.*

*Все в этой Ассамблее хорошо знают, что Испания была и остается **верным союзником** Франции в этом общем деле (03.06.2015, речь перед Национальной ассамблеей Франции);*

*Durante estos treinta años España ha demostrado ser un **socio constructivo**, en permanente compromiso con los valores y principios de la Unión, porque son los nuestros.*

*За эти тридцать лет Испания проявила себя в качестве **конструктивного партнера**, неизменно приверженного ценностям и принципам Европейского Союза, которыми также руководствуемся и мы (07.10.2015, речь перед Европарламентом);*

*Este Consejo, esta Asamblea, Señorías, tienen en España un **aliado**, un **amigo seguro** en la defensa de la democracia...*

*Совет Европы, Ассамблея, уважаемые господа, могут рассматривать Испанию в качестве **союзника, надежного друга** в вопросах защиты демократии... (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы).*

При этом в речах внутренней адресации метафорическая модель «ИСПАНИЯ/ЕВРОПА – это СОЮЗНИК/ДРУГ» также является продуктивной и выполняет такую же функцию (используется в контексте констатации приверженности общеевропейскому курсу):

*[...] es fundamental seguir avanzando junto a **nuestros socios europeos** en el fortalecimiento de una arquitectura europea de la Defensa, con el objetivo de mejorar la capacidad de respuesta ante situaciones de crisis...*

*[...] важно продолжать совместно с **нашими европейскими партнерами** добиваться прогресса в укреплении европейской оборонной архитектуры с целью повышения потенциала реагирования в кризисных ситуациях... (06.01.2019, речь по случаю Военной Пасхи);*

*Nuestro país, junto a **sus socios europeos**, quiere avanzar hacia una Europa cada vez más fuerte y unida que sea capaz de tomar decisiones de manera eficaz en cuestiones relativas a su seguridad y defensa.*

*Наша страна вместе со **своими европейскими партнерами** хочет двигаться ко все более сильной и единой Европе, способной принимать эффективные решения по вопросам, касающимся своей безопасности и обороны (06.01.2020, речь по случаю Военной Пасхи);*

*España ha destacado desde su incorporación a la Alianza como un **socio leal y comprometido**, tomando parte en los principales esfuerzos de la organización en estrecha colaboración con el resto de las 29 naciones que hoy integran la Alianza...*

*Испания с момента присоединения к Североатлантическому союзу проявила себя как **лояльный и преданный партнер**, принимая участие в основных миссиях организации в тесном сотрудничестве с другими 29 странами, которые сегодня составляют Североатлантический союз... (06.01.2020, там же).*

Как показывает исследование, метафоры со сферой-источником ВОЙНА в речах внутренней адресации употребляются преимущественно в контексте настоящего и будущего времени с целью констатации состояния, в котором находится общество, а также прямого призыва к активным действиям; в речах перед международным сообществом испанский монарх с помощью метафорической модели «РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ – это БОРЬБА» призывает не к прямым действиям, а к

взаимодействию/сотрудничеству, то есть объединению устремлений всех государств-участников, что, как и в случае метафорической модели «ИСПАНИЯ/ЕВРОПА – это СОЮЗНИК/ДРУГ», полностью согласуется со *стратегией презентации страны*.

Идея дома является наиважнейшей культурной доминантой в человеческом сознании, а исходная понятийная сфера ДОМ представляет собой широко используемый в политической речи источник «метафорической экспансии», поскольку дом и связанные с ним понятия (отчий дом, родительский дом, семейный очаг, семейный быт, строительство и обустройство дома) вызывают лишь положительные ассоциации. В частности, образ дома связывается с защитой от жизненных невзгод, семейный очаг – это символ фундаментальных нравственных ценностей, строительство дома обозначает динамику развития государства, планы на будущее, стремление улучшить существующее положение [Чудинов 2001]. В публичном дискурсе Филиппа VI метафора со сферой-источником ДОМ имеет несколько референтных реалий (Испания, Конституция, Парламент, Европейский Союз) и используется в контексте прошедшего (отсылка к прошлому опыту), настоящего (обозначение базовых ценностей в качестве основы сосуществования в рамках одной страны или в рамках ЕС) или будущего (призыв к продолжению «строительства» страны и Европы) времени.

В речах внутренней адресации отсылка к образу дома позволяет в первую очередь представить Испанию как стабильно развивающееся государство на основе единого фундамента, скрепленного общими политическими и моральными ценностями. Более того, метафорическая модель «ИСПАНИЯ – это НАШ ДОМ» приобретает особое значение в современном социально-политическом контексте (кризис института монархии, волнения в Каталонии 2017 г., структурные изменения общества

в результате миграционного притока) и является одной из базовых в публичном дискурсе современного испанского монарха:

*Esa generación, bajo su liderazgo y con el impulso protagonista del pueblo español, **construyó los cimientos de un edificio político** que logró superar diferencias que parecían insalvables, conseguir la reconciliación de los españoles, reconocer a España en su pluralidad y recuperar para nuestra Nación su lugar en el mundo.*

*То поколение под его [Хуана Карлоса I] руководством и благодаря поддержке испанского народа **заложило фундамент политического здания**, благодаря которому стало возможно разрешить разногласия, казавшиеся непреодолимыми, добиться примирения испанцев, признать плюрализм Испании и восстановить ее место в мире (19.06.2014, коронационная речь);*

*Así **hemos ido construyendo** la España de las últimas décadas.*

*Так мы **постепенно строили** Испанию на протяжении последних десятилетий (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

*Una España a la que no debemos renunciar, que debe ilusionar y motivarnos, y que **debemos seguir construyendo**, mejorándola, actualizándola, sobre la **base sólida** de los principios democráticos y los valores cívicos de respeto y de diálogo que **fundamentan** nuestra convivencia.*

*Испания, которой мы не должны пренебрегать, которая должна нас вдохновлять и мотивировать, которую **мы должны продолжать строить**, улучшить и делать более современной на **прочной основе** демократических принципов и гражданских ценностей уважения и диалога, являющихся **фундаментом** нашего мирного сосуществования (24.12.2017, рождественское послание);*

*Todos los proyectos necesitan unos **cimientos sólidos**, y la España de hoy los tiene...*

*Любому проекту необходим **прочный фундамент**, которым обладает современная Испания... (24.12.2018, рождественское послание).*

Метафорическая модель «КОНСТИТУЦИЯ – это ФУНДАМЕНТ ГОСУДАРСТВА» в обязательном порядке представлена в публичных выступлениях внутренней адресации поскольку монарх выступает в роли гаранта конституционного развития государства в современном социально-политическом контексте (в рамках информационно-интерпретационной стратегии):

*Para caminar por esa senda tenemos la **base** más firme con la que España ha contado en nuestra más reciente historia: **nuestra Constitución**...*

*Чтобы идти по этому пути, у нас есть самый прочный **фундамент**, на котором стоит Испания с недавних времен: **наша Конституция**... (03.02.2020, речь на открытии XIV сессии Парламента);*

*Una **Constitución** que todos tenemos el deber de respetar; y que, en nuestros días, es el **fundamento** de nuestra convivencia social y política...*

***Конституция**, которую мы все должны соблюдать, которая в наши дни является **фундаментом** нашего социального и политического сосуществования... (24.12.2020, рождественское послание);*

*La Constitución ha sido y es la **viga maestra** que ha favorecido nuestro progreso, la que ha sostenido nuestra convivencia democrática frente a las crisis, serias y graves de distinta naturaleza, que hemos vivido, y merece por ello respeto, reconocimiento y lealtad.*

*Конституция была и остается той **опорой**, которая способствовала нашему прогрессу, которая поддерживает наше демократическое сосуществование перед лицом серьезных и сложных кризисов различного характера, пережитые нами, и поэтому заслуживает уважения, признания и лояльности (24.12.2021, рождественское послание).*

В этой связи следует упомянуть и метафорическую модель «ПАРЛАМЕНТ – это ОБЩИЙ ДОМ», которая используется в речах внутренней адресации для подчеркивания роли и значения данного органа власти в современной Испании:

*Y deseo también manifestar mi profunda satisfacción personal por dirigirme a **esta institución** que es y debe ser, en todo momento, **la casa común** y **el lugar de encuentro** de los españoles.*

*И я также хочу выразить свое глубокое удовлетворение по случаю обращения к **этому институту**, который является и всегда должен быть **общим домом** и **местом встреч** для испанцев (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента).*

В речах внешней адресации в качестве реалии-референта общего дома может выступать Совет Европы:

*La democracia, los derechos humanos y el imperio de la ley, como acabo de resaltar, son los tres pilares sobre los que se funda el **Consejo de Europa**, **casa común** de todos los europeos.*

Демократия, права человека и верховенство закона, как я уже только что подчеркнул, являются тремя столпами, на которых зиждется Совет Европы, общий дом для всех европейцев (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы).

Метафорическая модель «ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ – это ФУНДАМЕНТ ЕВРОПЫ» характерна в большей степени для речей перед международным сообществом и фокусирует внимание аудитории на духовных ценностях, скрепляющих Европейский Союз, а ее использование объясняется необходимостью аксиологического осмысления сущности общественной жизни (обеспечение социальной справедливости и социального партнерства). Указанная модель употребляется преимущественно в контексте настоящего времени в рамках констатации приверженности Испании общепризнанным ценностям и идеалам (обозначение общих («своих») ценностей):

La identificación de unos nuevos objetivos nos lleva necesariamente a subrayar la importancia de los principios y valores que son el fundamento mismo de Europa: la libertad, la igualdad, la solidaridad, la dignidad de los hombres y mujeres, el pluralismo y la defensa de los derechos humanos son los fundamentos que nos definen como europeos.

Определение новых целей неизбежно заставляет нас подчеркнуть важность основополагающих для Европы принципов и ценностей: свобода, равенство, солидарность, достоинство мужчин и женщин, плюрализм и защита прав являются фундаментом, который определяет нас как европейцев (07.10.2015, речь перед Европарламентом);

Europa reconstruyó sus cimientos morales, políticos y jurídicos...

Европа восстановила свой духовный, политический и юридический фундамент... (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы).

Образ дома непосредственно сопряжен с идеей строительства, то есть созидательной деятельности и поэтапного развития на основе единого фундамента. В речах испанского монарха внешней и внутренней адресации используются (преимущественно в контексте долженствования с целью обозначить планы на будущее) метафорические модели «РАЗВИТИЕ

ГОСУДАРСТВА – это СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА», «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА», «ИБЕРО-АМЕРИКАНСКОЕ СООБЩЕСТВО – ЭТО СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕГО ДОМА», которые полностью соотносятся с *тактикой призыва*:

Pero, sobre todo, Señorías, hoy es un día en el que me gustaría que miráramos hacia adelante, hacia el futuro; hacia la España renovada que debemos seguir construyendo todos juntos...

Но прежде всего, уважаемые господа, сегодня мне бы хотелось, чтобы мы смотрели вперед, в будущее, в сторону обновленной Испании, которую нам следует продолжать всем вместе строить... (19.06.2014, коронационная речь);

*[...] nuestro deber es ayudar a **construir una Europa fuerte, unida y solidaria...***

*[...] наш долг – помочь **строить** сильную, единую и солидарную **Европу**... Nos interesa, porque también nos **fortalecerá** hacia dentro. Это нас интересует, потому что это также **укрепит** нас внутренне (19.06.2014, там же);*

Y sigamos construyendo todos juntos un proyecto que respete nuestra pluralidad y genere ilusión y confianza en el futuro.

И давайте все вместе продолжим строить проект, который бы уважал принципы нашего многообразия и породил бы энтузиазм и уверенность в завтрашнем дне. (24.12.2014, рождественское послание);

*Pero tenemos que seguir mirando hacia adelante **construyendo nuestro país, construyendo también Europa.***

*Но мы должны продолжать смотреть вперед, **строить нашу страну**, а также **строить Европу** (24.12.2016, рождественское послание);*

***Sigamos construyendo** en su ausencia, pero con su recuerdo, un país mejor para las próximas generaciones.*

Давайте продолжим строить без них, однако помня их, лучшую страну для последующих поколений (15.07.2021, речь памяти жертв коронавируса);

*Esta celebración de los 30 años de las Cumbres Iberoamericanas es, en primer lugar, una buena oportunidad para dar a conocer mejor lo realizado juntos durante tres décadas. Y también lo es para... reflexionar sobre el futuro de nuestra Comunidad Iberoamericana con el objeto de continuar impulsando su **construcción.***

Празднование 30-летней годовщины Иберо-американских саммитов – это, прежде всего, хорошая возможность лучше рассказать о том, что мы вместе сделали

на протяжении трех десятилетий. И также это возможность... подумать о будущем нашего Иbero-американского сообщества в целях продолжения его **строительства** (15.11.2021, речь на XXX Иbero-американском саммите).

При этом указанные метафорические модели используются в речах перед национальной и международной аудиторией в контексте прошедшего времени с целью *констатации достижений* демократической Испании и Европейского Союза:

*Europa se ha **construido** sobre la voluntad de sumar y no de restar; de aunar y no dividir; de saber compartir y ser solidarios.*

*Европа **строилась** на стремлении складывать, а не вычитать; объединять, а не разделять; умения делиться и быть солидарными (07.10.2015, речь перед Европарламентом);*

*Siempre he pensado que España es un país extraordinario, de una enorme riqueza y diversidad cultural, **construido** a lo largo de los siglos gracias al esfuerzo en muchas generaciones de españoles...*

*Я всегда знал, что Испания – это удивительная страна, которая отличается огромным культурным разнообразием, которая **строилась** на протяжении веков благодаря усилиям многих поколений испанцев... (24.12.2020, рождественское послание);*

*Por ello, su creación ha sido considerada como un auténtico acierto en la **construcción** y el desarrollo del sistema institucional de nuestro Estado social y democrático de Derecho.*

*Поэтому его создание считается подлинным успехом в **построении** и развитии институциональной системы нашего социального и демократического правового государства (21.09.2021, речь по случаю празднования 30-летия со дня основания Экономического и Социального Совета Испании).*

Метафора со сферой-источником ДОРОГА транслирует идею поступательного развития общества и мира в целом. Образ дороги в политической коммуникации связан прежде всего с описанием социальных и политических преобразований как движения вперед к лучшей жизни [Таджибова, Быкова 2018].

В королевских публичных речах внутренней адресации метафорическая модель «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – это ОБЩИЙ

ПУТЬ» отсылает преимущественно к идее достижения общих целей с учетом прошлого опыта. При этом с точки зрения временного контекста, с одной стороны, упоминается (а) опыт предыдущих поколений, а с другой стороны, обозначаются (б) цели на будущее (в рамках *тактики указания на путь решения проблем*):

(a) *Hace casi cuarenta años, los españoles fueron capaces de unirse para iniciar juntos un nuevo camino en nuestra historia: el camino de la reconciliación; el de la paz y el perdón; el camino de la desaparición para siempre del odio, de la violencia, de la imposición...*

Почти сорок лет назад испанцы смогли объединиться, чтобы вместе начать новый путь в нашей истории: путь примирения; путь мира и прощения; путь, в котором нет места ненависти, насилию, навязывания воли... (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);

Nuestro recorrido en la historia más reciente no ha estado exento de dificultades.

Наш путь в новейшей истории не был лишен трудностей (там же);

(б) *Y sabemos además que tenemos que seguir caminando...*

И мы также знаем, что мы должны продолжать идти вперед... (24.12.2015, рождественское послание);

Y así debemos seguir ese camino, con serenidad y con determinación. En ese camino, en esa España mejor que todos deseamos, estará también Cataluña.

И так мы должны спокойно и уверенно следовать по этому пути. На этом пути к лучшей Испании, которую мы все хотим видеть, также будет Каталония (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

Si seguimos por ese camino, si lo hacemos así, y con todas nuestras energías, yo estoy convencido de que el año que viene –y los que vendrán después– serán mucho mejores.

Если мы продолжим идти по этому пути, если мы будем это делать со всей нашей энергией, я уверен, что последующие годы будут намного лучше (24.12.2017, рождественское послание).

В королевских публичных речах внешней адресации метафорическая модель «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это ОБЩИЙ ПУТЬ» реализуется в основном в контексте прошедшего (*констатация совместных достижений в рамках информационно-интерпретационной стратегии*) либо будущего времени (*призыв к совместной деятельности в рамках агитационной*

стратегии). Примечательно, что в примере (2) метафорические модели «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это ОБЩИЙ ПУТЬ» и «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА» употребляются в рамках *тактики обещания*:

(1) *Contamos para ello con el Consejo de Europa y con esta Asamblea, que han sido y son un faro esencial de este recorrido.*

Для этого у нас есть Совет Европы и Парламентская Ассамблея, которые были и продолжают являться необходимым маяком на этом пути (27.04.2017, речь перед Парламентской Ассамблеей Совета Европы);

(2) *Europa la construimos entre todos, día a día. Desde aquí, desde España y desde esta tierra extremeña, seguimos y seguiremos empeñados en ello, en lograr una verdadera Europa de y para los ciudadanos, para que siga siendo faro y luz de cultura y espacio de libertad, igualdad y paz.*

Мы все строим Европу изо дня в день. Отсюда, из Испании, из региона Эстремадура мы продолжаем и будем продолжать это делать, чтобы построить настоящую Европу как сообщество граждан, предназначенное для граждан, чтобы она продолжала быть маяком и светом культуры и пространством свободы, равенства и мира (09.05.2019, речь на церемонии вручении премии Карла V).

Еще одним из самых распространенных и продуктивных ресурсов языковой выразительности в политической коммуникации является метафора со сферой-источником ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА (*физиологическая* или *антропоморфная* метафора), что обусловлено стремлением описать реалии общественно-политической жизни по своему образу и подобию знакомыми категориями (в ее основе лежит олицетворение)⁵². Данная метафора используется в королевских речах внутренней и внешней адресации.

---

⁵² По словам А.П. Чудинова, создаваемая человеком метафорическая картина политического мира антропоцентрична: «как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками». По этим метафорам становится возможным воссоздание картины политической действительности [Чудинов 2001: 57].

В представленных ниже примерах образ сердца как самого важного органа был выбран неслучайно, поскольку переход от диктатуры к демократии ассоциируется со своеобразным возрождением страны, в то время как упоминание пульсации соотносится с жизнеспособностью общества. Примечательно, что в первом из указанных примеров прослеживается сочетание двух метафорических моделей в рамках одного смыслового единства («ИСПАНИЯ – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ» и «ИСПАНИЯ – это СОЮЗНИК/ДРУГ»):

(1) *Hace 40 años, el corazón democrático de España acompasó su latido con el corazón de Europa...*

40 лет назад демократическое сердце Испании забило в унисон с сердцем Европы... (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы);

(2) *Hemos sentido el pulso de nuestra sociedad que, pese a todo, ha mantenido a España en pie.*

Мы почувствовали пульс нашего общества, которое, несмотря ни на что, помогло Испании выстоять (24.12.2020, рождественское послание).

В речах испанского монарха перед национальной аудиторией метафорическая модель «ПАРЛАМЕНТ – это СЕРДЦЕ ИСПАНИИ» (наряду с рассмотренной ранее метафорической моделью «ПАРЛАМЕНТ – это ОБЩИЙ ДОМ») используется в первую очередь в контексте настоящего времени с целью подчеркнуть ключевую роль данного органа власти:

Así pues, Señorías, llega nuevamente la hora del Parlamento como corazón de nuestro sistema democrático...

Итак, господа, снова пришло время Парламента, являющегося сердцем нашей демократической системы... (03.02.2020, речь на открытии XIV сессии Парламента).

Широкое распространение в агитационно-политической речи получила также метафора со сферой-источником ЗДОРОВЬЕ, с помощью которой в основном описываются сбои в нормальном функционировании

общественной жизни⁵³. Ее использование обусловлено прежде всего желанием вызвать у адресата негативные ассоциации по отношению к идее или образу/референту, на которое переносится метафорическое значение слова [Чудинов 2001; Телешева 2006]. При этом оратор прежде всего продвигает свои представления о неправильности и недопустимости существующего положения. В частности, метафорические модели «КОРРУПЦИЯ/ТЕРРОРИЗМ/ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ – это ЯЗВА» используются преимущественно в королевских речах внутренней адресации исключительно в негативном контексте и ярко описывают все еще существующие в современном испанском обществе явления:

*[...] la **corrupción**... tiene que llegar a ser un triste recuerdo de una **lacra** que hemos de vencer y superar.*

*[...] **коррупция**... должна стать печальным воспоминанием о **язве**, которую мы должны победить и преодолеть (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);*

*El **terrorismo** ataca sin escrúpulo alguno en cualquier lugar... Por ello, no debemos escatimar esfuerzos por aumentar nuestra capacidad de prevención y de respuesta ante esta **lacra** que pone en peligro nuestra sociedad...*

***Терроризм** беспринципно атакует в любом месте... Поэтому мы не должны жалеть усилий, чтобы увеличить нашу способность предотвращать и реагировать на эту **язву**, которая угрожает нашему обществу... (06.01.2017, речь по случаю Военной Пасхи);*

*Tenemos otras muchas preocupaciones –desde luego– pero esta noche no quiero olvidarme de las mujeres que, en un silencio tantas veces impuesto por el miedo sufren la **violencia de género**. Una **lacra** inadmisibile que nos hiere en nuestros sentimientos más profundos y nos avergüenza e indigna.*

*У нас, безусловно, есть много других забот, но сегодня я хочу вспомнить о женщинах, которые в молчании, столь часто навязанном страхом, подвергаются **гендерному насилию**. Эта вопиющая **язва**, которая задевает наши самые глубокие чувства, заставляет нас стыдиться и вызывает возмущение (24.12.2017, рождественское послание).*

---

⁵³ По А.П. Чудинову, метафора со сферой-источником ЗДОРОВЬЕ отсылает к «ранам и болезням общества» [Чудинов 2001].

Метафорическая модель «РАБОТА ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ – это ПОКАЗАТЕЛЬ ЗДОРОВЬЯ ЕВРОПЫ» в королевских речах внешней адресации, наоборот, задает положительный тон сообщению и в приведенном ниже примере используется одновременно с *механистической* метафорой «ПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ – МОТОР ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЫ»):

*Gracias a esos cimientos, esta institución es el **motor** que promueve, vela e impulsa los valores democráticos por caminos que recorren el continente. Y su vitalidad es un **termómetro de la salud** de la Europa cívica y democrática.*

*Благодаря этому фундаменту, данное учреждение является **мотором**, который продвигает, охраняет и развивает демократические ценности на дорогах нашего континента. И его жизнеспособность – своеобразный **термометр** здоровья гражданской и демократической Европы (27.04.2017, речь на Парламентской Ассамблее Совета Европы).*

У метафоры со сферой-источником ЗДОРОВЬЕ, встречающейся преимущественно в королевских речах внутренней адресации, есть также потенциал для создания положительного образа описываемого субъекта при указании на возможность его «выздоровления» в целях трансляции обществу чувства уверенности в лучшем будущем:

*La honestidad de los servidores públicos es un pilar básico de nuestra convivencia en **una España que todos queremos sana, limpia.***

*Честность государственных служащих – это основа нашего сосуществования в **здоровой и чистой Испании** (25.12.2014, рождественское послание);*

*España **recuperará su pulso**, su vitalidad, su fuerza.*

*Испания **восстановит свой пульс**, свою жизненную энергию, свою силу (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).*

Как показывает исследование, в целом обозначение проблем общественной жизни и постановка политических задач в публичном дискурсе современного испанского монарха реализуется за счет традиционных для политической коммуникации метафор со сферой-источником ВОЙНА, ДОРОГА, ДОМ, ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА и ЗДОРОВЬЕ. В

королевских речах внутренней адресации преимущественно используются метафоры со сферой-источником ВОЙНА, ДОРОГА и СТРОИТЕЛЬСТВО, что связано с преследуемыми оратором задачами – указать на проблемность ситуации (метафора со сферой-источником ВОЙНА) и обозначить векторы развития (метафоры со сферой-источником ДОРОГА и СТРОИТЕЛЬСТВО) в контексте *тактики призыва* к активным действиям. Указанные метафоры служат вспомогательными инструментами для *агитационной* (*тактика призыва*) и *информационно-интерпретационной стратегий* (*тактики признания существования проблемы и указания на путь решения проблемы*) и являются неотъемлемой чертой выступлений перед национальной аудиторией в силу необходимости закрепления в сознании сограждан ярких и однозначных образов реалий общественно-политической действительности в стране. Основными референтными реалиями в речах внутренней адресации являются Конституция и Парламент как основы государственности. С точки зрения прагматики метафоры выполняют *прагматическую* (влияние на сознание аудитории с помощью активного продвижения идей), *инструментальную* (формирование позитивных или негативных представлений об описываемых явлениях общественно-политической и экономической жизни), *моделирующую* (внесение изменений в существующую у адресата картину мира) и *популяризаторскую* (описание явлений общественно-политической жизни доступным для широкой аудитории языком) функции⁵⁴.

В королевских речах внешней адресации преимущественно встречаются метафоры со сферой-источником ДОРОГА и СТРОИТЕЛЬСТВО, используемые в контексте *тактики призыва* (призыв к международному сотрудничеству в решении глобальных проблем) в рамках *декларативной стратегии*, а также метафорическая модель «ИСПАНИЯ –

---

⁵⁴ Типология функций представлена по А.П. Чудинову [Чудинов 2001].

это СОЮЗНИК/ДРУГ», соответствующая *стратегии презентации страны*. Основными референтными реалиями в речах перед мировым сообществом являются Совет Европы и Парламентская Ассамблея как основные органы управления в рамках Евросоюза. *С точки зрения прагматики* метафоры в данном типе выступлений в первую очередь выполняют *моделирующую* (конструирование положительного имиджа Испании на мировой арене) и *популяризаторскую* (информирование о позиции руководства страны) функции.

4.2. Лексический повтор в публичном дискурсе испанского монарха

Лексический повтор является неотъемлемой чертой устной речи, необходимой для обеспечения усвоения информации адресатом, и эффективным риторическим средством воздействия на аудиторию, реализующимся на разных уровнях языка [Уржумцева 2009]. Кроме того, немаловажная роль принадлежит ему в реализации *суггестивной функции* политического дискурса [Симонян 2005]. Значимость лексического повтора в данном случае связана с общим усилительно-выделительным эффектом, возникающим при повторе любых языковых единиц, и в особенности единиц плана содержания. Как отмечалось ранее, лексические повторы можно разделить на две группы: *тавтологические повторы* (неоднократное употребление одних и тех же языковых единиц) и *языковые единицы, имеющие семантическую общность* при различиях в плане выражения (*семантическая эквивалентность*) [Афанасенко 2006; Никашина, Попова 2015]. При этом «повторение одного слова в тексте, как правило, не означает механического повторения одного и того же понятия», а свидетельствует о «более сложном, но едином содержании» [Лотман 1970: 79]. В русле лингвопрагматического анализа *суггестивная функция* повтора (в терминологии А.А. Симонян) приобретает особую значимость в публичном

дискурсе испанского монарха Филиппа VI: с помощью повторения языковых единиц происходит внедрение в общественное сознание необходимых оратору идей (идея единства, идея равенства, идея сотрудничества, идея солидарности и пр.).

В настоящем исследовании лексический повтор рассматривается в нескольких ракурсах с точки зрения: *семантики повторяющихся элементов*; *синтаксического оформления предложений* (в качестве элементов параллельных или парцеллированных конструкций); *прагматики высказывания* (см. Табл. 5).

Табл. 5. Виды повтора в публичных речах испанского монарха

Критерии рассмотрения повтора	Виды повторяющихся элементов
<i>Семантика повторяющихся лексем</i>	<ul style="list-style-type: none"> <i>а) идеологемы</i> <i>б) дескриптивные и оценочные прилагательные</i> <i>в) местоимения интегративной семантики</i> <i>г) эмотивные лексемы</i>
<i>Синтаксический макроконтекст</i>	<ul style="list-style-type: none"> <i>а) повторы в составе параллельных конструкций</i> <i>б) повторы в составе анафорических конструкций</i> <i>в) повторы в составе парцеллированных конструкций</i>
<i>Прагматический контекст</i>	<ul style="list-style-type: none"> <i>а) повторы, выполняющие функцию расширения образа реалии-референта (информативная функция)</i> <i>б) повторы, выполняющие функцию презентации различных граней образа реалии-референта (репрезентативная функция)</i> <i>в) повторы, выполняющие функцию интенсификации эмоционального участия говорящего в состоянии собеседника (контактоустанавливающая функция)</i>

С точки зрения семантики повторяющихся элементов в публичном дискурсе Филиппа VI встречаются повторы (а) идеологем,

(б) дескриптивных и оценочных прилагательных⁵⁵, (в) местоимений интегративной семантики и (г) эмотивных лексем⁵⁶.

В речах испанского монарха перед национальной аудиторией особое значение приобретают *тавтологические (полные) повторы идеологем, отражающих государственное устройство (Constitución, democracia, Estado de Derecho)*, и *идеологем интегративной семантики (convivencia⁵⁷, unidad)*, непосредственно связанные с *аргументативной стратегией* (оратор стремится аргументированно представить важную для аудитории информацию):

*Respetar y preservar los principios y valores de nuestro Estado social y democrático de Derecho es imprescindible para garantizar una **convivencia** que asegure “la libertad, la igualdad, la justicia y el pluralismo político”, tal y como señala nuestra Constitución. Porque cuando estos principios básicos se quiebran, la **convivencia** primero se deteriora y luego se hace inviable.*

*Уважение и сохранение принципов и ценностей нашего социального и демократического правового государства необходимы для гарантии **существования**, которое гарантирует «свободу, равенство, справедливость и политический плюрализм», как гласит наша Конституция. Потому что, когда эти основные принципы нарушаются, **существование** сначала ослабевает, а затем становится нежизнеспособным (24.12.2017, рождественское послание);*

---

⁵⁵ В настоящем исследовании используется предложенная Е.М. Вольф классификация значений прилагательных, которые могут быть *дескриптивными* (если речь идет об описании признаков или свойств предметов) либо *оценочными* (если речь идет не о свойствах самих предметов, а о признаках, которые им приписывает субъект оценки). Дескриптивные прилагательные не содержат никакой оценки (например, *государственный, конституционный* и пр.) и включают в себя большинство относительных прилагательных. Собственно оценочные прилагательные обозначают только оценку со знаком «+» («хорошо») или «-» («плохо») в той или иной мере интенсификации и/или эффективности (например, *отличный, великолепный, плохой, скверный, ужасный* и пр.) [Вольф 1985].

⁵⁶ Под *эмотивными лексемами* (эмотивами) подразумеваются способы обозначения эмоций, эмоциональных состояний и их проявлений [Нигматуллина 2018].

⁵⁷ Данная идеологема имеет особое значение в условиях существования многонационального и многокультурного испанского социума, поэтому обязательно присутствует в каждом рождественском послании монарха.

*En un tiempo en el que la pandemia y sus consecuencias económicas y sociales provocan tanta incertidumbre, nuestra **Constitución** nos garantiza nuestro modo de entender la vida.... Una **Constitución** que todos tenemos el deber de respetar...*

*Когда пандемия и ее экономические и социальные последствия являются причиной неопределенности, наша **Конституция** гарантирует нам наш способ понимания жизни... **Конституция**, которую мы все обязаны уважать... (24.12.2020, рождественское послание).*

Имя прилагательное является релевантным компонентом политического дискурса, поскольку выполняет миромоделирующую и суггестивную функции, давая характеристику событиям, их участникам или явлениям и таким образом формируя определенное отношение к ним. Способность к семантическому варьированию и выражению оценочных характеристик позволяют ему служить оптимальным средством реализации прагматической интенции оратора [Вольф 1985; Ковалева 2008]. Прилагательные в королевских публичных речах внутренней адресации подразделяются на две разновидности, каждая из которых в свою очередь имеет два подвида (см. Табл. 6).

Табл. 6. Повтор прилагательных в публичных речах испанского монарха

<u>дескриптивные</u>	<i>a) прилагательные, характеризующие основы государственности (democrático, constitucional)</i>	<i>Пример 1</i>
	<i>б) прилагательные, обозначающие новый этап развития страны (nuevo, renovado, renovador)</i>	<i>Пример 2 Пример 3</i>
<u>оценочные</u>	<i>в) прилагательные, описывающие образ нации (gran, extraordinario)</i>	<i>Пример 4 Пример 5</i>
	<i>г) прилагательные, транслирующие проблемность ситуации (grave, complejo, complicado, difícil)</i>	<i>Пример 6 Пример 7</i>

Пример 1

*[...] quiero reiterarles que desde hace décadas vivimos en un Estado **democrático** que ofrece las vías **constitucionales** para que cualquier persona pueda defender sus ideas dentro del respeto a la ley. Porque, como todos sabemos, sin ese respeto no hay convivencia **democrática***

*posible en paz y libertad, ni en Cataluña, ni en el resto de España, ni en ningún lugar del mundo. En la España **constitucional** y **democrática**, saben bien que tienen un espacio de concordia y de encuentro con todos sus conciudadanos.*

*[...] я хочу повторить, что на протяжении десятилетий мы жили в **демократическом** государстве, которое предлагает **конституционные** способы защиты своих идей в рамках закона. Потому что, как все мы знаем, без этого уважения невозможно **демократическое** сосуществование в условиях мира и свободы ни в Каталонии, ни в остальной части Испании, ни где-либо в мире. В **конституционной** и **демократической** Испании они хорошо знают, что у них есть возможность гармоничного и мирного сосуществования со всеми своими согражданами (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);*

Пример 2

*Éstas son, Señorías, mis convicciones sobre la Corona que, desde hoy, encarno: una Monarquía **renovada** para un tiempo **nuevo**. Y afronto mi tarea con energía, con ilusión y con el espíritu abierto y **renovador** que inspira a los hombres y mujeres de mi generación. [...] Pero sobre todo, Señorías, hoy es un día en el que me gustaría que miráramos hacia adelante, hacia el futuro; hacia la España **renovada** que debemos seguir construyendo todos juntos al comenzar este **nuevo** reinado.*

*Таковыми, уважаемые господа, являются мои убеждения в отношении института монархии, который с сегодняшнего дня я воплощаю: **обновленная** монархия для **нового** времени. И я подхожу к выполнению своих обязанностей с энергией, с энтузиазмом и в рамках открытого и **обновленного** подхода, который вдохновляет мужчин и женщин моего поколения. [...] Но прежде всего, уважаемые господа, сегодня день, когда я хотел бы, чтобы мы смотрели вперед, в будущее; в сторону **обновленной** Испании, которую мы должны продолжать строить вместе с самого начала **нового** правления (19.06.2014, коронационная речь);*

Пример 3

*De esas bases fundacionales nacía una **nueva** España, un **nuevo** Estado, diferente de los anteriores y que rompía con el pasado.*

*На основе этих фундаментальных принципов родилась **новая** Испания, **новое** государство, отличное от предыдущих и порвавшее связь с прошлым (06.12.2018, речь по случаю 40-летия принятия Конституции);*

Пример 4

*Señorías, tenemos un **gran** País; Somos una **gran** Nación...*

*Уважаемые господа, мы – великая страна, мы – **великая** нация... (19.06.2014, коронационная речь);*

Пример 5

*Porque España es un **gran** país; un **gran** pueblo que no se rinde ante las dificultades.*

*Потому что Испания – это **великая** страна, **великий** народ, который не сдается перед сложностями (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса);*

Пример 6

*Son momentos **difíciles**, pero los superaremos. Son momentos **complejos**, pero saldremos adelante.*

Сейчас тяжелые времена, но мы их преодолеем. Сейчас сложные времена, но мы сможем идти вперед (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса)⁵⁸;

Пример 7

*A lo largo de los años hemos pasado por situaciones muy **difíciles**, muy **graves**; pero, como las anteriores, esta también la superaremos.*

*На протяжении этих лет мы пережили **сложные**, очень **тяжелые** ситуации; однако, как и ранее, этот кризис мы также преодолеем (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).*

В примерах 6 и 7 наблюдается явление *семантической эквивалентности (частичные повторы)*, непосредственно связанное с *тактикой признания существования проблемы* и трансляцией их эмоционального восприятия.

Таким образом, повтор дескриптивных и оценочных прилагательных в публичном дискурсе испанского монарха обусловлен необходимостью обозначения релевантных для социума явлений. При этом данный троп также может служить вспомогательным средством реализации **информационно-интерпретационной стратегии** или **стратегии формирования эмоционального настроения**.

---

⁵⁸ В приведенном примере семантические повторы являются также частью анафорической параллельной конструкции.

Еще одним повторяющимся элементом могут выступать местоимения интегративной семантики⁵⁹ (*todos, nuestro, nosotros*), которые в королевских речах внутренней адресации подчеркивают идею коллективных усилий и ответственности для достижения общих целей и связаны в первую очередь с *тактикой единения* в рамках **стратегии формирования эмоционального настроения адресата**⁶⁰:

Una España, en fin, que es de todos, construida por todos, y sentida y compartida por todos.

Испания, которая принадлежит всем, построена всеми, ощущается и разделяется всеми (06.12.2018, речь по случаю 40-летия принятия Конституции);

Recuperaremos la normalidad de nuestra convivencia, la vida en nuestras calles, en nuestros pueblos y ciudades; la economía, los puestos de trabajo, nuestras empresas, nuestros comercios, nuestros talleres...

Мы восстановим нормальный ритм нашего сосуществования, жизнь на наших улицах, в наших городах и селах; экономику, рабочие места, наши компании, наши магазины, наши мастерские... (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса);

El virus [...] ha alterado nuestra manera de vivir y trabajar, y ha afectado gravemente a nuestra economía...

Вирус [...] изменил наш стиль жизни и работы, серьезно повлиял на нашу экономику... (25.12.2020, рождественское послание).

Кроме того, в королевских речах внутренней адресации в роли повторяющихся элементов могут также выступать используемые как средство реализации **стратегии формирования эмоционального настроения адресата** лексемы-эмотивы негативной коннотации, передающие чувства грусти, отчаяния, озабоченности, страха, неопределенности (*angustia*,

---

⁵⁹ В качестве повторяющихся элементов выступают различные с точки зрения морфологии местоимения: *todos* – неопределенное местоимение, *nuestro* – притяжательное местоимение (в испанской терминологии – местоимение-прилагательное), *nosotros* – личное местоимение.

⁶⁰ В рождественском послании 2020 г. *nuestro* употребляется 38 раз, *todos* – 12 раз, *nosotros* – 2 раза (общее количество слов – 1697); в рождественском послании 2021 г. *nuestro* употребляется 32 раза, *todos* – 6 раз, *nosotros* – 1 раз (общее количество слов – 1554).

desánimo, tristeza, preocupación, temor, incertidumbre), которые в современном социально-политическом контексте позволяют оратору проявить сочувствие и сопереживание согражданам:

*Muchos ciudadanos y familias vivís la **angustia** del desempleo o la precariedad; la **angustia** de apenas llegar a cubrir las necesidades básicas; o sentís la **tristeza** de tener que abandonar un negocio al que habéis dedicado vuestra vida. Por todo ello es lógico y comprensible que el **desánimo** o la desconfianza estén muy presentes en tantos hogares. Y sin embargo, la respuesta a una crisis tan seria como la que estamos viviendo no puede venir de la mano de más desánimo o de más desconfianza.*

*Многие граждане и семьи испытывают **тревогу** из-за безработицы или нестабильности, **тревогу** по поводу того, что едва удовлетворяются ваши базовые потребности, или **грусть** в связи с необходимостью оставить дело, которому вы посвятили свою жизнь. При всем этом логично и понятно, что **уныние** или **недоверие** присутствуют во многих семьях. И все же ответ на такой серьезный кризис, который мы переживаем, не может идти рука об руку с **унынием** и **недоверием** (24.12.2020, рождественское послание).*

С точки зрения синтаксической природы макроконтекста лексический повтор в публичных речах испанского монарха реализуется в (а) параллельных (за счет дистантного повтора), (б) анафорических (за счет дистантного повтора) и (в) парцеллированных (за счет контактного повтора) конструкциях (см. Табл. 5).

Дистантные повторы (в приведенных ниже примерах) являются средством реализации параллельных конструкций (зачастую в роли распространяющих их элементов выступают придаточные определительные) и характерны для королевских речей внутренней адресации, допускающих активное использование сложных (сложноподчиненных) распространенных предложений:

*(a) Aspiramos a **una España** en la que se puedan alcanzar acuerdos entre las fuerzas políticas sobre las materias y en los momentos en que así lo aconseje el interés general. [...] Deseamos **una España** en la que los ciudadanos recuperen y mantengan la confianza en sus instituciones y una sociedad basada en el civismo y en la tolerancia, en la honestidad y en el*

*rigor, siempre con una mentalidad abierta y constructiva y con un espíritu solidario. Y deseamos, en fin, **una España** en la que no se rompan nunca los puentes del entendimiento...*

*Мы стремимся к такой **Испании**, в которой могут достигаться соглашения между политическими силами по различным вопросам и во времена, когда этого требуют общие интересы. [...] Мы хотим видеть **Испанию**, в которой граждане восстановят и сохранят доверие к ее институтам, видеть общество, основанное на гражданской ответственности и терпимости, на честности и строгом выполнении законов, с широкими взглядами и конструктивным мышлением, объединенное духом солидарности. И, наконец, мы желаем видеть **Испанию**, в которой никогда не разрушаются мосты взаимопонимания... (19.06.2014, коронационная речь).*

*(б) Nuestra Constitución es la culminación de un **proceso** que supone el mayor éxito político de la España contemporánea. Un **proceso** del que todos podemos sentirnos auténticamente orgullosos porque en el **espíritu**, en los **valores** y en los **ideales** que inspiró este periodo de nuestra historia se encuentra la mejor España. Y ese **espíritu**, esos **valores** y esos **ideales**, no podemos ni olvidarlos ni desvirtuarlos...*

*Наша Конституция является кульминацией **процесса**, который представляет собой величайший политический успех современной Испании. **Процесса**, которым мы все можем поистине гордиться, потому что лучшая версия Испании основана на **духе времени, ценностях и идеалах**, которые вдохновляли этот период нашей истории. И этот **дух времени**, эти **ценности** и эти **идеалы** мы не можем ни забыть, ни исказить... (06.12.2018, речь по случаю 40-летия принятия Конституции);*

*(в) No olvidemos que los avances y el progreso conseguidos en democracia son el **resultado** del reencuentro y el pacto entre los españoles después de un largo período de enfrentamientos y divisiones. Son el **resultado** de querer mirar juntos hacia el futuro, **unidos** en los valores democráticos; **unidos** en un espíritu siempre integrador, en el respeto a la pluralidad y a las diferencias, y en la capacidad de dialogar y alcanzar acuerdos.*

*Не будем забывать, что успехи и прогресс, достигнутые в области демократии, являются **результатом** воссоединения и примирения между испанцами после длительного периода конфронтации и разногласий. Они являются **результатом** желания испанцев вместе смотреть в будущее, **объединенных** демократическими ценностями, **объединенных** духом единства, уважения плюрализма и различий, а также способностью вести диалог и достигать согласия (24.12.2020, рождественское послание).*

Таким образом, прагматическая цель дистантного повтора заключается в конструировании детализированных образов объектов или явлений с помощью распространяющих их атрибутивных элементов (придаточных определительных или прилагательных).

Кроме того, повторы могут использоваться в составе *анафорических конструкций* (повторение начальных элементов в параллельных отрезках речи), более частотных в речах монарха внутренней адресации:

Un diálogo que debe ser sincero y leal... Un diálogo que se vea fortalecido e impulsado por el espíritu fraternal entre todos los españoles.

Диалог, который должен быть честным и искренним... Диалог, который должен быть подкреплён чувством братского единства всех испанцев (17.11.2016, речь на открытии XII сессии Парламента);

Una sociedad que ha experimentado una transformación muy profunda... Una sociedad que ha hecho frente –y ha superado– situaciones muy difíciles con una serenidad y entereza admirables, demostrando una gran resistencia y madurez. Una sociedad, en fin, emprendedora y generosa, que desarrolla una gran creatividad y un liderazgo indiscutible en muchos campos...

Общество, которое претерпело очень глубокую трансформацию... Общество, которое столкнулось – и преодолело – очень сложные ситуации с похвальным спокойствием и стойкостью, проявив большое сопротивление и зрелость. Общество, предприимчивое и щедрое, которое развивает большие творческие способности и беспорное лидерство во многих областях... (24.12.2019, рождественское послание).

Парцеллированные конструкции создаются за счет *контактных повторов*, которые образуют с точки зрения риторики анадиплозис (повторение элементов на границе двух речевых единиц), также характерных в первую очередь для публичных речей внутренней адресации:

(1) *Y me gustaría insistir esta noche también en la necesidad de que cuidemos y mejoremos en todo momento nuestra **convivencia**. Y la **convivencia** exige siempre, y ante todo, respeto.*

*Я бы хотел в эту рождественскую ночь также подчеркнуть, что нам необходимо постоянно заботиться о нашем **мирном сосуществовании** и улучшать его. А **мирное сосуществование** всегда требует в первую очередь уважения (24.12.2016, рождественское послание);*

*(2) Permítanme comenzar expresándoles el gran honor que es para mí dirigirme a sus señorías y a todos ustedes en este acto conmemorativo del 40 aniversario de nuestra **Constitución**. Una **Constitución** cuya celebración merece el mayor reconocimiento de todas las instituciones del Estado...*

*Позвольте мне для начала сказать, что для меня является большой честью обратиться к многоуважаемым членам двух Палат и ко всем участникам этого памятного мероприятия, посвященного празднованию 40-летию нашей **Конституции**. **Конституции**, принятие которой заслуживает высочайшего признания всех государственных институтов (06.12.2018, речь по случаю празднования 40-летия принятия Конституции);*

*(3) Nos va a hacer más fuertes como **sociedad**; una **sociedad** más comprometida, más solidaria, más unida.*

*Мы станем более сильным **обществом**; **обществом** более ответственным, солидарным и сплоченным (18.03.2020, речь в связи с пандемией коронавируса).*

Контактные повторы могут также являться составной частью хиазматических конструкций⁶¹ (риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов с целью обозначения ключевых слов сообщения). В приведенном ниже примере наречие интегративной семантики *juntos* (наряду с метафорической моделью «ИСПАНИЯ – это НАШ ДОМ») является инструментом реализации *тактики единения*:

*Es mucho, así pues, lo que hemos construido **juntos**, lo que **juntos** hemos avanzado.*

*Мы многое построили **вместе**, **вместе** мы многого достигли (24.12.2019, рождественское послание).*

---

⁶¹ В некоторых работах встречается термин «подхват» [Уржумцева 2009; Никашина, Попова 2015].

Кроме того, возможен вариант совмещения парцелляции и параллелизма в рамках одного смыслового единства (сочетание контактных и дистантных повторов):

*Y me gustaría insistir esta noche también en la necesidad de que cuidemos y mejoremos en todo momento **nuestra convivencia**. Y la **convivencia** exige siempre, y ante todo, **respeto**. **Respeto y consideración** a los demás, a los mayores, entre hombres y mujeres, en los colegios, en el ámbito laboral; **respeto** al entorno natural que compartimos y que nos sustenta. **Respeto y consideración** también a las ideas distintas a las nuestras.*

*В эту рождественскую ночь мне хочется также подчеркнуть необходимость постоянного следования принципам **мирного сосуществования**. А **мирное сосуществование** прежде всего требует **уважения**. **Уважения** к окружающим, к старшим, между мужчиной и женщиной, в школе, на работе; **уважения** к окружающей среде, которая обеспечивает наше существование. **Уважения и признания** идей, отличных от наших (24.12.2016, рождественское послание).*

Таким образом, при дву- или трехкратном употреблении повторяемая лексема сопровождается распространяющими ее элементами. При этом основная прагматическая цель повтора (контактного и дистантного) в рамках парцеллированных, анафорических и параллельных конструкций заключается в более детальном представлении адресату важной для оратора информации.

С точки зрения *прагматики высказывания* повторы служат для а) *расширения функционального образа реалии-референта* (информативная функция); б) *презентации различных граней образа реалии-референта* (репрезентативная функция); в) *интенсификации эмоционального участия говорящего в состоянии собеседника* (контактоустанавливающая функция) (см. Табл. 5).

В публичных речах внутренней адресации повторы, использующиеся для *расширения функционального образа реалии-референта*, являются средством реализации **стратегии самопрезентации**, при этом в качестве распространяющих данный образ элементов выступают прилагательные и

придаточные определительные, которые представляют функции современного монарха:

*[...] comienza el reinado de un **Rey constitucional**. Un **Rey que accede a la primera magistratura del Estado de acuerdo con una Constitución que fue refrendada por los españoles y que es nuestra norma suprema desde hace ya más de 35 años. Un Rey que debe atenerse al ejercicio de las funciones que constitucionalmente le han sido encomendadas y, por ello, ser símbolo de la unidad y permanencia del Estado, asumir su más alta representación y arbitrar y moderar el funcionamiento regular de las instituciones. Un Rey, en fin, que ha de respetar también el principio de separación de poderes...***

[...] начинается правление конституционного короля. Короля, который приходит к верховной власти в соответствии с Конституцией, одобренной испанцами и являющейся нашим главным законом более 35 лет. Короля, который должен выполнять функции, возложенные на него Конституцией, быть символом единства и стабильности государства, быть верховным представителем власти, контролировать и регулировать функционирование институтов. Короля, который также должен уважать принцип разделения властей... (19.06.2014, коронационная речь).

Реалиями-референтами, чей образ получает функциональную детализацию в публичном дискурсе современного испанского монарха в рамках **информационно-интерпретационной стратегии** (тактика комментирования), могут также выступать Генеральные кортесы (нижняя палата Парламента Испании) или Конституция:

*Un acto solemne que supone el encuentro en las **Cortes Generales**, depositarias de la soberanía nacional en nuestra Monarquía Parlamentaria, entre los representantes del pueblo español y el Jefe del Estado... Unas **Cortes Generales**, aquí reunidas, que representan a todo el pueblo español...*

*Торжественный акт, предполагающий встречу в **Генеральных кортесах**, являющихся оплотом национального суверенитета в нашей парламентской монархии, встречу представителей испанского народа и главы государства... Собравшиеся здесь **Генеральные кортесы** представляют весь испанский народ... (03.02.2020, речь на открытии XIV сессии Парламента);*

*Para caminar por esa senda tenemos la base más firme con la que España ha contado en nuestra más reciente historia: nuestra **Constitución**, que ha sido el lugar de encuentro de*

*todos los españoles, de diferentes modos de entender y sentir España, con una inequívoca vocación integradora e incluyente a la vez que respetuosa con nuestra pluralidad y diversidad territorial. Una **Constitución** que nació del diálogo y el acuerdo, y también para el diálogo y el acuerdo; que nació proyectándose hacia el futuro como un marco político pactado y compartido para el desarrollo de nuestra vida colectiva en plenitud democrática.*

*Чтобы идти по этому пути, мы имеем самую прочную основу за всю новейшую историю Испании: нашу **Конституцию**, которая стала местом встречи всех испанцев, по-разному понимавших и чувствовавших Испанию... **Конституцию**, которая появилась в результате диалога и согласия, а также ради диалога и согласия, которая появилась с проекцией на будущее в качестве согласованной и общей основы развития нашей коллективной жизни в зрелой демократии (03.02.2020, там же).*

Кроме того, в публичных речах внешней и внутренней адресации повторы служат для *презентации различных граней образа реалии-референта* (в качестве которой выступают страна и общество) и соотносятся со *стратегией презентации страны*. При этом распространяющие образ элементы (прилагательные и придаточные определительные) представляют его – преимущественно аксиологические – характеристики с целью их констатации:

*[...] contar **con una España leal y responsable** hacia el proyecto europeo; **con una España unida y orgullosa de su diversidad**; **con una España solidaria y respetuosa con el Estado de Derecho**.*

*[...] рассчитывать **на Испанию**, которая верна идеалам и несет ответственность перед европейским проектом; **на Испанию**, которая едина и гордится своим разнообразием; **на Испанию**, которая проявляет солидарность и уважает правовое государство (07.10.2015, речь перед Европарламентом);*

*Y todo ese gran cambio, todo ese gran salto sin precedentes en nuestra historia, ha sido posible gracias a una **España abierta y solidaria, no encerrada en sí misma**; una **España que reconoce y respeta nuestras diferencias, nuestra pluralidad y nuestra diversidad**...; una **España inspirada en una irrenunciable voluntad de concordia**.*

*И все эти великие изменения, весь этот великий беспрецедентный скачок в нашей истории стал возможен благодаря открытой и солидарной **Испании**, не замкнутой в себе; **Испании**, которая признает и уважает наши различия, наш плюрализм и наше*

разнообразии...; Испании, вдохновленной неизменной волей к гармонии (24.12.2017, рождественское послание);

*Hemos sentido el pulso de **nuestra sociedad** que, pese a todo, ha mantenido a España en pie. Los dos tenemos en nuestra memoria la imagen viva de esos miles de ciudadanos que representan a **una sociedad** que se ha sentido más unida que nunca en su lucha y resistencia frente a una situación tan adversa; **una sociedad** que cuenta con organizaciones solidarias y eficaces para que nadie se sienta solo o desamparado; **una sociedad** que ha sobrellevado estos meses tan duros con entereza, responsabilidad y serenidad. Contamos, por tanto, con **una sociedad fuerte** y también con un Estado sólido.*

*Мы почувствовали пульс **нашего общества**, которое, несмотря ни на что, позволяет Испании держаться на ногах. Королева и я храним в памяти живой образ тех тысяч граждан, представляющих **общество**, которое смогло, как никогда ранее, объединиться в борьбе и сопротивлении перед лицом такой неблагоприятной ситуации; **общество**, в котором есть эффективные функционирующие и помогающие другим организации, не позволяющие никому чувствовать себя одиноким или беспомощным; **общество**, которое выдержало эти тяжелые месяцы достойно, ответственно и спокойно. Соответственно, мы являемся частью **сильного общества**, а также мощного государства* (24.12.2020, рождественское послание).

В особо сложные для страны моменты возникает необходимость интенсификации эмоционального участия государственного лидера в жизни нации, что находит отражение в публичных речах внутренней адресации. Примечательно, что эмотивы с положительной коннотацией (*orgullo, alegría, satisfacción*) употребляются лишь в исключительных случаях и не являются повторяющимися элементами. В представленном ниже примере лексический повтор является важнейшим ресурсом реализации *тактики обращения к эмоциям* (за счет эмотивов негативной коннотации *dolor* и *duelo*, явно выделяющихся в последние два пандемийных года и представляющих собой феномен семантической эквивалентности) в рамках *стратегии формирования эмоционального настроения адресата* (при этом следует отметить и *тактику единения* – *po están solos, compartimos, el nuestro, todos nos reconocemos*):

No están solos en su dolor; es un dolor que compartimos; su duelo es el nuestro, que aquí se hace presente ante todos los españoles. Dolor y duelo en los que también todos nos reconocemos...

Они не одиноки в своей боли; мы разделяем их боль; их боль – наша боль, которую мы переживаем здесь вместе со всеми испанцами. Это боль и горе, которые мы испытываем все вместе... (16.07.2020, речь памяти жертв коронавируса).

Кроме того, к числу повторяющихся в публичном дискурсе современного испанского монарха лексем-эмотивов негативной семантики относятся *preocupación* и *inquietud*, являющиеся еще одним примером явления семантической эквивалентности:

Sé muy bien que en Cataluña también hay mucha preocupación y gran inquietud con la conducta de las autoridades autonómicas.

Я прекрасно знаю, что в Каталонии сейчас тоже наблюдается серьезное беспокойство и волнение в связи с поведением местных властей (03.10.2017, речь по случаю каталонского кризиса);

[...] pero los actuales son, sin duda, tiempos de mucha incertidumbre, de cambios profundos y acelerados en muchos ámbitos que provocan en la sociedad preocupación e inquietud, tanto dentro como fuera de nuestro país...

[...] нынешние времена, без сомнения, отличаются большой неопределенностью, глубокими и быстрыми изменениями во многих областях, которые вызывают беспокойство и волнение как внутри, так и за пределами нашей страны (24.12.2019, рождественское послание).

С учетом сделанных наблюдений можно сделать вывод, что лексические повторы являются характерной чертой выступлений испанского монарха в первую очередь перед национальной аудиторией. В речах внешней адресации данный ресурс, обладающий высоким прагматическим потенциалом, не является средством речевого воздействия. С точки зрения прагматики лексические повторы выступают в качестве вспомогательного инструмента реализации стратегий и тактик речевого воздействия прежде всего в публичных речах внутренней адресации, нацеленных на активное продвижение конкретных идей и образов при

помощи соответствующего эмоционального и оценочного сопровождения (особую роль приобретают дескриптивные и оценочные прилагательные).

Все вышеперечисленные функции лексических повторов (информативная, репрезентативная и контактоустанавливающая) представляют собой вариации более общих значимых для политического дискурса функций: *суггестивной*, *коммуникативной* и *экспрессивной*. Основной функцией в публичном дискурсе испанского монарха является *суггестивная* – в ее реализации принимают участие все рассмотренные ранее виды повтора. *Коммуникативная* функция осуществляется за счет тавтологических повторов в составе параллельных, анафорических и парцеллированных синтаксических конструкций; их задача заключается в структурировании устного текста и упрощении его восприятия. В реализации *экспрессивной* функции (за счет тавтологического повтора и семантически эквивалентных элементов) принимают участие в основном лексемы-эмотивы, призванные передать эмоциональное напряжение общества, находящее сочувствие у оратора, разделяющего боль и скорбь с согражданами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Проведенное исследование публичных речей современного испанского монарха с точки зрения их типологии и ресурсов речевого воздействия, использующихся в реализации лингвопрагматического потенциала публичного дискурса главы испанского Королевского дома, позволяет сделать следующие выводы:

1. В зависимости от компонентов прагматической рамки – характеристик целевой аудитории и тематики сообщения – возможно систематизировать типы публичных выступлений современного испанского монарха. К *речам внутренней адресации* относятся традиционные *ритуальные выступления* (коронационная речь, рождественские послания, выступления на открытии сессии Парламента, по случаю празднования Военной Пасхи), *выступления на торжественных мероприятиях* (на церемониях награждения и вручения национальных премий), *выступления перед согражданами в других государствах* и *выступления по особым случаям* (речи по случаю празднования 40-летия принятия Конституции, в связи с каталонским кризисом 2017 г., пандемией коронавируса, на церемонии поминовения ее жертв, в связи с извержением вулкана на острове Пальма в 2021 г.). К королевским речам *внешней адресации* относятся *выступления на международных площадках перед официальными представителями государств и международной общественности* (на Генеральной Ассамблее ООН, перед Европарламентом, Советом Европы, на конгрессах Академий испанского языка, экономических форумах и пр.), *выступления на торжественных мероприятиях* (на приемах перед главами других государств, церемонии вручения Премии Принцессы Астурийской), *выступления перед дипломатическим корпусом*. Основными коммуникативными целями данного типа сообщений являются изложение доктринальных принципов и

стратегических приоритетов, а также демонстрация приверженности государства принятому мировым сообществом курсу, что полностью соответствует представительской функции монарха.

2. Трансляция взаимоприемлемых идеологических установок и традиционных ценностных координат является ключевой интенцией современного испанского монарха, который использует идеологемы как основное средство категоризации мира и закрепления в общественном сознании определенной аксиологической модели. С их помощью у испанского социума формируются необходимые представления о картине мира, которую можно разделить на два типа: а) базисную и б) соответствующую конкретному национальному и международному историческому контексту. Базисную картину мира (государственное и социальное устройство) традиционно формируют идеологемы, обозначающие (а) основы государственности и (б) базовые ценности, а также (в) идеологемы интегративной семантики. Формирование картины мира, соответствующей конкретному национальному и международному историческому контексту, в последние годы (с 2017 г.) реализуется при помощи *идеологем* преимущественно с *отрицательным аксиологическим модусом*, называющих ключевые социально-экономические и политические проблемы испанского общества и мира в целом.

3. Во время пандемии коронавируса (с 2019 г. по настоящее время) обращает на себя внимание стремление испанского монарха создать необходимый эмоциональный фон для борьбы с ее социально-экономическими последствиями на основе национальной патетики с помощью похвалы адресата (*gran país, gran pueblo, gran nación, país extraordinario, profesionales extraordinarios*). В публичных речах **внутренней адресации** особое значение в настоящее время приобретают *идеи жертвенности и самоотверженного труда*, транслируемые при помощи идеологем с положительным аксиологическим модусом (*sacrificio,*

esfuerzo, entrega, abnegación, trabajo al servicio del bien común, profesionales extraordinarios) в целях повышения коллективной самооценки, закрепления в общественном сознании представлений о нормах поведения в условиях чрезвычайного положения и выстраивания комфортного диалога с национальной аудиторией.

4. В публичных речах *внешней адресации* наряду с идеологемами интегративной семантики в качестве инструмента формирования благоприятного имиджа Испании за рубежом в рамках *стратегии презентации страны* активно используются *идеологемы, формирующие образ нации* (страны), что напрямую соотносится с представительской функцией, входящей в обязанности монарха как главы государства. При этом их употребление в речах *внутренней адресации* связано с высокой степенью патетики последних, что позволяет создать необходимый эмоциональный фон для восприятия проблемной информации в условиях социально-экономической и политической нестабильности.

5. Стратегии и тактики речевого воздействия представляют собой важнейший инструмент влияния в публичных выступлениях современного испанского монарха. В обоих типах публичных речей испанского монарха отсутствуют *стратегия борьбы за власть* и *стратегия самозащиты*, что связано с его аполитичностью и ролью общественного арбитра. Набор стратегий и тактик варьируется в зависимости от целевой аудитории: для выступлений *внутренней адресации* ключевыми становятся *стратегия самопрезентации*, отвечающая за утверждение авторитета института монархии в глазах испанского общества, *стратегия формирования эмоционального настроения*, выполняющая задачу объединения граждан на основе национальной патетики, *стратегии убеждения* (*аргументативная* и *агитационная*), обозначающие роль монарха как гаранта стабильного развития государства. Явное превалирование *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии* в речах *внешней адресации*

объясняется поставленной перед оратором задачей по созданию положительного образа Испании за рубежом.

6. В рамках *агитационной стратегии* особо выделяется *тактика призыва*, используемая для трансляции необходимых взаимоприемлемых моделей поведения в обществе преимущественно с помощью глаголов в повелительном наклонении или модальных конструкций. В публичном дискурсе Филиппа VI имеет место *прямой* (*sigamos adelante, trabajemos juntos, mantengámonos unidos...*) и *косвенный* (*es necesario, hay que, debemos...*) *призыв*, при этом их активное использование характерно для речей *внутренней адресации*, в которых монарх выступает непосредственно в качестве идеологического мобилизатора испанского гражданского общества.

7. В публичных речах *внешней адресации* за счет *тактики призыва* в рамках *агитационной стратегии* испанский монарх декларирует идею необходимости международного сотрудничества в первую очередь в рамках Европейского Союза, являющегося в данный момент стратегическим партнером, от которого экономически и политически зависит Испания. Однако в речах данного типа следует отметить явное превалирование *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии*, направленных на презентацию Испании как развитого демократического общества, готового следовать общепринятым нормам с целью получить поддержку со стороны мирового сообщества, что полностью отвечает коммуникативному намерению монарха.

8. Метафоры в публичном дискурсе современного испанского монарха используются для трансляции идеологического содержания и выражения оценки, а также одновременно служат вспомогательным средством реализации *агитационной (тактика призыва)* и *информационно-интерпретационной стратегий (тактики признания существования проблемы и указания на путь решения проблемы)*. Систематизация данных

о семантических сферах используемых метафор позволила выявить следующие тенденции: в королевских речах *внутренней адресации* особое место занимают метафоры со сферой-источником ВОЙНА, ДОРОГА, СТРОИТЕЛЬСТВО и ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА, отвечающие за продвижение ключевых идей с целью формирования базовой картины мира. С их помощью создаются основы восприятия образа страны (метафорические модели «ИСПАНИЯ – это НАШ ДОМ», «КОНСТИТУЦИЯ – это ФУНДАМЕНТ ГОСУДАРСТВА», «ИСПАНИЯ – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ», «ПАРЛАМЕНТ – это СЕРДЦЕ ИСПАНИИ», «КОРРУПЦИЯ/ТЕРРОРИЗМ/ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ – это ЯЗВА») и реализуется призыв к совместной созидательной деятельности (метафорические модели «РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ – это БОРЬБА», «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – это ОБЩИЙ ПУТЬ», «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – это СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА»). В королевских речах *внешней адресации* метафоры в первую очередь используются для создания положительного образа Испании (метафорическая модель «ИСПАНИЯ – это СОЮЗНИК/ДРУГ») и трансляции принципов существования Европейского Союза (метафорические модели «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА», «ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ – это ФУНДАМЕНТ ЕВРОПЫ», «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это ОБЩИЙ ПУТЬ», «РАБОТА ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ – это ПОКАЗАТЕЛЬ ЗДОРОВЬЯ ЕВРОПЫ») в рамках *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии*.

9. Лексический повтор является еще одним традиционным ресурсом речевого воздействия, характерным для публичного властного дискурса в исполнении Филиппа VI. Рассмотрение его типологии с точки зрения *семантики повторяющихся лексем*, *синтаксического макроконтекста* и *прагматического контекста* позволяет увидеть тенденции использования данного средства выразительности в публичном дискурсе современного

испанского монарха. Особая роль в его выступлениях принадлежит *тавтологическим повторам* 1) *идеологем, отражающих государственное устройство*, и 2) *идеологем интегративной семантики*, использование которых непосредственно соотносится с *аргументативной стратегией*, призванной обосновать традиционно установленные нормы и модели поведения, а также жизненно важные идеи, обеспечивающие стабильность государства. Еще одним повторяющимся элементом выступают *местоимения интегративной семантики* (*todos, nuestro, nosotros*), подчеркивающие идею необходимости коллективных усилий для достижения общих целей в рамках *стратегии формирования эмоционального настроения адресата* (*тактика единения*).

10. Повторяющиеся в королевских публичных речах *внутренней адресации* прилагательные, используемые в рамках *информационно-интерпретационной стратегии* и *стратегии формирования эмоционального настроения*, можно разделить на две группы, каждая из которых включает две разновидности: *дескриптивные* (1) характеризующие основы государственности; 2) обозначающие новый этап развития страны) и *оценочные* (1) описывающие образ нации; 2) транслирующие проблемность ситуации). Особое значение среди них имеют оценочные прилагательные, формирующие вполне определенное отношение аудитории к событиям и фактам (согласие или неприятие) и создающие основу для однозначного восприятия действительности.

11. *С точки зрения синтаксического макроконтекста* лексический повтор в королевских публичных речах используется в параллельных (за счет дистантного повтора), анафорических (за счет дистантного повтора) и парцеллированных (за счет контактного повтора) конструкциях. При этом *дистантные* и *контактные повторы* свойственны в первую очередь королевским речам *внутренней адресации*, допускающим активное использование сложноподчиненных предложений, которые задают

синтаксическую рамку для реализации коммуникативного намерения оратора (уточнение, разъяснение, аргументация и убеждение).

12. Цели использования лексического повтора в публичных выступлениях Филиппа VI сводятся к (а) *расширению функционального образа реалии-референта* (монарха в рамках **стратегии самопрезентации**, Генеральных кортесов и Конституции в рамках **информационно-интерпретационной стратегии**), (б) *презентации различных граней образа реалии-референта* (страны и общества) в рамках **стратегии презентации страны** и (в) *интенсификации эмоционального участия говорящего в состоянии собеседника* (проявление сочувствия и поддержки) в рамках **стратегии формирования эмоционального настроения адресата**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках проведенного исследования был проанализирован корпус публичных выступлений современного испанского монарха Филиппа VI с июня 2014 г. по февраль 2022 г. для рассмотрения реализации их *лингвопрагматического потенциала*. Для достижения данной цели были выполнены следующие *задачи*: 1) систематизированы имеющиеся в отечественной и зарубежной научной литературе сведения о природе институционального статусно-ориентированного дискурса и особенностях его изучения; 2) определены признаки и типы публичной речи как феномена политической коммуникации; 3) обобщены результаты исследований в области речевого воздействия в публичной политической речи; 4) представлена типология публичных выступлений современного испанского монарха; 5) приведена классификация типов идеологем публичного дискурса испанского монарха в соответствии с их тематической направленностью; 6) выявлены и охарактеризованы стратегии и тактики речевого воздействия в различных по типу публичных выступлениях короля; 7) рассмотрены виды метафорических моделей и их функции в публичном дискурсе испанского монарха; 8) приведена классификация лексических повторов в публичном дискурсе испанского монарха и описаны их основные функции; 9) выявлена зависимость между ресурсами речевого воздействия (идеологемами, стратегиями и тактиками, языковыми средствами выразительности) и компонентами прагматической рамки (коммуникативным намерением оратора, характеристиками целевой аудитории, тематикой сообщения, сложившимся историческим и современным социально-политическим контекстом).

На основании проведенного исследования корпуса публичных речей современного испанского монарха представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Публичная речь Филиппа VI, содержание которой определяется историческими, социокультурными и общественно-политическими факторами, является *особым речевым жанром*, сочетающим в себе свойства политического и институционального дискурса. Выступления монарха как главы государства относятся к *дискурсу власти* и представляют собой коммуникативный ресурс, необходимый для выражения и трансляции убеждений и установок оратора с целью конструирования социальных смыслов и управления общественным сознанием.

2. В соответствии с теорией речевых актов в публичном дискурсе современного монарха обязательно присутствуют *элементы речевого воздействия*. Перлокутивный эффект достигается за счет идеологем, стратегий и тактик, метафор и лексических повторов, особенности употребления которых напрямую соотносятся с *прагматической рамкой* (коммуникативным намерением оратора, характеристиками целевой аудитории, тематикой сообщения, сложившимся историческим и современным социально-политическим контекстом) и являются важным инструментом продвижения не вызывающих сомнения идей.

3. Компоненты прагматической рамки (в первую очередь характеристики целевой аудитории, тематика сообщения и социально-политический контекст) определяют *типологию публичных речей* современного испанского монарха, которая включает их две основные – ориентированные на *внутреннего* и *внешнего слушателя* – разновидности, в свою очередь систематизированные согласно тематике события и интенциям оратора. При этом помимо традиционных ритуальных речей в коммуникативной практике испанского монарха последних лет (с 2017 г.) в рамках *речей внутренней адресации* обращают на себя внимание *выступления* перед согражданами *по особым случаям*, которые отражают его стремление своевременно реагировать на неординарные (чаще всего кризисные) социальные, политические и экономические события в стране.

Их коммуникативная цель заключается в обозначении проблемного социально-экономического и политического контекста и проявлении эмоциональной поддержки аудитории, что полностью соотносится с заявленными еще в коронационной речи Филиппа VI характеристиками «обновленной» монархии.

4. Королевские публичные выступления являются идеологически ангажированным дискурсом, учитывающим сложившийся исторический и современный социально-политический контекст в стране и мире. В качестве основного ресурса речевого воздействия в публичном дискурсе испанского монарха используются идеологемы, служащие средством категоризации мира, трансляции ценностных координат и задающие адресату (обществу) целенаправленный алгоритм мышления (миромоделирующая функция).

5. Изучение идеологем в королевских речах *внутренней адресации* позволило выявить следующую закономерность: основная роль в них принадлежит используемым главным образом в рамках *информационно-интерпретационной стратегии* и *стратегии формирования эмоционального настроения адресата* (1) *идеологемам, отражающим основы государственности*, (2) *идеологемам национального единства*, отвечающим за стабильность развития страны и общества в условиях внутривластной нестабильности (каталонский кризис, кризис института монархии), а также (3) *идеологемам ценностной семантики*, задающим обществу и властным структурам ориентиры и желаемые модели поведения. В речах внешней адресации особую роль играют *идеологемы интегративной семантики* в рамках *декларативной стратегии* и *стратегии презентации страны*, указывающие на приверженность Испании общепринятому курсу ведения внешней политики.

6. В публичном дискурсе испанского монарха описание существующих проблем современности за последние пять лет (с 2017 г.) посредством *идеологем с негативным аксиологическим модусом* является

целенаправленной тактикой, используемой в рамках *информационно-интерпретационной стратегии* с целью ведения демократического, открытого и честного диалога как внутри страны, так и за ее пределами. Признание существования проблем в виде их констатации свидетельствует об отсутствии манипуляции общественным мнением со стороны монарха и является одним из способов управления массовым сознанием в целях понижения градуса напряженности во взаимоотношении власти и социума.

7. Публичные речи Филиппа VI в целом характеризуются традиционным для политического дискурса набором стратегий и тактик речевого воздействия (за исключением *стратегии борьбы за власть*), обеспечивающих речевой акт статусно-ориентированной институциональной коммуникации современной монархии. Вместе с тем в речах *внутренней адресации* Филиппа VI по сравнению с его выступлениями перед международной аудиторией логично прослеживается более широкий спектр используемых стратегий и тактик: *стратегия самопрезентации* утверждает авторитет института монархии и закрепляет в общественном сознании необходимость фигуры монарха в роли главы государства и одновременно социального медиатора; *стратегия формирования эмоционального настроения* реализует стоящую перед Королевским домом задачу объединения социума на основе общенациональной патетики; *стратегии убеждения* отражают роль монарха как гаранта поступательного коллективного созидания и регулятора общественного унастроения.

8. Рассмотрение публичного дискурса Филиппа VI с точки зрения событийного контекста позволило увидеть следующую закономерность: в условиях социально-экономической нестабильности (каталонский кризис 2017 г., пандемия коронавируса (2019–2021 гг.), извержение вулкана на острове Пальма в 2021 г.) обращает на себя внимание тенденция к большей эмоциональной нагруженности речи с целью подчеркивания участия

монарха в судьбе сограждан, что достигается за счет *стратегии формирования эмоционального настроения адресата*, являющейся важнейшим инструментом удержания власти в политической коммуникации. Ее использование (преимущественно в публичных речах *по особым случаям*) способствует выстраиванию комфортной атмосферы общения и созданию ситуации взаимного доверия коммуникантов с помощью *тактики единения, обращения к эмоциям адресата и учета ценностных ориентиров*.

9. В публичном дискурсе испанского монарха одним из вспомогательных ресурсов речевого воздействия являются метафоры с традиционными для политической коммуникации сферами-источниками (ВОЙНА, ДОРОГА, СТРОИТЕЛЬСТВО, ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА и ЗДОРОВЬЕ). Их использование обусловлено в первую очередь характеристиками аудитории и в меньшей степени зависит от социально-политического контекста. *Метафорические модели*, как традиционные для политической коммуникации («РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ – это БОРЬБА», «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – это ОБЩИЙ ПУТЬ», «РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА – это СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА», «КОРРУПЦИЯ/ТЕРРОРИЗМ/ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ – это ЯЗВА»), так и с национально обусловленным компонентом («ИСПАНИЯ – это НАШ ДОМ», «КОНСТИТУЦИЯ – это ФУНДАМЕНТ ГОСУДАРСТВА», «ИСПАНИЯ – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ», «ПАРЛАМЕНТ – это СЕРДЦЕ ИСПАНИИ»), являются способом реализации коммуникативного намерения оратора прежде всего в публичных речах *внутренней адресации* в рамках *агитационной* и *информационно-интерпретационной стратегий*. В речах *внешней адресации* метафоры создают положительный образ страны (метафорическая модель «ИСПАНИЯ – это СОЮЗНИК/ДРУГ») и трансляции принципов существования Евросоюза (метафорические модели «РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА», «ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ – это ФУНДАМЕНТ ЕВРОПЫ»),

«РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ – это ОБЩИЙ ПУТЬ») в рамках *стратегии презентации страны* и *декларативной стратегии*.

10. В публичных речах *внутренней адресации* спектр функционального использования данного вида тропа значительно шире по сравнению с выступлениями перед международной аудиторией: в них метафора выполняет *суггестивную* (воздействие на аудиторию с помощью продвижения значимых для оратора идей), *инструментальную* (формирование положительных или отрицательных представлений о реалиях общественно-политической и экономической жизни), *моделирующую* (корректировка существующей у адресата картины мира) и *популяризаторскую* (описание явлений общественно-политической жизни доступным языком) функции, а в публичных речах *внешней адресации* – *моделирующую* (создание положительного образа Испании) и *популяризаторскую* (информирование о намерениях руководства страны) функции.

11. Результаты исследования лексического повтора как традиционного вспомогательного ресурса речевого воздействия в публичном дискурсе главы испанского Королевского дома наглядно показали, что с точки зрения *семантики повторяющихся лексем* данное средство языковой выразительности находится в прямой зависимости от сложившегося исторического и современного социально-политического контекста и служит вспомогательным инструментом реализации стратегий и тактик речевого воздействия прежде всего в публичных речах *внутренней адресации*, в которых монарх активно продвигает идеи и образы при помощи соответствующего эмоционального и оценочного сопровождения. При этом повторы выполняют *суггестивную* (убеждение адресата), *коммуникативную* (структурирование информации) и *экспрессивную функции* (интенсификация эмоциональной поддержки). Вместе с тем обращает на себя внимание тенденция, явно обозначившаяся в социально-

политическом контексте последних пяти лет (с 2017 г. по настоящее время), когда в публичном дискурсе современного испанского монарха в рамках *стратегии формирования эмоционального настроения адресата* в качестве повторяющихся элементов стали использоваться *лексемы-эмотивы негативной коннотации* (например, *angustia, desánimo, tristeza, preocupación, temor, incertidumbre*), что связано с необходимостью демонстрации в рамках *тактики обращения к эмоциям адресата* участия со стороны государственного лидера в жизни общества в остро кризисные периоды в целях понижения градуса эмоциональной напряженности.

Таким образом, публичные выступления современного испанского монарха, представляющие собой разновидность дискурса власти, отвечают правилам торжественного красноречия и являются примером статусно-ориентированной институциональной и политической (неманипулятивной) коммуникации. В ходе работы было выявлено, что желаемый прагматический эффект достигается за счет совокупности инструментов речевого воздействия (идеологем, стратегий и тактик речевого воздействия и языковых средств выразительности), набор которых обусловлен *прагматической рамкой* (коммуникативными интенциями оратора, характеристиками целевой аудитории, тематикой сообщения, сложившимся историческим и современным социально-политическим контекстом). Ее компоненты также определяют типологию публичных речей Филиппа VI (речи *внутренней* и *внешней адресации*), которая была расширена в последние пять лет (с 2017 по 2022 гг.) в связи с необходимостью монархии оперативно реагировать на проблемные явления социально-экономического и политического характера, проявлять эмоциональную поддержку аудитории и снижать градус напряженности во взаимоотношении власти и социума (речи по *особым случаям*).

В заключении следует отметить, что исследование публичной политической речи в исполнении государственного лидера по-прежнему

представляет собой динамически развивающееся направление в современном языкознании. Интерес к данной проблематике обусловлен потребностью в оптимизации политической коммуникации и поиском эффективных средств речевого взаимодействия в современных условиях. К перспективам дальнейших исследований следует отнести рассмотрение эволюции дискурса испанской монархии с момента ее реставрации после диктатуры Ф. Франко с 1975 г. (сравнение языковых особенностей дискурса Хуана Карлоса I и Филиппа VI). Кроме того, многообещающим видится дальнейшее изучение жанра публичной политической речи на материале речей (а) председателя Правительства Испании, (б) партийных лидеров Испании, (в) государственных и общественных деятелей стран Латинской Америки, (г) монархов других европейских стран. Расширение источниковой базы (анализ средств массовой информации) позволит оценить масштаб вызванного ими общественного резонанса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Е.К., Агаркова О.А. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: особенности композиции и содержания // Мир науки, культуры, образования. 2019. №3 (76). С. 351-353.
2. Аванесова Н.В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 5-9.
3. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №6 (1). С. 403-409.
4. Алексеева Т.А. Институт главы государства в Испании: формирование и эволюция доктрины в национальном правоведении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. №2. С. 173-199.
5. Алешина Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2016. №3. С. 293-301.
6. Алешина Е.Ю. Публичное политическое выступление в конфликтной ситуации (на материале английского языка): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2022. 351 с.
7. Алифанова О.Г. Дискурс модельной личности Принцессы Уэльской в современном политическом контексте Великобритании // Политическая лингвистика. 2020. №2 (80). С. 44-50.
8. Алонцева Н.В., Ермошин Ю.А. О некоторых лингвистических особенностях официальной публичной речи // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. №2. С. 12-22.
9. Андреев Н.И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2011. №3. С. 70-81.
10. Артюхова А.А. Коммуникативные стратегии в митинговом дискурсе // Одесский лингвистический вестник. 2014. Вып. 3. С. 25-32.
11. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136-137.
12. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 3-42.

13. Архипов И.К. Человеческий фактор в языке: учебно-методическое пособие (материалы к спецкурсу). СПб.: Невский институт языка и культуры, 2001. 110 с.
14. Афанасенко Е.В. Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 265 с.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 571 с.
16. Бабитова Л.В. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. 215 с.
17. Багана Ж., Бочарова Э.А. Языковые средства персуазивной коммуникации в предвыборном политическом дискурсе (на материале предвыборных кампаний в России и США 2007-2008 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. №2. С. 5-10.
18. Байрамкулова З.М. Невербальные коммуникации в структуре современных избирательных политических технологий: дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2013. 144 с.
19. Балыхина Т.М., Нетесина М.С. Выразительные средства синтаксиса современного политического дискурса // Векторы благополучия: экономика и социум. 2012. №3 (4). 2012. С. 264-268.
20. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. Т.5: Работы 1940-1960 гг. М.: Русские словари, 1996. С. 159-206.
21. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
22. Берендеев М.В. Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере политических образов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6. С. 91-99.
23. Блох М.Я., Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодический строй. М.: Прометей, 2011. 340 с.
24. Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного англ. языка: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 140 с.
25. Бондаренко И.В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №2. С. 52-60.

26. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 81-96.
27. Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием (на материале президентских предвыборных кампаний в России и США 2007-2008 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013. 232 с.
28. Будаев Э.В. Военная метафорика в дискурсе СМИ // Acta Linguistica. 2008. Т. 2. №1. С. 29-36.
29. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. Т. 25. №2. С. 103-113.
30. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
31. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 337 с.
32. Варавкина В.Ю. Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 181 с.
33. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 99-111.
34. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 226 с.
35. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю.А. Бельчиков. М.: Высшая школа, 1978. 367 с.
36. Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: АПН СССР, 1963. 255 с.
37. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
38. Вишнякова О.Д., Александрова В.А. Антропонимическое прозвище как индикатор оценочности в политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №2. С. 70-82.
39. Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» // Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1998. С. 22-46.

40. Вознесенская Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 186 с.
41. Володенков С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. №3. С. 57-69.
42. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
43. Воробьева О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. М.: Издательство ИКАР, 2008. 296 с.
44. Воронцова И.С. Концептуальная метафора в аргентинском политическом дискурсе (на примере выступления президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Ибероамериканские тетради. 2019. Вып. 1 (23). С. 80-88.
45. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования // Политическая наука. 2017. №2. С. 54-72.
46. Гаджиева А.Д. Механизмы создания экспрессивности (на примере текстов выступлений англоязычных политиков) // Политическая лингвистика. 2019. №4 (76). С. 66-72.
47. Гак В.Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М.: Наука, 1987. С. 24-33.
48. Генералова С.Н. Коннотативные смыслы в дискурсе как отражение личностной концептосферы политика (на материале американского президентского дискурса): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 201 с.
49. Генералова С.Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. С. 95-101.
50. Герасимов В.И., Ильин М.В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. С. 68-75.
51. Гладко М.А. Стратегия эмоционального настроения во внутренней коммуникативной среде организаций // Ученые записки Крымского университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). №1. С. 41-47.
52. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. 335 с.

53. Голубева Т.М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 174 с.
54. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. №3 (19). С. 29-45.
55. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
56. Гращенков П.В., Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23). Т. 2. 2017. С. 134-149.
57. Гребельник Т.В. Структурные и функциональные особенности употребления дискурсивных слов в политической речи (на примере речи президента Российской Федерации В.В. Путина) // Вестник АГТУ. 2015. №1 (59). С. 67-72.
58. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
59. Грушевская Е.С. Институциональный дискурс как пространство реализации категории адресатности // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №2. С. 173-178.
60. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.
61. Данилина В.В. Политическая ораторская речь в ритмико-текстологическом аспекте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 212 с.
62. Данилова Е.Р. Особенности функционирования комплексной анафоры в политическом дискурсе: когнитивно-референциальный и лингвопрагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 235 с.
63. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
64. Демкина А.В. Когнитивно-языковое пространство политического дискурса испанской партии «Подемос» в аспекте прагмалингвистики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 181 с.

65. Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политической лингвистики // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 77-121.
66. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. №3. С. 32-43.
67. Джioева А.А., Стрельникова О.Ф. Глобальность метафоры СЕМЬЯ в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №1. С. 83-90.
68. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
69. Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 203 с.
70. Заикина Ю.А. Речевые средства реализации стратегии самопрезентации в современных политических текстах // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2011. №9. С. 10-12.
71. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2006. 202 с.
72. Зарипов Р.И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник РУДН. 2014. №2. С. 145-158.
73. Зверев А.И. Театральная лексика и терминология в политическом дискурсе (на материале русской и немецкой публицистики): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 260 с.
74. Зененко Н.В. Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2018. №4 (70). С. 28-34.
75. Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 239 с.
76. Золян С.Т. Семиотика и прагмасемантика политического дискурса // Политическая наука. 2016. №3. С. 47-76.
77. Зорина Н.М., Киреевкова З.А., Краснова О.Н. К вопросу об особенностях политического дискурса в современной России // Сервис+. 2017. №1. С. 37-43.

78. Иванова Ю.М. Стратегии речевого общения в жанре предвыборных теледебатов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 138 с.
79. Ильичева В.В. Инаугурационная речь как инструмент формирования политического имиджа в контексте русской риторической традиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 207 с.
80. Ильичева Ю.А. Речевое манипулирование в политическом тексте // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Язык и литература. 2013. №4. С. 172-184.
81. Ипполитова Н.Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике. Саранск: Мордов. ун-т, 1988. 80 с.
82. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: ОмГУ, 1999. 284 с.
83. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2020. 240 с.
84. Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 187 с.
85. Карамова А.А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. №2 (48). С. 143-148.
86. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №1 (21). С. 17-34.
87. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. Саратов, 2002а. Вып. 3. С. 157-171.
88. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002б. 477 с.
89. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. 406 с.
90. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
91. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: 2000 г.: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 207 с.
92. Катинская М.В., Замятина А.В. К вопросу о комплексном подходе к изучению политической публичной речи // Вестник КГУ. 2017. №3. С. 160-165.
93. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.

94. Кашпур В.В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 183 с.
95. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. №1. С. 26-33.
96. Кегеян С.Э., Ворожбитова А.А. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма). М.: Флинта, 2014. 124 с.
97. Киянова К.А. Коммуникативно-речевая структура публичной политической речи (на материале выступлений Ангелы Меркель): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 189 с.
98. Клушина Н.И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 262-284.
99. Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. №4. С. 54-58.
100. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 352 с.
101. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учеб. пособие. М.: ПРИОР, 1998. 224 с.
102. Кобозева И.М. Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. №2. С. 41-46.
103. Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык средств массовой информации / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2008. С. 221-236.
104. Ковалева Е.И. Преемственность традиций классической риторики в американском публичном выступлении (на материале общественно-политических деятелей США): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 204 с.
105. Ковалева Т.Г. Имя прилагательное в политическом дискурсе: на материале текстов русских и немецких печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 222 с.
106. Кожемякин Е.А. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 4 (38). С. 52-57.

107. Кожина М.Н. Речеведческий аспект теории языка // *Stylistyka*. VII. Opole, 1998. S. 5-31.
108. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи*. 1999. Вып. 2. С. 52-61.
109. Комисарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шредера): дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 250 с.
110. Кондратенко Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междун. конф. «Диалог 2007»* (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / под ред. Л.Л. Иомдина и др. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 302-306.
111. Константинова А.С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 181 с.
112. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2018. 176 с.
113. Корецкая О.В. Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа // *Преподаватель XXI век*. 2017. №2. С. 349-355.
114. Корнилаева Н.Н. Языковые средства как способ моделирования восприятия в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 180 с.
115. Косицкая Ф.Л. Речевой жанр как единица контрастивного анализа // *Вестник ТГПУ*. 2006. №4. С. 101-105.
116. Космодемьянская В.И. Стратегии и тактики в аргументативном политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2016. №1 (55). С. 99-103.
117. Которова Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2019. №1. С. 98-115.
118. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
119. Крышталева В.Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. Т. 17. №2. С. 77-90.

120. Крячкова А.П. Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 170 с.
121. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. 144 с.
122. Курчаткина О.А. Некоторые особенности политического дискурса Председателя Правительства Испании Х.Л. Родригеса Сапатеро // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. №3. С. 38-43.
123. Кучеренко К.В. Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы // Вестник МГИМО. 2012. № 5. С. 255-259.
124. Кучеренко К.В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации: на материале выступлений испанских политиков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 181 с.
125. Ласица Л.А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 19-24.
126. Литвинова Т.И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 203 с.
127. Логачев С.А. Метафора войны в политическом дискурсе (на материале немецких СМИ) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №49. С. 94-97.
128. Логинова И.Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 159 с.
129. Лотман Ю.М. Структура художественного текста (семиотическое исследование по теории искусства). М.: Искусство, 1970. 384 с.
130. Маклакова Т.Б. Тропы и фигуры речи в процессе самоорганизации текста // Вестник БГУ. 2010. №10. С. 93-100.
131. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №4 (30). С. 32-40.
132. Маркова О.А., Харламова Т.В. Лингвокультурологический анализ речей российских и американских президентов // Политическая лингвистика. 2005. №16. С. 82-97.

133. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А., Лесняк М. Особенности жанровой системы парламентского дискурса // Политическая лингвистика. 2016. №4. С. 133-140.
134. Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селиверстова Л.Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч. II. С. 50-57.
135. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. М: Наука, 1988. 176 с.
136. Метлякова Е.В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 230 с.
137. Минаева Л.В. Британский парламентский дискурс как культурный феномен // Преподаватель XXI век. 2015. №3. С. 396-404.
138. Мингалева О.В. Политическая метафора как механизм когнитивного моделирования действительности (на материале англо-американских, немецких и русских политических метафор): дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 168 с.
139. Миронова А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 177 с.
140. Миронова П.О. Стратегии редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 184 с.
141. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 289 с.
142. Моисеенко Л.В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. №2. С. 105-117.
143. Моротов Д.В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 268 с.
144. Моррис Ч. Основание теории знаков // Семиотика. М.: Наука, 1983. С. 46-58.
145. Мякотина О.В. Имидж политического лидера: тенденции становления и изменения: дис. ... канд. полит. наук. М., 207 с.

146. Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 172 с.
147. Нехорошева А.М. Концептуализация своего и чужого в немецком политическом дискурсе: на материале выступлений Ангелы Меркель: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 172 с.
148. Нигматуллина Э.Р. Эмотивы в англоязычном политическом дискурсе: роль и условия реализации // Политическая лингвистика. 2018. №2. С. 73-81.
149. Никашина Н.В., Попова А.О. Типология повторов в выступлениях Маргарет Тэтчер // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. №4. С. 202-207.
150. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Минск: БГУ, 2009. 183 с.
151. Олешков М.Ю. Институциональный дискурс в категориальном аспекте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №13. С. 150-155.
152. Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи. Жанры речи. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 227-236.
153. Ослопова В.Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 19-22.
154. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986. С. 22-129.
155. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 235 с.
156. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия «Политический дискурс» // Вестник НВГУ. 2013. №2. С. 35-41.
157. Пескова Е.Н. Метафора как средство реализации интенций в политическом дискурсе (на материале текстов региональных предвыборных кампаний): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 171 с.

158. Пионтек М.Б. Общеязыковые факторы генезиса идеологема как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 228 с.
159. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект // Прагматические аспекты функционирования языка. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 114-125.
160. Платонова О.В., Виноградов С.И. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки // Культура русской речи. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 253-280.
161. Плахотная Ю.И. Стратегии и тактики политиков России и США в информационной войне // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: сборник трудов конференции. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2015. С. 196-200.
162. Плотникова С.Н. Дискурсивное оружие как тип информационного оружия: политический аспект // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2009. С. 231-239.
163. Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. Вып. 8. М., 2005. С. 22-26.
164. Помырляну Н.А. Речевое воздействие: способы, типы и приемы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. №3. С. 71-78.
165. Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса // ИСОМ. 2015. Т. 7. №6. Ч. 2. С. 295-300.
166. Постникова Л.В. Просодия и политический имидж оратора (на материале речей американских президентов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 197 с.
167. Поцепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Высшая школа, 1987. 129 с.
168. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 698 с.
169. Правикова Л.В. Политическая коммуникация в парламенте: функции, аргументативно-риторические стратегии и лексико-семантические средства // Вестник ПГЛУ. 2016. №1. С. 153-157.

170. Празян Н.О. Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 199 с.
171. Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.
172. Раевская М.М. Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №4. С. 95-108.
173. Раевская М.М., Селиванова И.В. Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI // Вестник СПбГУ. Серия: Язык и литература. 2021. №4. С. 810-830.
174. Раевская М.М., Селиванова И.В. Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (на материале рождественских речей монарха Хуана Карлоса I) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. №4. С. 52-59.
175. Раевская М.М., Селиванова И.В. Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020б. №1. С. 57-70.
176. Резникова Н.А. Семантический анализ политической лексики // Вестник ТГПУ. 2005. Вып. 4 (48). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 49-54.
177. Родина В.В. Дискурс: генезис, природа и содержание, обзор научных школ // Известия СПбГЭУ. 2018. №1 (109). С. 101-111.
178. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
179. Романова Т.В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с.
180. Рублева Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 183 с.
181. Руженцева Н.Б. Методология и методики лингвопрагматического анализа в российской политической лингвистике // Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 63-91.

182. Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия УрГУ. 2008. №61. С. 144-122.
183. Рюкова А.Р., Филимонова Е.А. Языковые способы реализации персуазивности // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №2. С. 431-435.
184. Рядовая Н.С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации (на материале речей президентов США и России): дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 165 с.
185. Сагайдачная Е.Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков (на материале публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша): дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 206 с.
186. Садуов Р.Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 135 с.
187. Саидгасанова Э.У. Документы волонтерского объединения в коммуникативном аспекте (на материале документов Волонтерского центра «Прорыв» ВолГУ): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 182 с.
188. Самыличева Н.А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов // Вестник ННГУ. 2011. №4-1. С. 354-360.
189. Саунина Е.В. Способы воздействия в речи руководителей государств (на материале выступлений государственных деятелей России и США): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 182 с.
190. Северская О., Саакян Л. Образ, имидж, репутация политика в языке и актуальном политическом дискурсе (опыт корпусного исследования) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2020. №2. С. 357-371.
191. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.
192. Седов К.Ф. Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 86-99.
193. Седых А.П. К вопросу об идиополитическом дискурсе В.В. Путина // Политическая лингвистика. 2016. №1. С. 35-41.
194. Селиванова И.В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании // Политическая лингвистика. 2019. №4 (76). С. 61-65.

195. Селиванова И.В. Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №4. С. 122-132.
196. Селиванова И.В. Лингвопрагматический аспект рождественских обращений Филиппа VI // Вестник ТГПУ. 2020. №2 (208). С. 61-67.
197. Селиванова И.В. Образ монарха в рождественских обращениях Хуана Карлоса I и Филиппа VI // Преподаватель XXI век. 2019. №3. С. 343-351.
198. Селиванова И.В. Отражение образа страны в рождественском послании испанского монарха // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 153-157.
199. Селиванова И.В. Прагматический потенциал метафоры в политическом дискурсе (на материале рождественских речей Филиппа VI) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. №4 (22). С. 1-4.
200. Селиванова И.В. Рождественское обращение испанского монарха как объект лингвистического исследования // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. №2 (27). С. 1-4.
201. Селиванова И.В. Театральная метафора как инструмент манипулирования в испанском политическом дискурсе // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 27. №4 (178). С. 68-74.
202. Селиванова И.В. Функционирование метафоры в политическом дискурсе (на материале рождественских речей испанского короля) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. Т. 4. №15. С. 98-101.
203. Селиванова И.В. Функционирование метафоры при освещении политических событий (на материале прессы) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. №2 (176). С. 74-81.
204. Селиванова И.В. Языковые средства выразительности в рождественских обращениях Филиппа VI // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2020. Т. 17. №1. С. 65-71.
205. Селиванова И.В. Языковые средства выразительности в рождественской речи испанского монарха // Вестник Вологодского государственного

- университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. №1. С. 77-81.
206. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. №5. С. 7-18.
207. Сересова У.И. Язык социальной политики в предвыборной риторике политических партий // Политическая наука. 2017. №2. С. 111-125.
208. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. М.: Академ. проект, 2001. С. 549-562.
209. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151-169.
210. Серль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 242-264.
211. Симонян А.А. Лексический повтор в свете теории политического дискурса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №S7. С. 104-111.
212. Скулимовская Д.А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2017. №1 (67). С. 106-112.
213. Сладкевич Ж.Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2005 гг.) // Политическая наука. 2016. № 3. С. 168-193.
214. Согомонян В.Э. Что такое дискурс власти? // 21-й век. 2012. №1 (21). С. 34-51.
215. Спиридовский О.В. Категория выразительности в президентской коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №2. С. 168-173.
216. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 255 с.
217. Стеклова Т.И. Декларативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 56-62.
218. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1981. Т. 40. №4. С. 325-332.

219. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
220. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. 252 с.
221. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
222. Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т., 1990. С. 125-133.
223. Таджибова А.Н., Быкова Л.В. Дорога как сфера-источник метафорической экспансии при освещении политических событий в прессе Германии // *Litera*. 2018. №3. С. 238-248.
224. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 5-18.
225. Телешева И.В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 180 с.
226. Тихонов А.А. Дискурс власти и власть дискурса в информационном обществе // *Власть*. 2013. №7. С. 54-58.
227. Томашевский Б.В. Стилистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 288 с.
228. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 283 с.
229. Уланова К.Л. Значение повтора как речевой формы категории тождества в ораторской речи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №10-2. С. 221-223.
230. Уржумцева А.О. Языковые особенности политического дискурса (на материале выступлений испанских парламентариев): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 198 с.
231. Урумашвили Е.В. Прагматические аспекты анализа художественного текста // *Известия ВГПУ*. 2010. №2. С. 40-44.
232. Фадеева Г.М. Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // *Вестник МГЛУ. Языкознание*. 2016. Вып. 7 (746). С. 273-285.
233. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // *Вопросы языкознания*. 1991. №6. С. 46-50.

234. Федосеев А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003. 248 с.
235. Филаткина Г.С. Коммуникативные стратегии в политическом медиадискурсе президентов Венесуэлы, Эквадора, Бразилии: 1999-2014 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 265 с.
236. Франке Г. Манипулируемый человек. М.: Молодая гвардия, 1964. 398 с.
237. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 320 с.
238. Цветкова Е.Б. Речевой портрет современных немецких политиков в аспекте прагмалингвистики: на материале текстов протокольно-этикетных речей: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2016. 267 с.
239. Цибуля Н.Б. Взаимодействие просодии и невербальных средств в организации публичного дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. №3 (792). С. 111-131.
240. Цоллер В.Н. Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения // Научные ведомости БГУ. 1998. №2. С. 43-54.
241. Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.
242. Цурикова Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 2001. №2. С. 128-157.
243. Чантуридзе Ю.М. Афроамериканский политический дискурс: когнитивный, лингвокультурологический и риторический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 187 с.
244. Чанышева З.З. Корпоральная прагматика субъекта политического дискурса // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. №4. С. 822-832.
245. Чекменев Д.С. Конструирование общественно-политического дискурса в современной российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук. Пятигорск, 2020. 400 с.
246. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 128 с.
247. Чикилева Л.С. Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 508 с.

248. Чикилева Л.С. Президентский политический дискурс как средство манипуляции: прагмалингвистический аспект // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. №1. С. 20-29.
249. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2012. Вып. 2 (40). С. 53-59.
250. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 176 с.
251. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2001). Екатеринбург, 2001. 238 с.
252. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2009. 292 с.
253. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2007. 254 с.
254. Шевченко О.П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений: на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX-XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 208 с.
255. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
256. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком. М.: Изд-во «АСТ», 2001. 431 с.
257. Эйфельд Е.А. Речевые стратегии и тактики в ежегодных выступлениях Ангелы Меркель // *Вестник Волгоградского университета*. Сер. 2: Языкознание. 2015. С. 95-102.
258. Эргашев А.А. Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы // *Вестник ТГУ*. 2015. №393. С. 48-54.
259. Якобсон Р. В поисках сущности языка // *Семиотика: Антология* / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академ. проект, 2001. С. 111-126.
260. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
261. Barranco Flores N. El eufemismo léxico del discurso político y sus efectos cognitivos // *Logos: Revista Lingüística, Filosofía y Literatura*. 2017. №27 (1). P. 15-30.
262. Barredo Ibáñez D. Siglo XXI y la monarquía. Propuestas para dinamizar la caracterización informativa del rey Juan Carlos I // *Área abierta*. 2013a. Vol. 13. №3. P. 1-22.

263. Barredo Ibáñez D. El tabú real. La imagen de una monarquía en crisis. Córdoba: Berenice, 2013b. 229 p.
264. Bedoya Cabrera C.I. Análisis de la comunicación no verbal en el mensaje de Navidad del Rey Felipe VI en los últimos seis años. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2020. 60 p.
265. Cano-Orón L., Llorca-Abad G. Análisis del discurso oficial de la Casa Real en Twitter durante el periodo de abdicación del rey Juan Carlos I y la coronación de Felipe VI // *Perspectivas de la Comunicación*. 2017. Vol. 10. Nº1. P. 29-54.
266. Casado Velarde M. Lenguaje, valores y manipulación. Pamplona: Eunsa, 2010. 176 p.
267. Foucault M. *The order of discourse // Language and politics*. London: Basil Blackwell, 1984. P. 108-138.
268. García-Ramos A. Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? // *SOCIOLOGIADOS. Revista de investigación social*. 2016. Nº2. P. 15-50.
269. Gaspar A., Ibeas N. El discurso institucional en tiempos de crisis: análisis del Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey // *ZER - Revista de Estudios de Comunicación*. 2015. Vol. 20. Nº38. P. 31-48.
270. Graber D. *Verbal Behavior and Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1976. 361 p.
271. Joslyn R. *Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre and the Study of Political Discourse*. Columbia, 1986. P. 301-338.
272. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
273. Medina López J. Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975-2013) // *Pragmática Sociocultural*. 2016. Nº4 (1). P. 25-73.
274. Núñez Cabezas E.A., Guerrero Salazar S. *El lenguaje político español*. Madrid: Cátedra, 2002. 516 p.
275. Olza Moreno I. Metáfora y argumentación en el lenguaje político y la prensa españoles. Aproximación a las metáforas relacionadas con el “proceso de paz” // *ELUA*. 2008. Nº22. P. 213-242.
276. Ruiz Ruiz J.J. Los discursos y mensajes regios como fuente de “auctoritas” // *VII Jornadas de Derecho Parlamentario: La monarquía parlamentaria: (Título II de la Constitución)*. Madrid: Publicaciones del Congreso de los Diputados,

- Dirección de Estudios y Documentación de la Secretaría General, 2001.
P. 519-532.
277. Ventero Velasco M. Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid: La Ley, 2010.
438 p.
278. Zarzalejos J.A. Felipe VI: un rey en la adversidad. Barcelona: Planeta, 2021.
352 p.